

Время перемен

О прошлом
приказами забыть

ИННА ТРОНИНА

Летом 1993 года над головой бандитского «авторитета» и одновременного милицейского агента Филиппа Готтхильфа сгущаются тучи. «Коллеги»-мафиози подозревают его в измене и берут под наблюдение. Одновременно с этим из Казахстана приезжает вдова тамошнего бандитского главаря Валентина Токовая, которая хочет отомстить Готтхильфу за смерть мужа. Она встречается с питерскими противниками Филиппа для того, чтобы объединить усилия и ресурсы...

Инна Трoнина

О ПРОШЛОМ ПРИКАЗАНО ЗАБЫТЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Оба приятеля очень быстро поняли, что даже по случаю радостной встречи нельзя одновременно употреблять пятидесятиградусную водку «Абсолют-цитрон» и немецкое баночное пиво. Витя Аленицын и Шура Козий страдали от хорошо знакомого синдрома под названием «ёрш» и в связи с этим выглядели непрезентабельно. Они сидели на диване и глубоко дышали через рот, чтобы удержать рвоту. Им не хотелось рисковать дорогой закуской и портить впечатление от этого счастливого дня. Прямо за окном дома цвела черёмуха, и её аромат помогал бороться с дурнотой. Так или иначе, но приятели ещё держались, и к унитазу не бегали.

Аленицын объявился в Красном Селе так неожиданно, что приятель Шура Козий даже не успел «накрыть поляну». Козий тоже работал на Веталия Холодаева, тайком возил «стволы» по стране, но избежал ареста, потому что отсутствовал

в Ленинграде. Сейчас он засуетился, отправил свою подружку в «Гермес», аж на Невский проспект. Тот магазин работал круглосуточно, и мостов на пути не было.

Галька была обязана кличкой «Задница» не только мощной пятой точке, но и своей фамилии — Попова. Шурка часто дурачился и делал ударение на первый слог, чем невероятно злил Галину. Вот и сейчас она, матерясь сквозь зубы, надела поверх бюстгальтера с трусами полотняные чёрные брюки с широченными штанинами и розовую, с люрексом, футболку. Потом сунула ноги в розовые же, плетёные итальянские «лодочки», спустилась вниз и завела малолитражку. «Опель» и существовал в хозяйстве именно для этих целей. Галине пришлось объехать несколько ночных точек, пока, наконец, не удалось купить всё, что требовал Козий. Набив бутылками и пакетами багажник, Галина вернулась в Красное Село уже под утро. И снова завалилась спать.

Шура и Витя накрыли на стол сами — они не хотели, чтобы баба постоянно крутилась рядом и слушала их разговоры. Задёрнув оранжевые, расшитые золотистыми лианами, шторы, они уселись за стол и отвели душу по полной программе. Через некоторое время на скатерти расплылись жирные пятна, а пивные банки и бутылки перемешались с бокалами богемского

хрустала. Табачный дым не мог заглушить запах пота — Виктор ещё не успел помыться с дороги.

Друзья жевали салями, балык, красную икру, огурцы и помидоры. Потом Козий насытился, но Аленицын никак не мог остановиться. Он хватал пищу руками, запихивал в рот и, жуя, задавал хозяину разнообразные вопросы. Несмотря на то, что в зоне его «грели», и регулярно слали увесистые посылки, Виктор на вольном северном воздухе всё равно не наедался, и теперь навёрстывал упущенное. Шура, глядя на него, про себя удивлялся, как дружок только не лопнет. Тот был тощий, как селёдка, и очень злой — то и дело скрипел зубами, плевался и по-страшному бранился.

— Витёк, мы с Задницей трезвыми почти не бываем, — честно признавался он гостю. — Две металлические двери поставили, а всё равно страшно. Только жить начали, вон, всякой техники накупили, мебель импортную, а тут нате — изволь помереть! Хоть ликёр «Блэк шерри», а выпьем. Тогда, вроде, и солнышко ярче светит. А ведь хорошо на белом свете, правда? Наконец, и к нам весна пришла. На Пасху град лупил, а сейчас травушка уже растёт. Ничего, Витёк, отогреешься. За город тебе надо...

Шура, одетый в пижаму изумрудного цвета, чесал волосатую грудь толстыми пальцами с

широкими ногтями. Он ерошил и свои чёрные кудри, свисающие на морщинистый лоб, щурил синие глаза. Он, как и подружка, курил сигареты «More», но только без ментола.

— Изменился Питер, как я заметил, — пробурчал Аленицын, наконец-то отвалившись от стола. — Какие-то лохмотья, остатки прежней роскоши, жвачка из хлеба. Я ехал сюда и думал, что всё по-прежнему. Ан, нет! Вроде, тот же город, а совсем другой. Кругом шопы, офисы, «тачки», фирмачи... — Аленицын открыл новую банку пива и жадно припал к ней. — Завидки берут! Ведь они тут все наряжены, покрашены. А у меня три года — псу под хвост!

Аленицын провёл татуированной рукой с выпачканными в жиру пальцами по своей серенькой пиджачной паре, рубашке с клетку и ёжику белёсых волос.

— Какой-то кислый я стал, плаксивый. Подъехал, вижу — стрелка на твоём доме нарисована, как тогда. Короткая, розовая, с мощным оперением, остриём вверх. Значит, можно заходить, ховира чистая. Шур, щиплют вас менты, или теперь уже всё можно?

— Щиплют покамест, — усмехнулся Козий. — Особенно таких, как мы, «шестёрки». — Он откусил половину свежего огурца и смачно захрустел. — Что, Витёк, сладко дышится вольным

воздухом? Думал, наверное, что позабыли о тебе кореша? Нет, у нас сейчас тут большие дела разворачиваются, и верняки нам нужны. Чего не куришь. Витя?

— Ты бы меня покрепче, чем угостил! Гимназисткам твои сигареты курить. А мне «Беломору» бы... Есть у тебя? Или за три года интеллигенцией стал?

— Галка! — позвал Козий, обернувшись к двери.

Подружка уже встала и сейчас звякала посудой на кухне. Она прибежала на зов, вытирая мокрые губы локтём.

— Чего тебе? — недовольно спросила она, зевая.

— Тащи сюда «Беломор» — у меня под шконкой, в чемодане. Долго тебе, Витёк, отходить придётся. Сломали моего кореша волки позорные... За какого-то легаша! Но ничего, ты теперь вольный, а мог ведь и под «вышака» пойти. Получил «червонец», откинулся после «трёхи», так что звезда твоя счастливая на самом деле...

— Какой «червонец»?! — разозлился Аленицын. — Все двенадцать строгача пиши. — Ладно, что, кроме Васьки Павлюкевича, на меня никого повесить не сумели. Усвятцев, адвокат наш, как раз тогда в больнице с инсультом лежал. Теперь, слышал, под себя ходит и вообще говорить

не может. А ведь соловьём заливался на процессах! Так вот, другого адвоката взяли, Цепакина. Так он — не «золотая пятёрка», а дерьмо с перцем. Дали мне двенадцать лет, а он лыбится: «Поздравляю! Не на тот свет уходите, а в зону. Оттуда всегда вернуться можно»...

— Так правду же сказал! — Шура пожал мощными плечами. — Только ведь Рольник тебя не для того с кич вынул, чтобы ты просто так прохлаждался. Ты ему позарез нужен. Только зачем — не знаю!

— Значит, это Рольник выкупил меня? Феликс? Веталь ценил его...

Аленицын вылез из-за стола, держа дымящуюся папиросу между большим и указательным пальцем — по-блатному. Он пересел на диван от немецкого гарнитура «Либерти» — с рюшками и воланами.

— И Рольник тебя не забыл, — согласился Козий. — Люди должны помогать друг другу, иначе сожрут нас всех.

— Видишь, Шура, лысеть я начал... — Аленицын тяжело вздохнул. — На вечной мерзлоте не поправишься, даже весь «общак» на одного меня потратить. Садись рядом! — Аленицын хлопнул ладонью по покрывалу. — Давно я вот так, с

кентом¹, на красивом диванчике не сживал.

Виктор посмотрел на хозяина слезящимися голубыми глазами, достал носовой платок и вытер с ресниц гнойные корки.

— Что морщишься? Страшный? А ты, Шурик, не лучше был бы, окажись тогда в «Метрополе» с Веталем вместо меня. Я ведь, как прибыл в Питер, сразу на могилу к шефу пошёл. Богатый памятник стоит... Митя, небось, постарался?

— И Ада Витальевна, дочь покойного, тоже. — Козий, шумно вздохнув, уселся рядом с Аленицыным. — Рольник тоже долю дал. Такой человек, как Холодаев, не должен на сажени ютиться.

— Известно, — согласился Виктор. — Так что, я и вправду Рольнику нужен? Он меня тогда в упор не видел, при Ветале-то. Митька был куда душевнее...

Козий протянул руку, взял себе со стола ещё один огурчик:

— Люди нужны, Витёк.

Жуя и хрустя, он подошёл к окну, немного отогнул штору. Дом стоял на углу улиц Доблести и Маршала Захарова. С Финского залива тянуло свежестью, и вокруг всё цвело, благоухало,

---

¹ КЕНТ (жаргон) — друг, приятель.

радовалось теплу. Потушив папиросу, Шура щёлкнул ногтями по стеклу.

— Что они сейчас делают, Митя и Феликс? — спросил с дивана Аленицын.

— Они, хоть и дальние родственники, но дело Веталя ныне поделили. — Шура вернулся от подоконника и вновь придавил диван. — Митя прямо дядины дела продолжает, а Рольник занялся ещё и торговлей.

— Чем торгует? — переспросил Аленицын.

Синие от татуировок его пальцы зашевелились, теребя уже изжёванный ворот рубашки. Жилки на белках воспалённых глаз надулись, и лицо покраснело.

— Людьми, — коротко ответил Козий.

— Не понял.

Амнистированный охранник Веталя Холодаева вытянул вперёд ноги в пыльных полуботинках.

Шура рассмеялся, показав две золотые фиксы:

— Чего испугался-то? Людьмишками торгует. Сейчас это идёт вровень с наркотой и оружием.

— Всё равно не врубаюсь, — признался Виктор. — Куда их возят-то — к нам или от нас? И на кой они сдались Феликсу? Своих, что ли, мало?

— Объясню, слушай внимательно. Такого бизнеса у нас раньше не было. Пока ты сидел, многое изменилось. Например, Союз развалился...

— Я, помню, радовался. Думал, что срок скостят. И не ошибся.

— Ну, вот, видишь! — Шура вдруг начал тщательно подбирать слова. — Московские люди Веталя, да и питерские тоже, основали много разных контор. Теперь же как? У России границы прозрачные, и попасть сюда проще пареной репы. Вот и едут прямиком в Москву...

— Шур, да кому к нам ехать-то нужно? — Аленицын шевельнулся на диване, подавляя зевоту. — От нас — свято дело, а к нам...

— Смотря кому. Я же не говорю, что к нам из Штатов или из Европы едут. Из Азии и Африки, понял теперь? И через Расею-матушку переправляются как раз в Штаты, в Германию, в Швецию, в Финляндию. Называется это — «нелегальные эмигранты». Документов им по закону не получить, а тут их снабжают. Смекаешь? Много народу едет, так и барыш хороший. Рольник бизнес расширяет, вот и ищет себе людей. Нет такой страны, куда было бы легче въехать. Прибывают они в Москву, там за взятки в общагах селятся, в домах отдыха, в санаториях. И ждут, пока им выправят документы. За пять тысяч гринов покупают фальшивую ксиву на любое имя. И едут, куда хотят! От каждого по пять тысяч долларов — прикинь, как теперь живёт Рольник. В сильной конторе тебе пахать предстоит...

— Та-ак! — Аленицын крикнул и потянулся, скрипнув зубами.

Козий вдруг сорвался с дивана, прыгнул к двери и толкнул её.

— Галка, брысь от скважины! Пасть порву!

— Да нужно мне! Я за твоим гостем пол подтираю. Наследил, как леший... — Галина громыхнула ведром, уронила швабру. — Делать мне нечего — только вас подслушивать...

— Смотри мне! — Шура захлопнул дверь и вернулся к Виктору.

— А что я там делать-то буду? — Тот растерянно смотрел на хозяина. — Я ж по этой части полный лох.

— А это пусть Рольник решает, чего тебе делать.

Аленицын достал из кармана упаковку с таблетками, вытряхнул одну из них на ладонь и проглотил.

— Ноги не протянешь, Витёк? — забеспокоился Шура. — Под «ёрш» — и «Колёса» ещё...

— Не протяну, привычный. А вот ты что делаешь у Феликса? Или, может, теперь мне не доверяешь?

— Тебе доверяю, а вот Галке — нет.

Шура на цыпочках опять подкрался к двери и снова толкнул её. На сей раз удар достиг цели, и

Галина пронзительно завизжала. Козий выскочил на кухню для серьёзного разговора с подругой. Что он там делал, размякший пьяный Виктор не понял. Он задремал, а когда проснулся, Козий сидел за столом и вытирал салфеткой костяшки пальцев. Галина, плача, смывала кровь с разбитой губы — над раковиной в кухне. Под левым глазом у неё набухал фиолетовый круглый фингал.

— Теперь отстанет, шалава! — удовлетворённо сказал Козий, разливая по рюмкам «Абсолют-цитрон». — Хуже не будет — ещё раз опростаемся. Да, много разных типов нынче в Москве живёт, да и у нас тоже. Болтаются по улицам, торговцев грабят, пьют, бездельничают, дерутся. И, слышь, оружия до фига провозят! Никто их на границе не шмонает. Китайские мечи, копья, луки, стрелы... Одного нашли в Москве, в Железнодорожном районе. Он охранник, ночью сторожил богатую контору. А утром приезжают работники и видят — лежит сторож, а в груди торчит стрела. И вся контора подчистую выметена — одной видеотехники вынесли на несколько десятков миллионов. Они этим делом торговали, сам понимаешь. Понятно, что выстрела никто и не слышал. Африканцы сработали по наводке охранника...

Козий опять закурил «Беломор», и синие глаза его стали шальными. Аленицын впал в блаженную

истому. Он тупо улыбался, кивал и стучал пальцами по столу.

— А я Витёк, не поверишь, работаю на изготовлении бланков виз и паспортов. Вот сейчас я с тобой здесь сижу, а мои станки в подвалах работают — импортные, бесшумные. И с конвейеров сходят бланки с водяными знаками. Только разрежь их и рисуй себе визу! — Козий рассмеялся. — Если Феликс позволит, я тебя к себе возьму. Мне нужен человек, который следил бы за рабочими, пока я сплю. Не то, не ровен час, утащат бланки и примутся сами их загонять, а выручку присваивать. Но я не знаю, для чего именно Рольник тебя выручал. Он только сказал; «Грядут великие дела...»

— Шура, вот ты нашлёпаешь бланков, а дальше что? — спросил Аленицын.

Он давно не чувствовал себя таким счастливым — всё плохое ушло, и впереди маячили приятные перспективы. Постель мягкая, еда сытная, «бабки» зелёные — класс! Виктор убеждал себя, что всё это — не сон, и никак не мог поверить.

— А дальше их заполняют. Чаще в Москве, но, бывает, и в Питере — когда люди хотят ехать в Финляндию или в Швецию. Их обслуживаем по группам. Первая группа — просто бродяжки. Через Таджикистан или Узбекистан едут в Москву. Ну, с них много не возьмёшь, хотя всякое бывает. Они

всё отдадут, что имеют. Лишь бы их без санитарных карт, да ещё с оружием и наркотой пропустили. А вот второй канал — туристический. Чтобы их в Москве не застукали, Рольник типографии в Питер перенёс. Вот и шлёпаем бланки — для туристических коммерческих структур...

— Частных, что ли? — догадался Виктор. — Их уже много в Москве?

— За семьсот прёт, — сразу ответил Козий. — Феликс же официально — тоже сотрудник консульской службы. А на самом деле — хозяин многих таких контор. Правда, действует он через подставных лиц. Митьке Стеличкеу он, вроде, четвероюродный брат — по отцу. Веталь не был ему кровным родичем, а всё равно видел, что толк из парня выйдет. Так вот, через эти конторы, представь себе, кто хочешь въедет и выедет. Прикинь, как тому же Мите это удобно! А другим? Теперь для деловых людей нет никакого риска. Визы им дают только по ротапринтным копиям паспортов. А люди эти Мите и Феликсу платят. Благодарные, преданные, как псы. Оружие могут провезти, когда Мите это нужно. А для перевозки наркоты их, бывает, Обер задействует. Не хочет он, чтобы у нас здесь возникла неучтённая наркота. Он на все каналы поступления такого товара уже наехал. Тоже у нас бланки покупает — нужно ему

для чего-то...

Аленицын резко вскинулся и провёл ладонью по лбу, выходя из блаженного состояния. Козий от неожиданности подался назад.

— Ты чего?!

— Обер?! Жив, выходит... А я-то всё надеялся! Думал, может, оступится, сука, хоть где...

— Ты-ы... Тише, понял? — Козий зажал рот Аленицына потной пухлой ладонью.

— Чего тебе тише, козёл?! — Витёк уже забыл про открывающиеся перед ним сияющие перспективы. — Тебе, может, неинтересно, кто Веталя сдал легавым?

— А кто сдал-то? Разве его сдали?...

Козий тоже запыхтел, вытирая пот со лба. На «козла» он решил не обращать внимания, чтобы не сердить паханов.

— За ним с зимы следили, Митька говорил. Дядя давно чувствовал, что приходит конец.

— Да Обер его сдал! «Тихушник»² грёбаный! Не ты, а я там был, мне и знать! — Витёк запустил пальцы в грязные жидкие волосы.

---

² ТИХУШНИК, ПЁСИК, КРЕСТНИЧЕК, ВНЕДРЁНКА — милицейские агенты.

— Ты, натурально, в зоне без чердака остался! Если у меня здесь «жучок» стоит, нас обоих за такое ночью архангелы встречать будут. Молчи, ясно тебе?

Козий, испуганный, потерявший всю свою вальяжную самоуверенность, оглядывался то на окно, то на дверь.

— Всё, Шура.

Аленицын будто и не пил, и не глотал таблетки, пружинисто вскочил, опираясь на подлокотник сжатым кулаком.

— Утром мне сразу Рольник нужен... Сейчас он в городе?

— Да погоди ты с Рольником — мне сначала скажи! Откуда ты это выкопал? Я ведь тоже слышал, как там всё было — и в ресторане, и у телецентра...

— Шурик, ты меня первый день знаешь?

Аленицын смотрел в стол и до крови кусал бледные синюшные губы.

— Я ж не прибабахнутый... Да, а Обер теперь вместо Ювелира заправляет «дурью»?

— Заправляет. Тяжело с ним — форменный гитлеровец. Веталь с Ювелиром, царство небесное обоим, были хоть и партнёрами, да врагами. И мы все были обязаны Сеню Уссера не любить. Теперь тоскуем, если честно. Сердечный был человек, не то, что этот...

— Я слышал, что Уссер, Нора и Али погибли. Как, не знаешь? — тихо спросил Аленицын.

— Алик с Норкой, племянницей Ювелира, в «баньке» сгорели. Рафхат Хафизович с ними был, да ещё с десятков человек. Не знаю, мёртвые они были в тот момент или живые. Этим же утром Ювелира с охраной нашли на «третьей квартире», которая на Невском. Все застрелены, а бумаги и плёнки похищены. До сих пор никто ничего понять не может. С Валериантом Кимом, с Ниндзя, у Ювелира перед этим трения были. Не он ли?

— А когда всё было? Я ведь сидел уже, задним числом узнал.

Аленицын низко опустил голову. Ни есть, ни пить ему уже не хотелось.

— В сентябре девяносто первого, в самом конце. Ночью в «баньке» был пожар, а утром Ювелира прикончили.

— А это не Обер поработал, часом? — Аленицын в упор взглянул на Козия.

Тот опять вскочил:

— Витёк, ты чего, перепил?! Зачем Оберу Ювелира кончать? На легавку он тоже не станет пахать — ни к чему ему это. «Дурью» он занялся уже после смерти Семёна Ильича. Люди Уссера его об этом сами попросили — пропадали совсем. Филя — долларовый миллиардер, понял? Кто его купить может? Он сам кого хочешь приватизирует. Не ему

в «пёсиках» бегать. За кордоном его ценят. Он туда пилюли свои толкает по бешеным ценам. Дисциплину среди своих людей, которые раньше у Ювелира работали, Обер держит железную. Но те довольны. Никто теперь их не обижает, все боятся. Только вот, говорят, баб новый босс не жалует. Требуется с них наравне с мужиками, а натуру в оплату не берёт. Они, немцы, вообще бездушные, как машины. Ювелир-то баб приучил с собой заигрывать, они и с Обером попробовали пококетничать. Так схлопотали, что теперь глаза поднять на него боятся. Ходили даже слухи, что Обер — «голубой», хоть и женат, и дочь имеет. Но это — между нами. Вряд ли тебе Рольник поверит, хотя чёрт его знает! — Шура опять зевнул. — Давай спать, что ли, а то договоримся до белых тапок. Галка тебе ванну приготовит, помойся, чтобы зоной не вонять. А потом ложись в другой комнате, отдохни, проспишь. И подумай хорошенько, надо ли всё это вытаскивать на белый свет? Да и я, признаться, не верю. С чего Оберу Веталья ментовке сдавать? Сами бы разобрались — без легавых.

— Я, вроде, и сам понимаю, что ни к чему Оберу на ментовку пахать, а выходит так. Холодаева-то он заложил точно, век воли не видать! Веталь из зала «Метрополя» нас отослал как с его наущения. Обер подсел к нему за столик,

пошептался. И Веталь выпроводил сначала меня, а потом и Володьку Кинда. Шеф с Обером пошли в курилку. Я тогда не понял, зачем. Только потом сообразил. В курилке брать человека намного легче. И сразу же туда пришли менты! Ну?! Как тебе это?

— И чо? — выкатил глаза Козий. — Ты же только намочил тогда, мента этого... А Веталь мог заметить «хвост» и отослать вас. Не хотел, чтобы попались. Может так быть? А уж когда вы взяли такси с заложниками, да стали пылить насчёт Ветая, сами себе лихо накликали. И с Обером грубо поговорили, а он этого не любит.

— Мы с Вовчиком сами лохами оказались, — признался Аленицын. — Думали, что Обер наш, и поможет шефу. А он вот как помог! Ментов привёл — Озирского, Калинина и Огаркову. Пошёл ведь не в отделение милиции, как мы требовали, а к гостинице и к телецентру. Значит, знал, что мусора там будут? И в «Метрополе» они мелькали, когда Веталь ещё был на свободе. Я их там заметил. Тебе мало? Тогда ты и вовсе идиот. Они ведь почти и не скрывались... Я знаю, что на Литейном досье было не только на Ветая, но и на Обера. Его тоже арестовать хотели, а потом передумали. Почему, интересно? В курилке-то не взяли его!

— Так не он же стрелял там, а Веталь! Вёл бы себя тихо, может, и придраться было бы не к чему.

— Ну, ты сказал! У ментов для задержания

документы должны быть. А их враз не оформишь. Санкция из прокуратуры, вроде, обязательно требуется. И, если по твою душу пожаловали, тебя возьмут — стреляй, не стреляй. Так что хоть лопни — Обер работал вместе с ментами, навёл их и на ресторан, и на Веталья. Они появились в «Метрополе» именно в тот момент, когда Веталь туда должен был прийти. Нашли бы у него «Питон» — и с общим приветом. Можешь ножками не дёргать...

— Ты думаешь, что Митька этим не занимался? И Витёк у нас самый умный? Обер праздновал там случайно — мужик с его работы диссертацию защитил. Проверили — всё сходится. Кириков этот, очкарик, никогда с ментовкой не якшался. Давно заказал банкет в «Метрополе» и пригласил туда Готтхильфа. На всё доказательства есть. Так что иди, проспись. Я тоже устал, а вставать рано.

— Да хватит тебе, исусик! Полные штаны, видать, наложил! Во всё ты веришь... Забыл уже, как Веталь тебя из бичарни в люди вывел? Как ты перед ним на задних лапах прыгал и апорт брал? Теперь да, теперь он мёртвый, а Обер — живой. И ты от него, видно, много имеешь. Коленки у тебя дрожат, Шурик. А Рольник, если уж из зоны меня достал, то завтра со мной встретится. Ему и самому интересно будет послушать...

— Рольник тебе скажет то же, что и я — не мог Обер...

— А вы бы на Озирского наехали — он-то должен знать, — ухмыльнулся Витёк. — Его «крестничек», б... буду!

— Наехал Ювелир один разок, и вся его семья оказалась на кладбище, — огрызнулся Козий.

— Так это — лишнее доказательство! — подхватил Аленицын. — Он — спец по «внедрёнкам».

— Да ладно тебе, Витёк, — махнул рукой Козий. — Озирский недавно вышел из игры и снял погоны. Его теперь нет в легавке...

— Ни хрена себе! — Аленицын без сил опустился на стул, сжимая в кулаке хрустальную рюмку. — Это точно?

— Точнее некуда. Он, знаешь, осенью ранен был — пуля сердце зацепила. Но поправился, вроде, после этого. Совсем собрался возвращаться на Литейный, даже нормы спортивные сдал, стрельбы. И вдруг, в конце апреля. Резко передумал. Написал рапорт и свалил на стол свои майорские... Ни дня после этого не пробыл там.

— Когда меня повязали, он капитаном был, — вспомнил Аленицын.

— Майора недавно получил, после этого ранения. Вроде, всё у него было в порядке, и вдруг — как обухом по башке. Не поверишь, но и менты в

шоке, и мы.

— И где он теперь?

Аленицын снова закурил. Известие так потрясло бывшего охранника Холодаева, что он даже забыл о Готтхильфе.

— Неизвестно. Даже дома не живёт. Исчез куда-то из города... Он ведь женился на француженке — может, к ней подался. Прежняя его жена, Елена, умерла вскоре после того, как вас взяли. Хотя на Озирского не похоже, чтобы он просто так за границу смылся. Так что пока даже Митя ничего не знает...

— Раз ушёл из легавки, значит, причины были. Обидели, может, его? Агентов, должно быть, он и сейчас не сдаст.

— Не сдаст, — согласился Козий. — Почему бы он ни ушёл из органов, а тайны унесёт с собой. Если Рафхат Хафизыч его расколоть не смог, ты тем более не сможешь.

— Шурик, да некому же, кроме Обера! — опять взялся за своё Аленицын. — Они с Озирским точно были знакомы, по всем прикидкам. Сведи меня утром с Феликсом, Христом-Богом тебя молю! Мало ли что, может, Обер не за деньги служил. Озирский же гипнозом владеет, и многим нашим людям головы задурил. Хорошо бы и Мите послушать — Веталь же его дядя родной! Тебе, Шурик, наплевать, но Митя должен заняться этим

делом. Я знаю, что он хочет мстить. — Аленицын сцепил нож с вилкой и вздохнул. — Доходили в колонию слухи, что Митька женился — на дочке Вени Барина из сберкассы...

— Да, Татьяна уже двоих детей родила. Но осталась одна дочка, Боженка. Мальчишка маленьким умер — три месяца всего прожил. Митька в горе лютом. Танька ещё с пузом ходила, а он всё о наследнике говорил. Как его воспитывать будет, куда с ним поедет... Адам родился, так они закатали пир горой. Несколько дней аж триста человек гуляли. А парень-то и не жилец оказался... Но Митька с Обером в нормальных отношениях. Часто снадобья у него покупает...

Козий зевнул. Теперь он жалел, что не дал Витьку заснуть, когда тот клевал носом.

— А Ювелир... Ты мне сомнения заронил, но лучше помолчим об этом. У нас всё на том стоит — убрал босса, и сам боссом стал. Не дай Бог, до Обера дойдёт, какой ты тут трёп разводил!

Козий взял салатницу и серебряной столовой ложкой доел помидоры. Потом выпил через край сметану с чесноком. Аленицын хмуρο смотрел на него, но ничего не говорил.

— Лично я за одно могу поручиться, — продолжал Шура немного погодя, — что Обер к легавке касательства не имеет. А замочить — это ему раз плюнуть, здесь он и на подлянку пойдёт.

Говорить с Рольником станешь сам, и чтобы про меня — ни гу-гу. Не хочу я с Филей связываться, а то и дня не проживёшь...

— Про тебя не стану говорить, — пообещал Аленицын.

Ему снова захотелось прилечь. Тело отяжелело, и заломило затылок.

— Но Митя узнает правду о том, как взяли дядюшку. А что он после делать будет, меня не волнует. Моё дело — сообщить. Племянник покойного он, а не я.

— Митя сейчас за границей, — сказал Козий, сгребая посуду со стола. — В Голландии новую партию товара получает. А Феликсу я позвоню. Наверное, он захочет тебя увидеть, раз с кич вытащил. И Мите всё расскажет, если решит, что так надо. А пока, Витёк, ляг на дно и не мелькай нигде... — Козий выглянул в прихожую — Галка!

— Чего тебе? — послышался сонный женский голос. — То гнал и морду бил, то опять зовёшь...

— Ванну Витьку приготовила?

— Да остыло уж всё! — И Галка добавила забористый мат. — Сколько пить и жрать можно?

— Спусти эту воду и набери другую, — приказал Козий. — И мыло «К» положи — пусть Витя бекасов поморит.

— Вот за это — особое спасибо! — расцвёл Аленицын. — Смою с себя лагерную пыль, и... Хай

лайф!

Козий убедился, что всё съедено и выпито. Он ещё раз поскрёб грудь и размял свои тучные телеса.

— Витёк, пока у нас жить будешь. Потом отвезу тебя под Приозерск, на дачу. Попасёшься на травке недельку-другую. Ежели Обер вдруг узнает, что ты здесь, а сам он не чистый, то сразу постарается убрать. Так что никому, кроме Рольника, своих догадок не высказывай. Эй, Задница, готова ванна?

— Старую воду ещё не спустила! — огрызнулась Галина. — Что я, йог? Подождёте, никуда не денетесь. На пьянку, небось, вам времени не жалко!..

— Да уж заткнись ты, йог! — Козий пожевал губами. — Курва ты, вот кто. А Обер — лютый мужик, — шёпотом сказал он Виктору. — Всё время «волынку» носит, часто достаёт. — Он кулаком протёр глаза. — Надо тебе, Витёк, прикид достать попримечнее. Галка лохмотья твои стирать не станет, а выкинет на помойку. Дам тебе пока свои шмотки старые, а потом съездим на шопинг. Что же касается Фили, то вся наркота сейчас у него на учёте. Попытки обойти Хозяина пресекаются жёстко. У него везде свои люди — и в Чуйской долине, и в Колумбии, и в Азии. С одной стороны, хорошо, что власть в Питере прибрал к рукам свой человек, а не залётный. В то же время с ним трудно

дело иметь. Обер сейчас не тот, что в девяностом году. И за тобой теперь не стоит Веталь. Митя — не дядя. Ещё неизвестно, захочет он в это вписываться, или нет. Оберу во всём городе не найдётся противовеса. Всех запугал, как цуциков. Сладить с ним будет очень трудно. И знай — тебе придётся плохо во всех случаях, прав ты или нет. Будь другом, держи язык за зубами. Когда Рольнику всё скажешь, пусть он и разгребает это дерьмо. Тебе надо с нуля начинать. Ты сейчас человек маленький. Поэтому делай, что я тебе говорю. Тогда не прогадаешь...

— Да ладно, как кум всё равно! Молчу.

Аленицын запустил руку под грязный пиджак и стал чесать бок.

Козий скривился и заорал Галине:

— Долго ещё ждать, жопа вонючая?!

— Да всё, готово, пусть идёт купаться.

Галина Попова облизала разбитую губу и потрянула локонами, перекрашенными «Лонда-колором» в рыжий цвет. От неё пахло стиральным порошком и розовым маслом.

— Держи! — сказал Козий, протягивая дружку свой красный купальный халат. И уже в который раз он вкусно, с ёком, зевнул.

* * *

Феликс Рольник при выездах за город, на плохие дороги, всегда пользовался «Тойотой-Крессидой-192», которой безоговорочно доверял. Для передвижения по Петербургу Рольник выбирал «Кадиллак-Севит». Сейчас он, сняв «тройку» от Валентино и натянув спортивный костюм с адидасовскими кроссовками, превратился из уважаемого джентльмена в обыкновенного «братка», в лучшем случае тусующегося у дверей шефа.

Худощавый молодой человек с рыжеватыми, аккуратно причёсанными волосами, глазами жёлтого цвета и веснушками на маленьком личике, на первый взгляд не представлял собой ничего особенного и потому не привлекал внимания. Он свернул с шоссе на просёлочную дорогу и только здесь снял зеркальные солнцезащитные очки, которые крепились на шее тонкой серебряной цепочкой.

Феликс Рольник был спокоен, даже заторможен, потому что накануне не выспался. Но ничего плохого он не ждал, и потому позволил себе расслабиться. Он знал, что дорога, которую теперь ежедневно ровнял грейдер, непременно выведет к даче Мити Стеличека, и встречных машин здесь не будет.

Вечером, среди светло-зелёного кружева молодой листвы, пели птицы. От дороги не было

никаких ответвлений, даже тропинок, и потому Рольник беззаботно катился по коричнево-рыжему покрытию, досадуя только на пыль. Она тучами выбивалась из-под колёс и оседала на блестящем кузове «Тойоты», чем портила её внешний вид.

Равнодушные, чуть навывкате, глаза Феликса оживились, когда за кустами сирени и черёмухи, которые сейчас испускали непередаваемо дивные ароматы, появился тесовый забор с резными воротами. Рольник не в первый раз подъезжал к даче друга, затерянной в лесу, и всякий раз удивлялся, насколько неожиданно возникает в чаще двухэтажный терем.

Феликс нажал на клаксон, давая знать охране о своём прибытии. Через несколько секунд створки тихо поползли в стороны, и «Тойота-Крессида» въехала во двор.

— Вы?... — Высоченный детина в чёрной майке, натянутой на мощный торс и в бриджах из «варёнки» почему-то удивился.

— Да, я. Привет, Василий! — Рольник привычно выбросил на травку ногу, и в следующий миг уже стоял рядом с «Тойотой». — Меня Дмитрий ждёт.

Феликс соорудил такую гримасу, будто ковырялся в зубах зубочисткой. Это выражение было свойственно ему в комсомольские годы, в школе и в университете; и после, когда пришлось

немного поработать в НИИ. Осталось оно и сейчас, когда Рольник успешно контролировал столичные конторы, обслуживающие нелегальных мигрантов и иностранных туристов.

— Помой мою «лошадку», а то на просёлке пыль столбом. — Рольник, прежде чем пройти в дом, указал на «Гойоту».

Василий, одобрительно посвистывая сквозь зубы, обошёл авто со всех сторон.

— А когда обратно поедете, она ведь опять запылится, — несмело напомнил он.

— Может, до тех пор дождик брызнет. Я ведь с ночёвкой, — уронил Феликс.

Он уже вспотел в своём костюме и мечтал о дожде, на который сейчас не было и намёка. Горячий ветер пах деревней, и, вроде, вдалеке мычала корова.

— Где хозяин?

— На веранде.

Охранник, стриженный почти под ноль, повёл блестящими от пота плечами и ушёл в хозяйственную пристройку — за автокосметикой. Шланг, из которого тонкой струйкой сочилась вода, уже лежал наготове.

Рольник сразу не поднялся на веранду, а отправился вглубь густо разросшегося сада, надеясь найти прохладу и врагу под яблонями. Но, не успел он сделать и нескольких шагов, как под ноги с

жужжанием вылетел волчок. А следом, напролом через грядки, выбралась голубоглазая девочка в синем платье, украшенным аляповатыми алыми цветами, и в кружевной косыночке. Руки малышки были грязные, и пыльные разводы виднелись даже на раскрасневшихся от возбуждения кукольных щёчках. Девочка упала животом на юлу и остановила её, вымазавшись ещё больше и ударившись об игрушку коленкой.

— Здравствуйте, Божена Дмитриевна!

Рольник присел на корточки, протянув ребёнку руку. Девочка заулыбалась слабенькими, почти прозрачными зубками, и сунула в душистую ладонь гостя свою испачканную пятерню. Затем Божена попыталась сделать реверанс, в результате чего и упала. Рольник рассмеялся и подхватил ребёнка на руки. Божена пронзительно и весело завизжала. Она знала, что дядя Фелек всегда приносит в карманах гостинцы, чаще всего — огромные, будто из мультиков, жёлтые яблоки. Божена не ошиблась — Рольник полез в карман и сунул ей яблоко.

— Держи, подруга!

— Кто там пришёл? — слышался из-за яблонь женский голос. — Боженка, что ты опять натворила?

— Это я, Тань. — Рольник, всё ещё улыбаясь, встал, прижимая ребёнка к себе.

На садовой дорожке появилась молодая особа в ирландском модном комбинезоне. На шее Татьяны Стеличевой сверкали жемчужные бусы, резко контрастируя с тёмно-фиолетовым хлопком комбинезона. Под стать жемчугу смотрелись и пуговицы на ее маечке с круглым вырезом. Укороченные шорты открывали полные ноги, обутые в полотняные туфли.

От чёрно-белого рисунка Татьяниной обуви у Феликса зарябило в глазах. Он улыбнулся и взглянул в лицо хозяйке терема. Улыбка тут же пропала, когда её тоскливый взгляд через зрачки проник в его душу.

— Держи!

Рольник протянул Татьяне второе яблоко. Она смахнула со лба потные каштановые кудряшки и отрицательно покачала головой.

— Спасибо, но я до Спаса не могу.

— До Спаса всё лето пройдёт. Тань, что за ерунда?

Сердечко Таниных губ дрогнуло. Она взяла у насупившейся Боженки яблоко, одновременно счищая землю с дочкиных ладошек.

— Мать умершего младенца не может есть яблоки до Спаса, иначе не дадут ему на том свете яблочком поиграть. А ты, свинья Хавронья, только что вымылась, и опять вся в грязи! Да не тянись к яблоку, его помыть надо, и твои лапы — тоже. Не

хватало, чтобы и с тобой что-то стряслось! Да, Фелек, Митя мне говорил, что ты к вечеру приедешь. Пошли в дом. Я эту образину вымою и накрою вам «поляну».

— Не утруждайся. Тань, хватит и кофе с минеральной водой. Я сюда не пьянствовать приехал.

— Ну, смотри. — Таня подбросила на руках почти двухлетнюю дочку. — Тогда сам иди, дорогу знаешь. Скажи Митьке, что я варю кофе.

— Да, Тань, а мама твоя как? Митя говорил, что нервы у Анастасии Дмитриевны совсем не в порядке...

— Мама в Бехтеревке. — Таня наклонила девочку к колонке и пустила воду. — Пока, кстати, с ней неважно — почти год маемся. Началось всё, когда отец погиб. А после смерти Адамчика она и вовсе с катушек слетела. Сначала плакала по ночам, а теперь из неё слова не вытянешь. Нам с Митькой ничего не рассказывает, а сама всё губами шевелит. Только от неё и слышно: «Я во сне ничего не говорила?» Интересно, что она говорить должна? Божена, стой смирно!

Таня вытерла личико и ручки дочери махровым полотенцем. Девочка вертелась, фыркала и пыталась вырваться.

— Это надолго, Фелек. Кому мы её только ни показывали! Все говорят в один голос: реактивная

депрессия. Конечно, она в жизни ни дня не работала, жила припеваючи. И вдруг папу забрали, до милиции не довезли. Грузовик в РАФ врезался, и почти всех там — всмятку. Один из ментов инвалидом остался — маму родную не узнаёт.

Татьяна впервые так откровенно говорила с Феликсом о прошлом своей семьи.

— Заболеешь тут, понятно. Только мне не легче — разрывайся между мамой и Боженкой! А нанять человека со стороны Митька не даёт, потому что легавые могут своего подсунуть. Ладно, ступай, а я сейчас всё приготовлю.

И Таня открыла стеклянную дверь на веранду.

— Обменялся любезностями с хозяйской? — Дмитрий Стеличек встал с кожаного кресла и протянул другу руку.

Непривычно коротко стриженный, Митя сидел и смотрел вдаль, закинув ноги на журнальный столик. Он был в шортах из белой замши и в футболке с аккуратно пришитой чёрной ленточкой. Рольник уже в который раз заметил, что фигура у Мити отменная, хотя никаким спортом он сейчас не занимается. Аэробику племянник Веталя забросил ещё перед арестом, в восемьдесят четвёртом году.

— Как увижу Таню с Боженной, как и хочется жениться вторично.

— Кто ж мешает? — Дмитрий подтянул к себе второе кресло из мягкой серой кожи. — Танька

обещала кофе сварить?

На веранде стоял бельгийский гарнитур для холла — кроме кресел, два дивана и этот самый столик. На нём стояла длинная узкая ваза с нарциссами.

— Я ей сам кофе заказал.

Рольник сел в кресло и сцепил на колене длинные пальцы, тоже усыпанные веснушками.

— Она собиралась меня поить и кормить, но я отказался. Ведь я приехал исключительно для того, чтобы в приватной обстановке кое-что рассказать. Не скрою — я очень встревожен. Когда мы с тобой вытаскивали из зоны Витю Аленицына, даже не представляли, как правильно поступаем...

— А что? — Дмитрий кинул Феликсу пачку «Мальборо». Он знал, что гость любит эту марку. — А в чём дело?

Рольник рассеянно закурил и нарочито аккуратно положил на стол зажигалку.

— Я тебя никогда об этом не спрашивал... Как ты относишься к Оберу?

— Нормально. — Стеличек тоже закурил. — Хорошо, что он жив. Но ещё лучше, если бы он сдох.

— Понятно.

— А что, разве он тебя напрягает? Взаиморасчёты ваши не в порядке, или ещё что-нибудь? Давай, выкладывай.

— Да нет, лично у меня с ним открытых стычек не было. Я тебе позже объясню, почему именно сейчас требуется особая осторожность. По идее, мы с тобой и с ещё несколькими «авторитетами», взятыми в долю, должны нейтрализовать местных наркобарыг, то есть Обера. Мы — люди здешние. Знаем его лучше, чем те, кто обещал хорошо заплатить, и кто вскоре пожалует в Питер. Обер руководит огромным количеством народу, оборотом миллиардных сумм. Да и вообще, ты знаешь, что это за зверь...

— Это я знаю. — Дмитрий придвинулся к Феликсу. — И ты знал об этом давно. Чем он тебе именно сейчас не угодил? Да, Аленицын... Это же Витёк, дядин охранник, который был с ним в «Метрополе» тем вечером... Потом ещё хотел его освободить, взял такси с заложниками. Ты уже с Витьком встретился? Когда он прибыл из Сыктывкара?

— Десятого мая.

— А сейчас у нас двадцатое... Ну и что?

Стеличек, протянув руку к пепельнице. Постучал сигаретой о её край.

— Аленицын клятвенно уверяет, что Обер служит ментам. Привёл массу доказательств, и я счёл их убедительными. К аресту Веталя он прямо причастен...

Потом Рольник говорил долго, мешая

домыслы Аленицына со своими собственными. Он мечтал убедить Стеличека в измене Готтхильфа ещё и для того, чтобы тот без колебаний включился в мероприятия по изобличению и наказанию «суки». Откровения горемычного Витька оказались для Феликса ценным подарком. Теперь ребята смогут переступить через страх перед Обером, через уважение к нему; и тот будет уничтожен. Таким образом, откроется «зелёная улица» заграничному конкуренту Обера, имеющему русское происхождение славное кагебешное прошлое. Бывший гражданин СССР Григорий Самосолов, а ныне подданный США Берт Кемп желал сейчас расчистить себе здесь, на выгоднейшем рынке, площадку для высадки.

— По-твоему, и Ювелира Обер сдал? — перебил побледневший Дмитрий.

Он сжимал кулаки на коленях и нервно дёргал щекой.

— Не вызывает сомнения. Ювелир с Аликом Мамедовым, захватив Озирского, поставили Обера под угрозу разоблачения. Филиппа Адольфовича едва не погубили собственные препараты. Каким бы героем ни был Блад, а дрянь эта развязала бы ему язычок. Оберу ничего не оставалось, как отбить своего куратора и тем самым спасти себя. Заодно, конечно, он уничтожил всех, кто был в «баньке», а потом и Ювелира. Позже он прибрал бизнес

поверженного врага, потому что сам же выбил все перспективные кадры группировки. Передать дела оказалось некому.

— Я по Ювелиру не плакал, Фелек, и мне глубоко наплевать, кто там его пристрелил. Он ведь очень хотел, чтобы дяди не стало, и добился этого. Кто ему в этом помог, трудно сказать. Такие дела не афишируются. Кроме того, события двухлетней давности не вернёшь, доказательством вины Обера не сделаешь. Надо доказывать именно то, что он убирал наших людей по заданию ментовки. Если же Обер делал это по понятиям, ничего сучьего ему не пришить...

— Ясно, что на Уссера-Ювелира тебе начхать. Но на Веталя!..

— Я повторяю — дядя с Семёном Ильичом были не в лучших отношениях. И альянс с Обером был для Ювелира вполне реальным.

Дмитрий уже забыл, что Татьяна должна принести кофе и минеральную воду — так увлёкся беседой.

— И хватит рыться в могилах, у нас есть дела поважнее. К дядиному аресту были предпосылки и без Обера. Брали его профи с Литейного, лично Каракурт, мой куманёк. Раньше он звался Минцем, а теперь оказался Николаевым. У Захара Сысоевича Горбовского на дядю давно было собрано досье. Копился материал для получения санкции на арест.

Потом вся эта история с Павлюкевичем, которого и загасил Аленицын. И ещё стрельба в ресторане... Короче, дядя специально отправил меня в Прибалтику, чтобы я, не дай Бог, не попался. Если Обер что и сделал, так это обеспечил дядино стопроцентное молчание... А, Тата, чем порадуешь?

— Кушайте, мальчики!

Татьяна, так и не сменив комбинезон на что-то более респектабельное и даже не подкрасившись, вкатила сервировочный столик. Там, кроме кофе с минеральной водой, стола ваза с яблоками, грушами и виноградом, а также две бутылки итальянского вина — белого и красного.

Расставляя бокалы, Татьяна наклонилась и слегка коснулась губами лба мужа. Ей показалось, что после разговора с гостем Митя выглядит гораздо хуже, чем до него. В отличие от Шуры Козия, Стеличек счёл доводы Рольника и Аленицына заслуживающими внимания.

— Ты чего такой мокрый? — Татьяна огляделась по сторонам. — Где вентилятор-то у тебя? — Она воткнула вилку в розетку. — Сам бы и включил, а то сидит, как фон-барон! Я и за тобой присматривать должна? Или вон окошко открой, эта же веранда всё-таки. Хоть бы дождичек побрызгал, что ли — дышать нечем...

— Не лайся, Тата!

Митя двумя пальцами обхватил запястье супруги, словно считая пульс. Таня взъерошила его волосы.

— Всё никак не могу привыкнуть к вашему виду, сэр! Отрасти, Митенька, свой хайер обратно...

— Твоё желание, Тата, для меня — закон. Отращу непременно, просто сейчас жара донимает. — Стеличек прислушался. — Вроде, Боженка плачет.

— Чтоб ей! — И Таня сорвалась с места, обдав Феликса сладким запахом духов «Лу-лу», толкнула дверь и пропала в коридоре.

— Да, Фелек, дядя больше всего на свете не хотел попасть на скамью подсудимых. Он долго мучился с сердцем. Жизнь у него была тяжёлая, страшная. Может быть, он просто не пережил провала, а никто специально его не ликвидировал. Я представляю — ведь Каракурт лично его брал! Будь на месте кума другой опер, Веталь пережил бы арест легче. Да и мы, сложа руки, не стали бы сидеть...

— Такси бы ещё одно захватили? — ухмыльнулся Рольник. — Как Витёк на Кировском проспекте?

— Витёк глупостей много сделал, а я поступил бы иначе. Да чего теперь — дядя-то с кладбища не вернётся...

— А почему Обера тогда не забрали, как ты думаешь?

Рольник не желал оставлять эту тему. Теперь его жёлтые глаза из-под белёсых бровей смотрели прямо в зрачки Дмитрию. Тот откинулся на спинку кресла, одновременно откупоривая бутылку красного вина.

— Спроси у Захара Горбовского, почему. Ты как, будешь ночевать сегодня здесь? Тогда смело можем пить, сколько влезет.

Рольник кивнул, и вино забулькало в хрустальных бокалах.

— Митя, мне думается, что Веталь так быстро умер вовсе не потому, что его брал Каракурт. Он мог не пережить лишь одного — предательства человека, которому доверял. От Минца-Николаева он для себя не ждал ничего доброго. А вот от Обера... Неужели ты не обратил внимания на такой кричащий факт, что Веталь выстрелил мгновенно; но почему-то не в ментов, а в зеркало? У него, как известно, ни одна пуля не ложилась мимо цели. К дешёвым эффектам твой дядя никогда не был склонен. Он хотел прикончить Каракурта своим коронным выстрелом — в дугу аорты. Но у него в этот момент явно что-то произошло с ориентировкой в пространстве. Короче, он не понимал, что стреляет в отражение Каракурта. Митя, сечёшь? Вижу, что да.

Рольник уже торжествовал победу над скепсисом Стеличека. Дмитрий застыл в кресле, широко раскрыв глаза и стиснув зубы. Зрачки его заметно расширились.

— Митька, ты же не дитё малое. Подумай! Обер с Веталем пошли в курилку. Чего стоит этому падле запечатать в сигарету какую-нибудь травку? И человек, вдохнув дым, может на какое-то время лишиться чувства реальности... Если бы не Обер, твой дядя прикончил бы Каракурта на месте. Тот ведь даже жилет не надел — всё фасонил. Да, потом Веталья могли взять, но один труп образовался бы непременно! Кстати, швейцар мне лично рассказывал, что это было ровно в восемь вечера. Понимаешь? Минута в минуту. Опера входили в «Метрополь» не спеша, будто заранее зная, что Веталь никуда не денется и не окажет сопротивления. А уж у Горбовского-то были сведения, что твой дядя постоянно вооружён, и стреляет без промаха... Я уж не говорю о том, что Обер заставил Веталья отослать охрану. Для чего, интересно? Какие ещё могут быть причины?

— Я только одного не могу понять...

Дмитрию показалось, что его губы оледенели на жаре. По всему телу побежали мурашки, а в мышцах появилась противная дрожь. Захотелось что-нибудь набросить на плечи и согреться.

— Как всё это могло случиться? Чем можно было заинтересовать Обера, чтобы произвести вербовку? Ведь Филипп — не тот человек, которого можно взять на понт. Насчёт «бабок» я вообще молчу — этот вариант исключён начисто. Угрожали реальным арестом? Неужели Обер не нашёл иного выхода, кроме как начать литерить легавым? А Озирский, в свою очередь, рискнул вербовать гаера, на котором висит шестьдесят «мокрых»? Его же сразу нужно было под белы ручки — да на расстрел! Тут за одного на двенадцать лет сажают, а Оберу и шестьдесят простили? И потом, в стукачи берут более мелкую рыбёшку, а уж никак не киллера с таким солидным стажем! Да такие и не идут, кстати... Им и терять нечего — так и так «вышка». Много здесь непонятного. Фелек, но всё же... Скорее всего, ты прав. Но как в Главке на такое решились? Если предположить, что это случилось года три назад, то тогда ещё Советский Союз был. Ничего не стоило запросить Казахстан и получить справку с перечислением всех подвигов Филиппа Адольфовича. Думаю, что с Литейного её и запросили, но почему-то не дали ходу. Решили закрыть глаза на шестьдесят трупов ради того, чтобы Обер на них работал? Возможно, что игра стоила свеч. Короче, Фелек, вот что я скажу. Поспешность хороша только при ловле блох, как известно. А такие дела с кондачка не решаются.

Посидим рядом да подумаем, что мы можем здесь сделать. Только ты сначала расскажи, о чём говорил Папа Выборгский. Ведь это и меня, наверное, касается.

— Касается, Митя. Он очень хотел лично с тобой увидеться. Послезавтра будет ждать в своём казино, в десять вечера.

— Спасибо, что передал. Я буду рад встрече. Интересно, что ему от нас с тобой нужно.

И Митя отпил хорошо сваренного крепкого кофе.

— Ты же ему, вроде, помповые ружья привёз из последней поездки?

— Само собой, раз Папа их заказывал. Для его людей, да и вообще для всех нас помповые ружья — клад. У Папочки губа не дура. Надо сказать, что обо всех достоинствах помповых ружей я узнал именно от него. Чрезвычайно высокая убойная сила, потрясающая эффективность применения. А в случае обнаружения — лишь административная ответственность, не больше. В прошлый раз там же, в казино, Папа мне всё подробно объяснил. Двери, говорит, они вышибают напрочь — причём любые, кроме бронированных. Клиентов такими ружьями запугивают до поноса, особенно когда их глазах вдребезги разносят квартиру. Кстати, я Папе безмерно благодарен — этот товар здесь идёт нарасхват. Теперь у нас договор: я завожу

терминаторные ружья. А Папа через свои фирмы этот товар реализует. Так что я нынче не парюсь с торговлей, да и со складами для хранения — тоже. Я пока не знаю, где эти склады находятся. Но Папа гарантирует, что ни одна ищейка не вынюхает...

— Такой случай был неделю назад. — Рольник встал с кресла и пересел в плетёную качалку. — Везли на двух грузовиках, из Выборга, от Папы, партию «калашей» и «томпсонов». С патронами, конечно. Менты про это пронюхали и едва не задержали груз. В Выборге до сих пор головы ломают — куда прямо с дороги исчезли грузовики? И не маленькие ведь, куда попало не спрячешь. С вертолётчиков искали, с собаками лес прочёсывали — никакого результата. Как сквозь землю провалились. Тревогу объявили по городу и по области — зря. Будто корова слизала.

— Я и говорю, что Папа Выборгский имеет мистическую силу. С контрабанды огромные деньги стрижёт. — Дмитрий даже не улыбнулся, а оскалился. — Дядюшке бы такие способности! Те, кто сейчас этим занимается, все обязаны Папочке. Провозят огромные партии грузов, а таможни и в глаза не видят. Только все клянутся, что связаны клятвой никому не говорить, каким образом оказались в Финляндии, а потом — снова здесь. А сколько своих людей, которыми менты интересовались, Папа прятал вместе с семьями и

барахлом! Короче, там творится нечто сказочное...

— На сей раз, Папа может нам с тобой кое-что рассказать, — предположил Феликс. — Мы, а особенно ты, ему зачем-то нужны. Вот если бы Папа Выборгский помог бы в борьбе с Обером!..

— Это он сделает лишь в том случае, если будет заинтересован лично. Благотворительностью он не занимается, да и своих людей бережёт. Слишком высоки, говорит, ставки. Ни одного человека у него до сих пор не взяли. Они просто исчезают, и нигде не найти.

Рольник раскачивался в плетёном кресле, закинув руки за голову. Сухая прозрачная ночь колыхалась за стеклянной стеной веранды, благоухала черёмухой, шелестела листвой. Полоса заката рдела за ветками яблонь и рябин.

— Мить, ты чьи ружья Папе привёз? Мне тоже могут они пригодиться — в Москве. Очень хорошо, что оружие считается гладкоствольным, а не нарезным.

— В этой партии были пяти-, семи — и девятизарядные. Соответственно — Китай, Швеция, США. Я и сам не знаю, как именно они оказались у Папы. — Дмитрий удивлённо поднял брови. — В Швеции передал партию его людям, и всё, больше никаких хлопот. Я только успел в Питер вернуться, а они уже ружья по клиентам развезли. Как, что — неясно. Весь товар пришёл без

потерь.

— Фантастика!

Рольник вернулся к столику, налил себе немного вина. Звонящая тишина провисла над лесом и над полем, что зеленело неподалёку. В посёлке не ко времени заорал петух и тут же умолк.

— Короче, я тебе всё сказал — и насчёт Обера, и насчёт Папы. Ты вспомни, что провалы с начала девяностого года имели место именно в тех делах, к которым имел касательство Филипп Адольфович. Изъяли золото из «царской водки», остановили состав «Камикадзе». О другом мы с тобой уже говорили. Кроме того, Обер был против того, чтобы взрывали самолёты. Он при тебе просил Веталю не делать этого. Даже заплатил за золото из своих средств, хотя первый должен был предъявлять претензии. Ему-то какое дело до этих взрывов? И пострашнее дела делал — не сямка какой-нибудь. Нет, Митя, хоть режь — Веталю он заложил, а потом и Ювелира прикончил. Можно намекнуть Папе Выборгскому, что Филипп представляет угрозу его бизнесу. Агент такого пошиба для Папочки вряд ли желателен.

— Я постараюсь намекнуть, — пообещал Дмитрий. — Но сделаю это не обязательно сейчас. Когда придётся к слову, тогда и поговорим. Разобраться с Обером, если он сука, очень даже не мешает. — Дмитрий сузил глаза. — А на мне ещё

Каракурт висит столько лет...

— Помню. — Ролик вдруг хлопнул себя по лбу. — Да, Папа ещё просил узнать, с чем связано пребывание в Выборге Андрея Озирского. Деловые люди встревожены, так как видели его на валютной автостоянке и на мосту близ замка. Встречали бывшего опера и в ресторане с какой-то красоткой. Обознаться не могли — сам понимаешь. Шрамы на руках, и всё такое. Он даже не скрывается, так что... Папа, прежде чем начинать с нами свои дела, хочет убедиться, что рубоповцы не держат его под наблюдением.

— Фелек, Андрей же ушёл из милиции. Другое дело, что, после отбытия наказания в вытрезвителе, к Петренко вернулся Саша-Каракурт, мой давний друг. Вот кого я бы ещё подержал под наблюдением! Ранней весной на его квартире был обширный ремонт; двери ставили бронированные. Озирский тогда ещё не собирался сваливать из органов. Думаю, что это он отделал Каракурту квартиру, причём не на свои средства. Очень всё это подозрительно. Рабочие сказали, что бронированные двери там ставили и в комнатах, и на кухне, и даже в уборной.

— А Клавдия говорит что-нибудь об этом? Она же с Каракуртом давно уже спит, — Рольник заинтересованно слушал и жевал грушу.

— Я пока её особенно не спрашивал, чтобы

отцу своему не передала. Зачем ему знать, что я этим интересуюсь? Эта шалава такая скользкая, что я ей не верю ни черта. Оплачиваю квартиру на Тореза, даю деньги, вожу в рестораны, а сам не уверен ни в чём. Подожду пока, может карта удачно ляжет. Чую, что Клавка ещё принесёт нам пользу, адекватную затратам на её содержание.

— А почему тебя так этот ремонт волнует? — удивился Рольник, уже слегка позёвывая. — У Каракурта старик-отец умер, вот он и делает ремонт...

— С бронированными дверями по всей квартире? — засмеялся Дмитрий. — Он что, под бои жильё готовит? Это же амбразуры получаются, если прорезь сделать. Похоже, что Андрей Озирский хотел там сделать нечто вроде агентурного центра. В том же доме расположена сберкасса, так что посетители никаких подозрений не вызовут. Озирский очень расторопно оборудовал хазу, а потом вдруг уволился с Литейного, ничего никому не объяснив. Квартира осталась как бы не у дел. Но я не верю, что такие средства будут тратиться впустую. Так что надо бы иметь в виду и эту точку.

— Сдаётся мне, что Готтхильф дал денежки, — догадался Рольник. — У Озирского на это зарплаты за несколько лет не хватит. Клавдия на этот счёт молчит?

— Ей про это никто и не скажет. Да и вообще, она старается о Каракурте много не говорить. По-моему, она в него влюблена, и потому не хочет доносить. Ссылается на то, что её всё время выгоняют за дверь. Очень может быть, что так оно и есть.

— Так вот, если Обер сложил свои средства в эту квартиру, то не подарит её Каракурту просто так. И полковник Петренко тоже не упустит возможность использовать новоявленную цитадель. Действительно, сберкасса там очень кстати. Поди пойми, куда человек идёт — туда или на явку. Да и дом старый — два входа, что тоже очень удобно. Ты прав — Васильевский нужно взять под наблюдение. Авось, кто и попадётся в наш бредень.

— К чему-то легавые готовятся, как и мы, — предположил Дмитрий. — И то, что Петренко, который ненавидел Каракурта, вернул его в отдел, тому подтверждение. Значит, собираются пользоваться его жилплощадью, не иначе. Кроме того, в отдел Петренко перешёл и бывший командир ОМОНа Влад Вершинин с пятью своими сотрудниками. Вполне может быть так, что Папа Выборгский и ментовские начальники имеют в виду одно и то же событие. Как думаешь, Фелек?

— Всё может быть. — Рольник ещё раз подавил зевету. — Ничего, разберёмся как-нибудь. Меня вот больше интересует, почему Озирский так

срочно уволился со службы. И уехал не во Францию к жене, а именно в Выборг.

— А я вот возьму и спрошу его об этом! — Дмитрий сверкнул светлыми пронзительными глазами. — Думаешь, слабо?

— Лично его спросишь?! — Рольник покачал головой, не очень себе это представляя.

— А почему нет? Теперь он уже не в ментовке, так что можно. А что касается Вершинина, то он пришёл именно на место Озирского. И привёл с собой пятерых ребят. Они оставили ОМОН по каким-то личным причинам. Вроде бы, были не согласны с использованием спецподразделений милиции против демонстрантов в Москве.

— И зачем ты хочешь встречаться с Озирским? Думаешь, он тебе теперь служить станет? Или расскажет про Готтхильфа? — удивился Рольник.

— Я на это не надеюсь. Конечно, не расскажет. Мне просто по-человечески интересно. Если такой фанатик, как Андрей Озирский, покидает любимую службу, значит, случилось что-то невероятное. По крайней мере, в его понимании. И я хочу узнать, что именно, потому, что на этом всегда можно сыграть. А тебе, Фелек, я вот что скажу, — продолжал Стеличек, глядя на свой затихший к ночи сад. — За самим Обером

пока наблюдать погодим. А вот за Каракуртом — будем. Все в курсе наших с ним отношений, в том числе и Обер. Это будет выглядеть вполне естественно. Каракурт вернулся в РУБОП, и я, само собой, насторожился. А если Филипп на них работает и действительно имеет отношение к этой квартире, то вполне может засветиться. Фелек, даю гарантию, что это рано или поздно произойдёт. Нужно только набраться терпения.

Рольник отставил бокал и промокнул губы салфеткой:

— Мить, тебе не надоело ходить вокруг Каракурта на верёвочке? Уж с этим-то ты в любой момент можешь разделаться... вы ведь и живёте-то оба на Васильевском. Ты — на Восьмой линии. А он — на Шестнадцатой. «Тачки» ваши встречаются на дорогах, наверное, по несколько раз в день. Ты приговорил его восемь лет назад. Неужели тебя не тянет привести приговор в исполнение? Вроде бы, и препятствий никаких. Это тебе не Обер.

Стеличек внимательно наблюдал пузырьками, отрывающимися от стенок бокала с минеральной водой:

— Да, он не Обер... Но я жду того момента, когда Каракурту меньше всего захочется умирать. Я тебе уже не раз об этом говорил. Вспомни, Фелек. Пусть женится, родит детей, и тогда... Я терпеливый, дождусь сладостной минуты мести. По

себе я узнал, насколько разное восприятие у холостых и семейных. Когда я откинулся из зоны, приехал к дяде и Моне Кикиной, то горел желанием прикончить Каракурта немедленно. И дядя дважды едва не осуществил мою мечту — зимой в «баньке», а летом — в «Метрополе». Чего греха таить — я был очень расстроен. Но с тех пор много воды утекло. Я женился и скорректировал свои планы. Раньше мне было плевать, прикончат или нет. А теперь... Пока не станешь отцом, не поймёшь, сколь уязвимое место ребёнок. Можно пренебречь собой, женой, но только не тем, кто продолжает твой род. К жизни ребёнок приковывает крепче любых «бабок». Не думай, что я отступился от Каракурта. Я приговорил его ещё на процессе, и приговор исполню. Я сейчас при тебе, кровном родственнике и друге своём, клянусь, что ни одного слова из обвинительной речи Минца не забуду. Обязательно тридцать первого мая, в день кончины любимого дяди, я отрублю Каракурту голову — с двух ударов, по одному за каждого из нас. Фелек, знай, что я оторву Каракурта от семьи в самый сладостный момент, и больше об этом мне не напоминай. Да, ты, кроме Аленицына, ни с кем не говорил о Готтхильфе?

— Нет, пока только с тобой. — Рольник ещё не остыл от страстной речи Стеличека. — Я могу на тебя рассчитывать?

— Можешь, конечно. Дядю я и Оберу не забуду. Веталь, честно говоря, к Филиппу относился с душой. Тот ведь тоже был репрессирован, вернее, родители его... Веталь считал, что они братья по несчастью, а тот махинации какие-то устраивал. Уссер-Ювелир по ночам к нему приезжал. Сговаривались против дяди, без сомнения. Теперь, выходит, что Обер привёл Веталья в курилку «Метрополя», одурманил его и сдал ментам. Только, Фелек, если начнёшь приглядывать за немцем, соблюдай максимальную осторожность; иначе он тебя ликвидирует. Будет лучше, если наблюдать станут люди, не знающие тебя в лицо и никак с тобой не связанные. Совсем здорово, если они о тебе и не услышат. Витька храни, как зеницу окна, чтобы ни одна сволочь его здесь не увидела. То же самое передай и Шуре с Галкой — пусть молчат, как убитые, а то слово «как» может и исчезнуть. И ночью подумай хорошенько — готов ли ты лично к этой войне.

— Конечно, я понимаю... Но у меня есть на примете женщина, которая имеет претензии к Оберу, а потому согласна помочь нам, — шёпотом произнёс Рольник. — Эта не сдаст никогда, кремень-баба.

— И кто же это? — С Дмитрия даже слетела сонная одурь. — Только не торопись, говори подробно.

— Это вдова убитого Обером Петра Токового. Всё случилось ещё в семидесятом году, в Казахстане. Токовой — крупный спекулянт. Капитал сколотил на овечьей шерсти. Он имел три машины и кучу телохранителей. Тоже не ангел, конечно. За одно слово мог приговорить. Обычно он затапывал врагов конями. Но сейчас Валя Токовая оказалась очень нужна мне. Сам понимаешь, что я ей нужен. В одиночку ей не отомстить Рыжему... Это старая кличка Обера.

— Знаю, — вздохнул Стеличек.

Он допил минералку и тоскливо поглядел на остальную снедь. После такого разговора в него уже ничего не лезло.

— Валентина понятия не имеет, кто мы такие. Лично мы с ней виделись в одну сторону. То есть я и видел её, и слышал голос. А она меня, ясно, не знает. Прямо маньячка — настырная, энергичная. Двадцать три года почти вынашивает планы мести. Муж погиб в августе... Мои ребята встретились с ней и договорились о сотрудничестве. Обо мне, конечно, и не упоминали.

— Ты правильно поступил. — Дмитрию вдруг страшно захотелось спать. — Она не должна даже догадываться о твоём существовании.

— Я тоже так считаю. Мои люди пообещали помочь ей уничтожить Рыжего. Валентина согласилась наблюдать за домом его тёщи, на углу

Северного и Руставели. В Песочном ведь нельзя появляться — сразу заметят. Один брательник Тим чего стоит — на месте прикончит. Но Обер, думаю, в Песочный никого и не повезёт. Ему удобнее встречаться с нужными людьми на Гражданке. И, если Валентина не подведёт, мы рано или поздно Обера уличим в неподобающих контактах...

— Верно, Фелек, так и поступай. Выпьем ещё, им на боковую! — решил хозяин. — Хватит нам об этом козле говорить — больно чести много. — Утром встанешь, снова всё обмозгуй, на свежую голову.

— Понял. Давай, наливай. За удачу! — Рольник проглотил вино, не заметил превосходного вкуса. — Между прочим, Валентина уже неделю патрулирует этот район. На своей колыхаге с ручным управлением она объезжает окрестности дома старухи Фюхтель. Квадрат ограничен Северным проспектом, улицей Руставели, проспектом Науки и улицей Карпинского...

— С ручным? — удивился Дмитрий. — Она что, инвалидка?

Он дёрнул шёлковый шнурок, и голубые шторы скрыли веранду. Теперь никто с улицы не мог их видеть. Впрочем, и раньше и Дмитрий, и Феликс ничего здесь не боялись.

— У неё нет правой ноги. В семидесятом Петра Анисимовича, супруга её, утопили в нужнике

с широким очком. Его захватили как раз во время забавы с лошадками, отвезли в глухое место и... Руководил всем Обер, которому тогда только двадцать один год был. Самой Валентине удалось скрыться, хотя она сидела рядом с мужем во время экзекуции...

— А кого они казнили, неизвестно? — перебил Дмитрий.

— К сожалению, мои ребята у неё не спросили. Я им укажу на эту оплошность. Всё их внимание было сосредоточено на Рыжем-Обере. Короче, немцы выкрали её позже, уже в Алма-Ате. Валя справляла поминки по мужу в одном из шикарных ресторанов. Разумеется, по тем временам... Её запихнули в машину, связали, куда-то долго везли. Она ещё удивлялась, почему сразу не прикончили — могли ведь. Но, оказалось, ехали к железной дороге, где и кинули на рельсы, прямо под поезд. Машинист среагировал быстро, но Валентина всё равно осталась без ноги. Говорит, что отползти не успела — совсем немного. Был ли там Рыжий, она не поняла. Может, и не было, иначе не позволил бы выкарабкаться...

— А дальше что было?

Стелечек потёр лоб подушечками пальцев. Как всегда, после долгой пьянки, у него заболела голова.

— Вылечилась и стала жить, как прежде. А

жила Валентина на широкую ногу. У неё и при «совке» были кухарка, массажистка, косметичка, горничная. Она им только пальчиками щёлкала — даже рот не раскрывала. У супругов Токовых был единственный сын, который погиб в Питере при загадочных обстоятельствах. В конце прошлого года он прибыл сюда с той же целью — покарать Рыжего. И его нашли на пляже близ Ушково — с перерезанным горлом. О связи с Валентиной мы условились. Но пока она сообщает, что Обер у тёщи не появлялся. Приезжали только его жена с дочкой.

— Ладно, Фелек! — Дмитрий хлопнул гостя по плечу, давая понять, что пора расходиться по комнатам. — Пусть она там катается, сколько душе угодно. Но ты сам затаись, иначе погибнешь или людей потеряешь. На маньячку полагаться нельзя — пусть только подстрахует. Пока начнём наблюдать за Каракуртом. Токовая, если будет обнаружена, сойдёт за мстительницу-одиночку. Надо будет нажать на Клавку Масленникову, и через неё подобраться поближе к Каракурту. Он ведь отказался антикварный рояль за неё отдать, чтобы выкупить у меня для женитьбы. А Клавка о себе очень высокого мнения, и никогда ему этого не простит. Кроме того, Каракурт готов с любой бабой улечься, лишь бы она была голубоглазой блондинкой. А у меня таких несколько есть, так что можно выбрать из них агентшу. Если Обер на ту

квартиру придет, я об этом непременно узнаю. Как ты на это смотришь, Фелек?

— Превосходно, — Рольник был искренен. — То, что надо.

— Если повезёт, выйдем на Обера, — ухмыльнулся Дмитрий.

— А ты Клавке доверяешь? — опасливо спросил гость и закусил тонкую губу. — Она явно работает на ментовку, а ты терпишь. Вон, Сергей Пименов с Петром Гардагиным её сразу невзлюбили. Подколотная тварь, говорят. Кинет любого когда угодно...

— Фелек, если бы я не знал об этом! Но я знаю, и использую Клавдию так, как считаю нужным. Стерва, действительно лучше неё никого ещё не встречал. Для траха — то, что надо! Да и хозяйка отличная, не в пример другим «соскам». Ей в глаза посмотришь — и уже готов. Настоящая русалка, только хвоста не хватает...

Стеличек вдруг вскинулся, протянул руку и включил свой «Панасоник» с цветомузыкой.

— Хватит о делах, Фелек, надоело! Давай лучше послушаем классные записи. Тата, ты не спишь? — Он выглянул в коридор. — Иди сюда!

— Не вопи, ребёнка разбудишь...

Татьяна, на сей раз в чёрном бархатном платье, расшитом бисером, появилась на веранде и перехватила восхищённый взгляд Феликса.

— Мить, ты набухался, да? Зачем музыку врубил ночью? Крыша поехала, что ли?

— А кто тут услышит? Слава Богу, не в общем доме живём! — Дмитрий посадил Татьяну себе на колени. — Боженка спит?

— Только что её уложила. Как бы из-за твоего грохота опять не проснулась. Я и не услышу, если заплачет...

— Ничего, Божена перекричит любой рок! — Дмитрий громче включил музыку, и по углам веранды вспыхнули радужные огни. Он расслабленно отбросил зажигалку и притянул к себе супругу. — Потанцуем, Тата?...

Глава 2

— Что ж, Филипп Адольфович, рад вас видеть в добром здравии. — Эрих Эмильевич Эссе, полковник госбезопасности России, по-нынешнему МБР, пожал руку агенту.

Он сел на тяжёлый дубовый стул, украшавший ещё дом почтенных бюргеров — предков Ютты Куртовны Фюхтель. Геннадий Петренко, пробежав худыми нервными пальцами по пуговицам пиджака, последовал его примеру. Прямоугольный старинный стол, занявший половину кухни, был почти пуст. Во время деловых встреч собравшиеся только пили кофе и курили.

Поскольку Петренко этой вредной привычки не имел, Готтхильф с Эссе попеременно подходили в вытяжке над плитой.

Кухонька была весёлая, похожая то ли на клумбу, то ли на тропический лес. Казалось, что «бороды» растений свисают прямо с потолка. Кроме того, здесь были и обычные, растущие вверх, цветы с малиновой, лиловой, зелёной и коричневой листвой. Заправляла всем в квартире худенькая подвижная старушка — с седыми бублями по моде прошлых веков, при макияже, в экстравагантном халате, разрисованном драконами. Букетами и попугаями. Была глубокая ночь, и круглые часы на стене показывали без десяти два — то время, когда только и могла произойти подобная встреча.

Фрау Ютта, сразу угадав в одном из гостей соплеменника, не смогла оставаться в стороне и не угостить его должным образом. Она быстро расставила на столе чашечки и блюда саксонского фарфора, какие-то мелкие предметы. Но трое мужчин не интересовались едой. Им хотелось быстрее начать разговор, который не обещал быть коротким и лёгким.

«Старуха Фюхтель» ещё раз оглядела плоды своего кухонного творчества, поклонилась и исчезла за дверью, волоча за собой хвост халата, словно королева — шлейф. Но улице похолодало после трёх сухих и жарких недель, и потому

пожилая дама мёрзла.

— Мои предки жили до революции здесь, в немецкой колонии «Гражданка», — заметил Эссе, чтобы немного разрядить обстановку. — От самого основания, с екатерининских, что ли, времён... К стыду своему, точно не помню. Но я родился, как и вы, в Казахстане. В Акмоле. — Эссе заметил, что глаза Готтхильфа потеплели. — А перед высылкой моя семья пережила несколько погромов. И первый, кстати, не при большевиках, а при царе Николае Втором. После начала империалистической войны немцев сочли врагами. Переименовали даже столицу, а что уж говорить о простых людях? Многим тогда досталось...

Они могли бы говорить и по-немецки, но стеснялись делать это при Петренко. Геннадий Иванович знал язык, но не настолько хорошо, чтобы свободно вести беседу.

— Как вас называть, господин или товарищ? «Герр» или «камрад»? — шутливо спросил Филипп.

— Зовите просто Эрих, — разрешил гость. — А вообще-то я — человек советский, что бы там ни говорили. И убеждения у меня всегда были левые.

— Отлично. — Готтхильф не стал распространяться о своих политических предпочтениях, потому что до сих пор толком их не сформулировал. — Тема нашей беседы мне известна от полковника Горбовского, так что

повторяться не будем. С ним мы знакомы ровно три года, хорошо друг друга понимаем. Он мне перед встречей показал вашу фотографию, чтобы не было вопросов.

Филипп и его гости старались не упоминать имени Андрея Озирского; но все трое думали сейчас именно о нём. Своим поступком бывший Блад потряс и друзей, и врагов. Рано или поздно кто-то из сидящих за столом должен был рискнуть и первым заговорить на болезную тему.

— Так вот, товарищи, — без насмешки, даже с теплотой заговорил Филипп, — за свою безопасность можете ручаться. Здесь я практически не бываю. Принял вас в квартире своей тёщи, которой вы только что целовали ручку. В Песочном она не прижилась.

Эссе внимательно, следуя профессиональной привычке, осмотрел оригинально оформленную кухню. Уголок из натурального дуба, на котором спала рыжая персидская кошка, старинный стол со стульями, цветы, кокетливая люстра под потолком.

— Никогда не скажешь, чья тёща здесь проживает, — заметил он. — Всё предельно просто.

— Золотых унитазов вы не найдёте и в Песочном...

Готтхильф, не стесняясь, рассматривал розовое лицо Эссе, его прозрачные аквамариновые глаза, позволяющие просматривать человека до

мозгов. Одет полковник госбезопасности был в чёрный костюм, обтягивающий его плотное тело штангиста. По-женски гладкая кожа, аккуратно причесанные светлые волосы никого не вводили в заблуждение. Обер понимал, что гебист может многое, но просто не демонстрирует этого.

— А ведь доходы вам позволяют! — своей репликой Петренко подтолкнул собравшихся к главной теме. — Эрих, осознай, что ты видишь напротив главного координатора наркобизнеса в городе. Лучше него тебе никто не расскажет о тех порядках, что царят в этом закрытом от посторонних глаз сообществе.

— Порядки строгие, — подтвердил Готтхильф. — Без силового регулирования здесь не обойтись, особенно при нынешних прозрачных границах России. Рынок США и Европы стал тесен для торговцев наркотиками. С Востока к нам летят орлы Чуйской долины, а также едут прочие азиатские производители. Всё это концентрируется в мегаполисах, где армия наркоманов растёт с потрясающей быстротой. Для меня сейчас главное — не допустить хаоса здесь и в Москве. Прибывающие с товаром господина должны знать, кому им подчиняться, у кого спрашивать совета, искать защиты. Кому платить дань, наконец. От руководства этой биржей я имею хороший доход. Кроме того, у меня есть собственное производство

лекарств и «биологических добавок». Россия проглотит что угодно и в любых количествах, поэтому со всего мира сюда везут разную дрянь. Я должен следить за тем, что продают в питерских притонах. Ведь каждый день огромное число людей пробует наркоту впервые, под влиянием моды. Мало где существует такой режим благопритствования этому бизнесу. Конечно, я имею в виду цивилизованные государства. В тех же Штатах к «дури» относятся куда более серьёзно. На Востоке за это — однозначно смертная казнь, что я приветствую. У нас же — ничего, разлюли-малину...

— Филипп Адольфович, товарищи из МВД говорят, что вы замыкаете на себе как можно большее количество торговцев наркотиками, чтобы «загнать клопов под шкаф и подпилить ножки». — Эссе с огромным интересом выслушал Готтхильфа. — Через представителя Интерпола доктора Майкла Саймона вы, если не ошибаюсь, выходили на связь со штаб-квартирой этой организации в Лионе?

— Да, доктор Саймон сделал мне такое предложение. Правда, не напрямую, а через третье лицо.

Филипп не мог назвать это третье лицо Андреем Озирским, и потому отвернулся к окну. Настроение у него сразу же испортилось.

— По мере сил, я стараюсь выполнять это обещание. Мне уже известно о вашей операции «Мелодии белых ночей». А насчёт договорённости с мистером Саймоном, который был здесь прошлым летом, скажу следующее. Клиентура моя растёт, как на дрожжах; пропорционально увеличивается и число связей за границей. Некоторое наследство мне досталось от Ювелира — Семёна Уссера. Это имя должно быть известно Эриху. В Интерполе про этого «человека с пятью фамилиями» тоже знают. Ещё больше контактов установил я сам...

Филипп тронул указательным пальцем то место, где раньше были усы. Петренко заметил, что руки главаря наркомафии окиданы нервной экземой.

— Со стороны всё это выглядит обычной погоней за прибылью и поиском авторитета на мировом рынке наркотиков. На самом же деле моя цель заключается именно в том, чтобы загнать клопов под шкаф. Но для этого нужно, чтобы клопы сбежались на приманку. Такая приманка — наиболее благоприятные условия. Торговцы из СНГ, из дальнего зарубежья, даже из Колумбии должны понимать свою выгоду и никуда не отчаливать. По моему указанию создаётся впечатление, что их товар здесь очень нужен. Хотя на самом деле я один, с помощью своих препаратов из трав и синтетических смесей мог выбросить их

за горизонт со всеми крэками и героинами, не говоря уже о маковой соломке. Например, есть у меня такой препарат «Г-58», который даст каждому, чего у него нет. К примеру, старый импотент переносится в сауну с голыми девушками, и так далее. Аналогов у этого препарата нет, потому что я свои изобретения нарочно патентую. И от поставок иностранным заказчикам имею жирный навар. Этот препарат называют «Глюк» и очень любят...

— То ли от слова «глюки», то ли перевод слова «счастье», — заметил Эссе, тихо позвякивая ложечкой в чашечке с кофе. — Значит, вы делаете этих деятелей своими должниками, предоставляя им различные льготы?

— Да, — согласился Готтхильф. — Во-первых, товар не уйдёт на не контролируемые мною рынки, то есть в другие города и страны. Во-вторых, я по сигналу могу обезвредить сразу всех, но это только в крайнем случае. Лучше, осторожности ради, выбивать пока по одному. Так что вас интересует конкретно? Может быть, немного выпьете? У меня есть виски и джин.

— Да? — оживился Эссе. — Наверное, немного согрешить можно. Как-то за границей могут гонять на машине после несколько бокалов крепкого коктейля. А у нас почему-то считается. Что после одной капли авария неизбежна.

— Тогда подождите минуту...

Филипп вышел из кухни. Вернулся он с бутылками джина, виски и тоника, сифоном содовой и вазочкой со льдом.

— Если голова «поплывёт», сразу говорите. У меня есть средство, восстанавливающее стопроцентную трезвость.

— Вот золотое дно! — восхищённо сказал Эссе. — Это не только наркам нужно, но и нормальным людям. — Геннадий, будешь?

— Плесни чуть-чуть.

Петренко не любил пьянок, но сейчас ему казалось, что для установления контакта, для свободного общения можно на это пойти. Кроме того, возможно, на душе станет легче. Душевная рана, нанесённая полковнику уходом Озирского, всё ещё кровоточила.

Когда они выпили, Филипп перешёл к делу.

— Про кого вы хотели бы узнать? Если смогу, помогу.

— Дело в том, что мы не привыкли просить помощи Христа ради. Вы, при случае, тоже сможете узнать что-либо.

Эссе говорил мягко, постоянно помня, кем на самом деле является Готтхильф, и чего от него можно ожидать.

— Тем лучше, — коротко бросил Филипп.

— Что вы скажете на сообщение такого рода?

«Мистер Берт Кемп, он же Григорий Олегович Самосолов, в течение нынешнего лета собирается прибыть в Петербург...» Кстати, это — его родной город, на минуточку. «Он хочет опередить конкурентов с Сицилии, из Японии и Южной Кореи, а также из китайской триады — собственно Китая, Гонконга и Тайваня. В задачу Кемпа входит укоренение на местном наркорынке». Между прочим, у нас есть сведения, что к его встрече где-то в окрестностях Питера уже всё готово. В каких именно окрестностях, пока выяснить не удалось.

— Скорее всего, у финской границы, — предположил Петренко. — Там ему будет удобнее.

— Резонно, но не обязательно.

Обер невидящими глазами смотрел куда-то за спины своих гостей, на серое ночное небо. Геннадий Иванович видел, что он потрясён до глубины души. Значит, сам ещё не сумел добыть столь важную для себя информацию.

— Вот за эту новость спасибо! Кемп, как правило, предпочитает обосновываться в выбранных регионах основательно, жить там спокойно, без конкурентов. Так было везде, где этот господин работал — в Штатах, в Германии, в Восточной Европе. Торговать здесь под моим патронажем он вряд ли согласится.

— Значит, вы в курсе деятельности

Самосолова? — обрадовался Петренко. — А я вот про него никогда ничего не слышал. Эрих говорит, что этот тип засылался в разные страны якобы для сбора разведданных, а сам занимался торговлей наркотиками и контрабандой. Антиквариат, цветные и редкоземельные металлы, и всё такое прочее...

— Я знаю, что в Германии, например. Кемп, кроме привычного наркобизнеса, занимался ещё кражей и вывозом за границу дорогих автомобилей, а также меховых изделий самого лучшего качества. Впрямую с ним это не связывали, а потому можно было проворачивать дела через дочерние банды, разбросанные по всему Западу, — ответил Обер сквозь зубы. — Значит, теперь его на Родину потянуло? А в МБР известно, что Кемп держит на службе китайскую банду, куда входят самые жестокие убийцы? Все наши «братки» перед ними — пацанами с рогатками.

— Этого мы не знали. — Эссе не на шутку встревожился. — Давайте тогда так, Филипп. Мы вам даём свои сведения. Вы нам — свои. Единственное, что я хотел бы уточнить — какова численность его организации? Хотя бы приблизительно знаете?

— Ну, в строй он может поставить до полумиллиона бойцов. Руководящих кадров у него около пяти тысяч человек — во всех странах, где

налажен бизнес. На новые места, где нужно отвоевывать территорию, с ним прибывает в среднем человек сто — конечно, плюс-минус. Это — передовой отряд. При Кемпе ещё есть охрана. Обычно, эта группа состоит из граждан той страны, рынок которой он хочет взять под контроль. Например, по сведениям Саймона, в Штатах он использовал только коренных американцев. Русский отряд будет состоять из деятелей рангом чуть пониже Славки Япончика...

— Саймон и мне об этом говорил. Надо сказать, что Кемп у него давно сидит в печёнках. Пока Майкл его не обезвредит, он не сможет продвинуться по службе. Таким образом, Саймон выслеживал Кемпа в Колумбии, Бразилии, Афганистане, Пакистане, Сирии и Египте, не говоря уже о Европе. Но, как видим, особо не преуспел, — заметил Эссе. — Теперь они оба окажутся в России. Бывший перебежчик, видимо, считает, что дома ему и стены помогут. Он, хоть и является американским гражданином, откровенно плюёт на законы новой родины. Судя по всему, у него здесь мощное прикрытие. Кроме того, имеется договорённость с местными «крёстными отцами» насчёт охраны, жилья, транспорта и так далее. Так что придётся нам с Геннадием Ивановичем в скором времени принимать доктора Саймона в Петербурге, всемерно помогать ему. Поскольку Кемп угрожает

и вам, Филипп, мы рассчитываем на содействие...

— Вы очень помогли мне, — признался Обер. — А я лопухнулся, признаюсь честно. Устал, наверное, волочь на себе этот груз. Но теперь Кемп меня врасплох не застанет. Он ведь понятия не имеет, что я... — Он стыдливо, одними губами, улыбнулся. — Короче, оказываю кое-какие услуги органам. И без вас мне сейчас пришлось бы туго, честно скажу. Мою машину мог протаранить на шоссе самосвал. А я даже не успел бы понять, в чём дело... Да, Кемп всегда тщательно готовит почву в той стране, в том городе, где хочет закрепиться. Досконально изучает обстановку, обдумывает, кто и на каком этапе может ему помешать. Я, конечно же, числюсь первым номером в его списке, потому что двум королям на одном троне не усидеть, по крайней мере, долго.

— Каким образом прибывает «передовой отряд»? Неужели все сразу? — удивился Петренко.

— Нет, конечно. Люди приезжают группами, а то и поодиночке. Вразбивку же и уходят. За всё время удалось поймать двоих — по одному в Колумбии и в Штатах. Остальные же немедленно испаряются, смешиваются с толпой, меняют паспорта и внешность. Могут даже из мужчины женщиной стать, если нужно. — Филипп жадно курил у вытяжки и говорил быстро, взволнованно. — Теперь я хочу узнать, что об этом

типе знаете вы. Я и сам хороший мерзавец, — не стал скромничать Готтхильф, — но он позорит Россию везде, где только можно. Он и не скрывает, что сбежал в своё время из Союза. Часто повторяет, что «руссо мафиози» — самые лучшие в мире. Честно говоря, я не думал, что он отважится пойти на меня войной...

— А ведь я виду — серая мышка!

Эссе открыл свой кейс и достал несколько фотографий. Филипп уселся на диванчик от уголка, под бра, и стал рассматривать худое, землистое, с впалыми щеками, лицо. Даже на цветном снимке Самосолов казался тусклым, невыразительным. Невзрачный, узкоплечий, он прекрасно сливался с толпой и с туманом. Светлые прямые волосы бывшего перебежчика были расчёсаны на идеальный пробор, а круглые птичьи глаза Кемп как раз прикрыл тяжёлыми веками. Наверное, там, в Штатах, было жарко, и нос Кемпа покрылся капельками пота. Его губы напоминали два переплетённых шнурка какого-то неопределённого цвета — то ли бордового, то ли малинового.

— Идеальный шпик, — заметил Петренко. — На таком взгляд не задержится. Видимо, поэтому его в своё время и взяли в КГБ.

— Да, он служил во Втором управлении, то есть в контрразведке, — согласился Эссе.

На первой фотографии Кемп предстал в

шортах, футболке, с теннисной ракеткой в руке. Другой снимок был более ранним — с белым уголком — под печать. Юноша с постным, невыразительным лицом, выглядел исполнительным и примерным служакой, никак не способным на значимый поступок, пусть даже со знаком минус.

На третьей фотографии Самосолов сидел рядом с яркой брюнеткой — загорелой, в сильно открытом сарафане. Между ними втиснулись два мальчика-погодка — в одинаковых шортах и в полотняных кепочках с пластмассовыми козырьками. Семья отдыхала на одном из пляжей Карельского перешейка, как и большинство добропорядочных граждан той эпохи. У каждого мальчика в одной руке был бумажный стаканчик с мороженым, в другой — плоская деревянная палочка. С тех пор прошло около двадцати лет, и дети отреклись от отца.

— Григорий Олегович Самосолов родился в тридцать восьмом году, в Ленинграде, в семье военнослужащего и врача. Отец сразу же был мобилизован, воевал в составе прифронтовой группы НКВД. В сорок третьему году он погиб. Мать одна воспитывала троих детей. Наши сведения, как видите, скудные. Должно быть, в Интерполе, ФБР и ЦРУ вам бы сказали больше.

Самосолов отслужил в пограничных войсках, окончил юридический факультет ЛГУ. Потом оказался у нас, на Литейном, где быстро продвинулся по службе. Кончилось тем, что Самосолов был переведён в Москву. В 1978 году он не вернулся из Австрии. Видимо, «объект» утащил его за собой — так тоже бывает. Посылаешь за кем-то человека, а они уходят вместе, — признался Эрих Эмильевич. — В восемьдесят третьем году, то есть через пять лет, он получил американское гражданство. Другие люди, как правило, ждут куда дольше. Сменив имя, он поселился в Майами. Неприятности на родине объяснил собственным инакомыслием. Создал себе имидж диссидента, хотя на самом деле являлся откровенным стукачом. В начале семидесятых он написал политический донос на своего шефа и благодетеля. В чём там было дело, мне неизвестно. Знаю лишь, что речь шла об Отечественной войне. А конкретно — об оригинальной трактовке событий тех лет со стороны начальника Самосолова. Не исключено, что он просто хотел занять место генерала, хотя бы в будущем. Когда донос не возымел действия, Самосолов пришёл к начальнику с повинной. Тот устроил ему перевод в Москву. Вероятно, не желал больше видеть около себя эту свинью...

— Странное наказание, — заметил Готтхильф. — Мог бы и по-другому дело решить.

— Не знаю, почему начальник поступил именно так. Он вообще славился нестандартным мышлением. — Эрих как будто что-то недоговаривал. — О каких-либо криминальных наклонностях Самосолова в то время не подозревали. Он был тихим и вежливым. Когда и где он попал в поле зрения ЦРУ, неизвестно. Может быть, в Австрии, или даже после побега. Мемуаров на Западе он не публиковал, с разоблачениями не выступал. Ни в Ленинграде, ни в Москве ничем не прославился. Только вот писал доносы на тех, кто мыслил не стандартно. А диссидент из него такой же, как из меня балерина, — хмыкнул Эссе и сменил Готхильфа у вытяжки.

Чиркнув спичкой о бок коробка, он продолжал рассказывать. Филипп, выкурив сразу три сигареты, почувствовал себя лучше, и поставил на плиту остывший кофейник.

— Коллеги ему особо не доверяли. Считали скользким типом, способным на всякие пакости. Но и только... Москвичи, правда, говорили, что на Лубянке Самосолов изменился. Он стал амбициозным, говорил, что жить в Союзе не будет. Но всё это воспринималось как трёп — слишком невзрачная была личность. Когда Самосолов не вернулся из Австрии, его жена попала в нервную клинику. Он её ни о чём не предупредил, и вызова не прислал. В США женился вторично, родил двух

дочерей. Первое время после свадьбы они с новой женой жили на средства не совсем понятного происхождения. Но их вполне хватало для того, чтобы совершать кругосветные путешествия, останавливаясь в пятизвёздочных отелях. Многим казалось, что человек просто хочет посмотреть мир, настрадавшись под гнётом большевиков...

— Как раз в это время он и завязывал контакты с дельцами наркомафии. — Готтхильф чуть отодвинул штору и посмотрел во двор.

Над городом плыла светлая северная ночь. Качались под ветром деревья, поскрипывали детские качели на площадке у песочницы.

— Скорее всего, ЦРУ он особенно не приглянулся, разрекламировать себя не сумел. И тогда, обманутый в лучших чувствах, Кемп решил зарабатывать на жизнь другим способом. Да, шика в Совдепии ему не хватало, — ядовито заметил Обер. — Но оказалось, и в Майами за так в крутой клуб не завалишься. С его жалкими заработками глупо было надеяться на светлое будущее. И тогда Гриша пошёл ва-банк — женился на Линде Бентсон, проститутке и наркоманке, связанный с поставщиками «дури». Они принялись путешествовать по свету, изображая благообразную пару. Одновременно чета выполняла функции курьеров и связных. О том, что советский перебежчик связался с наркоторговцами, никто в

Америке и не подумал. Мистер Кемп с тех пор круто пошёл в гору. Линда «завязала», закодировалась, родила двух девочек. Правда, ходят слухи, что они не совсем нормальные. Во всяком случае, их никому не показывают, — сообщил Готтхильф. — Конечно, высылать приглашение жене и сыновьям он не подумал. Когда в Штатах спохватились, было уже поздно...

— Вы достаточно хорошо осведомлены о его жизни.

Петренко, даже при наличии вытяжки, не выдержал запаха табачного дыма и закашлялся в носовой платок.

— И, как я понял, знаете, какими методами он осваивает новые территории. Считаете, что Кемп может заинтересоваться нашим сегментом рынка?

Филипп взял на колени кошку и погрузил пальцы в её рыжий пух.

— Может, конечно. Но для этого он должен быть уверен в собственной безопасности. Кемп любит осматривать будущие владения лично. А уж в Питер-то его точно потянет — всё-таки родные места. Находиться долго он здесь не станет, но выводы для себя сделает. А потом уж начнёт руководить своими людьми из какой-нибудь сопредельной страны. В нашем случае это, скорее всего, будет Финляндия или Швеция. А уж после, назначив на Питерский регион своего заместителя.

Кемп уедет обратно в Штаты и снова устроит круиз по миру. Там он наметит новую, ещё не завоёванную территорию, и всё начнётся снова. Надо сказать, что бывший чекист нашёл себя в наркобизнесе. Сам он ворочает миллиардами, а бывшая жена работает, имея вторую группу инвалидности — на жизнь не хватает. За одно это его надо пополам порвать!

Филипп гладил кошку, чтобы успокоиться, немного остыть.

— Значит, он решил сразиться со мной? А ведь мы с ним договаривались не трогать друг друга. Это было во время августовских событий. Я не стал посягать на рынки Флориды. А он, как всегда, уговор нарушил. Слишком поздно он сбежал на Запад, чтобы его там отучили считать обман доблестью...

Петренко взглянул на часы. Незаметно подкралось утро, и из комнаты донёся четырёхкратный перезвон часов. Только сейчас хмель от крепких коктейлей ударил всем в головы. Обер смешал себе ещё порцию и выпил всю разом, без соломинки.

— Филипп Адольфович, нам скоро уже надо ехать. Когда совсем рассветёт, для вас такая компания станет опасна.

Полковник радовался, что Готтхильф так и не спросил про Озирского, потому что трудно было

всё ему объяснить. Впрочем, Андрей мог сам где-то пересечься с агентом и пообщаться с ним.

— Да, конечно, — не стал возражать хозяин. — Ещё есть вопросы?

— Нет ли у вас сведений, каким образом эта самая «ударная сотня» окажется в России, и, в частности, в Питере? Имеет ли смысл обращаться к дипломатам за помощью? А к пограничникам? Как действует Кемп — по закону или нет?

Петренко откинулся на спинку стула. Теперь надо будет пожевать кофейные зёрна, чтобы отбить запах спиртного. А то сразу заметят — и на службе, и дома.

— С дипломатами мы уже на связи, — успокоил Эссе. — Все посольства в Москве назубок знаем. Китайское представительство расположено на улице Дружбы, афганское — в Сверчковом переулке. Конечно, не обойтись и без американцев с немцами. Это — Новинский бульвар и Мосфильмовская...

— Нельзя наверняка сказать, какую тактику выберет Кемп, — задумался Готтхильф. — Ему лишь бы не рисковать. Сейчас может прибыть по фальшивому паспорту. Достать такой документ даже для беженца из стран Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии не составляет труда. В Москве на полную катушку крутятся целые типографии, штампуют бланки виз, паспортов и

прочих документов, нужных для въезда в Россию. И стоит это смехотворно мало — всего пять тысяч долларов. Кемпу такая сумма вполне по средствам. А дальше как он поступит, не знаю. В страну потоком валят иностранцы. Затеряться среди них шефу и его «ударной сотне» — раз плюнуть. Я почти не уверен, что они не приедут сюда с шиком, а явятся под видом мигрантов. Сначала изобразят из себя несчастных беженцев или благообразных туристов, а потом сгруппируются в одном месте и вызовут своего босса для инспекционной поездки. Только вот где это условленное место, я даже предположить не могу. Конечно. Кемп станет искать здесь доброжелателей из числа местных авторитетов — за деньги и под обещание услуг с его стороны. Кандидатуры он будет подбирать преимущественно из тех, с кем я враждую. Сначала члены «ударной сотни» наладят связи в пределах своей компетенции. Потом сюда явится Кемп и утвердит план действий. Лежбище он, будьте уверены, выберет такое, что мы никогда его не найдём. Я вам, товарищи, — Филипп чуть улыбнулся, — сразу могу заявить, что это дело почти безнадёжное. Кемп очень силён, очень.

— Значит, и вы так считаете? — удивлённо спросил Петренко.

— Надо смотреть правде в глаза.

Готтхильф снял с колен кошку и встал,

сжимая в кулаке пачку «Винстона». Ему было трудно признаваться гостям в собственной слабости, но пришлось это сделать.

— Они изобразят из себя беженцев, не знающих русского языка. Вообще разыграют полных дураков. Среди этого безбрежного моря вшивых голов вычислить «ударную сотню» невозможно. Специальными каналами они пользоваться не будут — это я вам сразу говорю. Дипломатов лучше не беспокоить. Я понимаю, что мне выследить Кемпа нужно ещё больше, чем вам. Он обязательно захочет перекупить моих людей и в Москве, и здесь, и в Чуйской долине. Есть данные о попытке контактов с моим персоналом в Колумбии и в Афганистане. Признаюсь честно, что даже не знаю, как следует его пасти. Тем более что мы не имеем сведений ни о дате, ни о способе его прибытия. Короче, не знаем почти ничего.

Эссе налил в бокал чистой воды, залпом выпил. Потом поморщился, случая перестук колёс поезда у станции «Ручьи» — ветер дул как раз оттуда.

— Вы говорите, Филипп, о частных конторах, печатающих бланки документов. А кто конкретно из наших, так сказать, «авторитетов» может помочь Кемпу? Вы подозреваете кого-нибудь?

— Скорее всего, Феликс Рольник — он напрямую ведаёт этими фирмами. Часто бывает за

границей. Знаком если не с самим Кемпом, то с его представителями. Сюда может вписаться и Дмитрий Стеличек — его дальний родственник и потомственный бандит. Кто ещё, не знаю — свинья грязи найдёт. Наверное, ещё надо учесть группировки непосредственно из той местности, где Кемп оборудует «лёжку».

— Отлично.

Эссе провёл ладонью по своему розовому лицу и поднялся. Его белая сорочка под пиджаком повлажнела от пота.

— Но всё же, Филипп, нам нужно выяснить, по каким каналам мигрируют люди — на Запад и обратно. Россия, к сожалению, «страна первого убежища». Она взяла обязательства всех принимать, а вот выслать никого не может. Эти члены «ударной сотни» могут прикинуться и «челноками». Набьют в сумки всякой всячины и въедут с фальшивыми документами. Так может быть?

Филипп послушал, как часы прозвенели один раз, отметив половину пятого утра. Надо было скорее договариваться с чекистом и с ментом о способах связи на время проведения операции. Кошка соскочила с диванчика, выгнула спину, потянулась, как всегда, в два приёма. Потом она направилась к фирменной миске с «Вискасом».

— Конечно, может! Например, возьмём ветку

Украина — Белоруссия — Польша — Германия. Там катается столько коробейников, что таким образом может проехать вся банда. Скажут, например, что в Польше их ограбили, а теперь надо возвращаться в Россию. С территории скандинавских стран можно пробраться на судёнышках под видом путешественников-экстремалов. Не исключён Выборг — надо обратить на него внимание. Молдавско-румынский участок границы для наших мест вряд ли подойдёт. Короче, надо ждать, пока эта банда чем-то себя проявит. Лично я постоянно буду начеку, и это покажется вполне естественным. Ведь Кемп посягает не только на мой бизнес, но и на мою жизнь. Какие-то подозрительные эмиссары уже появились в Чуйской долине, в Оренбурге, на пунктах первичной переработки сырья. Кемп может попробовать переманить моих сборщиков, переработчиков, курьеров. Я уверен, что он хочет освоить производства синтетических наркотиков, чтобы выбить из моих рук этот козырь. Всё сейчас идёт мимо властей, только через оперуполномоченных, на низшем уровне. Кемпу такой бардак, само собой, выгоден. Он же русский, знает страну, привычки людей, их менталитет, особенности. И работать ему хочется именно здесь — в краю непуганых идиотов. Да и проблем с отмывкой доходов тут никаких нет.

— И вы уверены, что Кемп непременно захочет вас уничтожить?

Петренко уже нервничал, понимая, что времени не остаётся. Готтхильф пожал плечами.

— Сначала он, вероятно, попробует действовать по двум направлениям — через прессу и правоохранительные органы. Со вторым, думаю, у него ничего не выйдет. Вы, вероятно, об этом позаботитесь. Что касается журналистов, то с ними я и сам справлюсь. Третий вариант — моё сотрудничество с вами. Он может узнать об этом и принять меры. Да что угодно — всего сразу не вспомнишь. Конечно, он предпримет попытку договориться со мной. Но, если я окажусь слишком уступчивым, насторожится. Пока подождём, понаблюдаем. Конечно, сразу мочить он будет лишь в одном случае — если разоблачит...

Филипп уронил голову на руки и некоторое время молчал. Ни Петренко, ни Эссе не решались нарушить тишину.

* * *

— Значит, станем использовать квартиру на Васильевском. Только, конечно, с большой осторожностью.

Петренко застегнул пояс плаща и ждал, когда Эссе наденет своё кожаное пальто. В тёмной

прихожей Ютты Куртовны постоянно хотелось чихнуть — от пыли и запаха нафталина. Филипп провожал их на рассвете, как гостеприимный усталый хозяин. Сейчас он рассеянно кивал, шаря по карманам пиджака в поисках сигарет.

— С Сашуней Минцем работать будем? — кисло усмехнулся Обер.

— Да, это его жилплощадь, — кивнул Петренко. — Туда же Николаев привезёт и доктора Саймона. Такого специалиста надо беречь, согласны? Служба береговой охраны, ФБР, Интерпол — неплохой послужной список. По крайней мере, он много говорит о человеке. В гостинице Саймону будет не очень удобно. А вот слежку за ним там можно осуществлять беспрепятственно...

— Сто двадцать проституток, обслуживающих «Прибалтийскую», лучше агенты, которых можно использовать против темпераментных мужчин. — Эрих Эмильевич протянул руку Готтхильфу. — Я очень благодарен вам за помощь. Надеюсь, у нас всё получится.

Петренко сверкнул очками в полумраке прихожей:

— Минц-Николаев — очень непростой тип. Я имею в виду, в общении. Наверное, сразу вам будет трудно притереться друг к другу. Александр Керимович склонен к завышенной самооценке, и

характер у него тяжёлый, несмотря на внешний лоск. В то же время он аккуратный, исполнительный, смелый. Согласившись содержать явочную квартиру, он оказал отделу огромную услугу. Думаю, что и дальше не подведёт.

— Да уж, мне самодеятельность не нужна. Пусть Сашуня понтуется перед девочками, — подхватил Готтхильф. — Скажите ему прямо, что одна ошибка — и мы все будем трупами, включая и его самого. И ещё ладно, если семьи не вырежут. Так что ни шагу он не должен делать без приказа...

— Приказы он выполняет беспрекословно. Но втайне считает, что сам справился бы куда лучше, — заметил Геннадий Иванович. — Эрих, нам пора. Уже совсем светло.

— Счастливо вам!

Филипп, прижавшись спиной к стене, выглянул из кухонного окна в прохладный, затенённый зелёную двор. Там было пусто.

— Прошу вас обоих — будьте осторожны. Следите за «хвостами» и постарайтесь, чтобы вас не разглядели и не узнали.

— Это — наша профессия, — успокоил Эссе.

Он улыбнулся и первым вышел на лестничную площадку. Петренко последовал за ним. На пятом этаже тоже царило безмолвие, но там шевелилась чья-то тень. Эрих почувствовал, как сосёт под ложечкой, но списал это на

переутомление. Не может быть, что уже сейчас за ними следят — «наружку» ведь надо ещё организовать. А для этого необходимо заподозрить Готтхильфа и пронюхать, что именно сегодня они с Петренко сюда приедут. Но, кроме хозяина и гостей, никто о предстоящей встрече заранее не знал — даже Ютта Куртовна.

Филипп увидел из-за шторы, что чёрная «Лада-Самара» девятой модели включила фары — словно проснулась и открыла глаза. Готтхильф проводил взглядом её огни, немного подождал. Во дворе царил невероятный, даже подозрительный покой. «Лада» Эссе вывернула на улицу Руставели и пропала из виду. «Хвоста» за неё пока не было.

Ничего не заметили и Эссе с Петренко. Вырулив на широкую магистраль, Эрих повернул строго на север и уже откровенно зевнул.

— Перед тем, как в Хийтола, в Финляндию, ехать, отоспимся под Приозерском. Дача там у меня, между прочим. Тебе на службу сегодня не нужно?

— Нет, только завтра. — Петренко тоже прикрыл рот ладонью.

— Ну и ладушки. Видишь — всё пусто. Пока народ проснётся, успеем проскочить. А жене от меня позвонишь, чтобы не тревожилась...

Филипп же долго курил на балконе, потом вернулся в большую комнату. Там недавно

появился австрийский гарнитур трёхцветной гаммы. Чёрный, коричневый и жёлтый цвета сочетались так удачно, что тёща долго не могла отойти от образца на выставке. Готтхильф обрадовал старушку и подарил ей гарнитур на недавний день рождения. Сейчас тёща спала, и кошка Марта пригрелась у неё в ногах. Сам Готтхильф тоже почувствовал себя размягчённым и равнодушным. В окно он больше ни разу не взглянул...

А из подъезда Ютты Куртовны поспешно вышла полная высокая женщина с круто завитыми серебристыми волосами. У неё были багровые щёки и мясистая, выпяченная губа. Опираясь на палку, скрипя протезом и не обращая внимания на разрывающуюся от дикой боли культю, она добралась до синего инвалидного «Запорожца». Села за руль, немного прогрела мотор и дворами вывела его на улицу Карпинского. Оттуда — на Северный проспект, по которому и добралась до Гражданского.

Уже совсем рассвело. Молочно голубело небо, дул холодный ветер. Трава на пустырях клонилась к земле, а по лужам пробегала рябь. Но женщина, похоже, совершенно не чувствовала холода, хоть и была одета довольно легко — в цветастое шёлковое платье и итальянский летний плащ. На ногах сияли чёрные лакированные туфли, один из которых был

совершенно гладким, а другой сильно измялся. В таком виде дама просидела в «Запорожце», около дома тёщи Готтхильфа, почти всю ночь.

Сначала она долго наблюдала за слабо освещёнными окнами квартиры. Потом, на рассвете, поднявшись на пятый этаж, она сфотографировала гостей, выходявших из дверей Ютты Фюхтель. Ей удалось сделать это совершенно незаметно, несмотря на то, что оба мужчины явно были профессионалами. Но сейчас, после ночных бдений, им хотелось спать, как самым обычным людям. Кроме того, именно теперь они никак не ожидали такого развития событий.

Женщина выждала положенное время, потом спустилась вниз, во двор. «Девятку» Эссе и её номер Валентина Токовая запечатлела на плёнку ещё раньше. Она не знала, кто эти люди — высокий худой человек в очках с золочёной оправой, в коричневом макинтоше, и другой — белобрысый крепыш в кожаном пальто. Впрочем, от неё и не требовалось устанавливать личности гостей Обера. Свою задачу вдова Петра Токового выполнила на «отлично». Оставалось только вернуть связному аппарат вместе с плёнкой, чтобы уже другие люди сделали свои выводы...

Валентина закурила от металлической зажигалки сигарету «Кентон», зажав её ярко накрашенными губами. Потом раздавила «бычок» в

пепельнице, выбралась из «Запорожца» и проковыляла к таксофону. Острым наманикюренным пальцем она набрала номер и сказала только два слова: «Я здесь». Потом повесила трубку, вернулась к своей машине и стала ждать. Перед этим она дала задний ход, заводя машину за отцветающий куст черёмухи.

Через десять минут из подъезда вышел парень-инвалид в трёхцветном спортивном костюме и вьетнамках на босу ногу. При ходьбе он опирался сразу на две палки. Валентина знала, как его зовут, — Володя Рациборский. Подтянув своё вихляющееся тело к «Запорожцу», он наклонился к ветровому стеклу.

— Ну, чего? Есть?

Токовая схватила его за холодную вялую руку.

— Всё сделала! И номер машины там есть. Чей это может быть, интересно?

— Марка какая? Кто вёл её? — Еле заметный шрам над некогда рассеченной губой Рациборского запульсировал.

— «Жигули», чёрная «девятка». Два мужика всю ночь у Рыжего просидели. Свет горел в кухне. А в комнате быстро погас — видно, старуха спать легла.

Массивные золотые серьги качались в ушах Валентины. Шея её покрылась уже не багровыми, а

синюшными пятнами. Ей не хватало воздуха.

— Я глаз не отрывала от окон. Глядела и глядела...

— Да погоди с машиной, разберёмся потом! — Володя пытался сладить со своими непослушными ногами. — Мужиков-то сняла?

— А как же! Я ведь фотографом начинала. Гляди, они выходят из квартиры. А вот — сама машина...

Рациборский не утерпел и взял у Валентины фотографии прямо во дворе — они сразу же вылетали из аппарата. И тотчас же узнал обоих мужчин, а потом задохнулся — то от страха, то ли от радости. Его и самого искалечили за то, что заподозрили в предательстве, хотя ничего такого не было и в помине. Сейчас Володя смотрел то на неменяемую Валентину, то на подъезд, откуда недавно вышел. Улов был такой богатый, что он оторопел.

— Кто это, знаешь?

Валентина выхватила у него снимки. Потом посмотрела Володе в лицо налитыми кровью, густо накрашенными глазами.

— Не ушли бы... Бандюги, что ли, какие, здешние? По виду на паханов тянут. Только вот «тачка» слишком простая...

— Не бойся. Валь, эти не уйдут. Сейчас я остальных ребят вызову. — Рациборский указал

пальцем на Петренко. — Это — ментовской начальник, полковник из РУБОПа. А другой — гебист. Занимается там борьбой с наркомафией.

— Чего-о? — Валентине показалось, что Володька бредит. — Мент? Гебист? У Рыжего? Да он же...

— погоди, Валя. Сиди здесь, а я вызову ребят.

Рациборский вывалился из «Запорожца», болтая искривлёнными ногами. Но сейчас, окрылённый такой удачей, он не замечал неудобств. Воображал, как будет шокирован Рольник. Токовая про Феликса ничего не знала, и потому говорить по радиации прямо при ней Володя не мог. Кровь грохотала у него под черепом, и свет мутился в глазах. Налицо была измена человека, который ни в коем случае не мог изменить...

Расчёт Рольника оказался точным. Члены группы прикрытия, патрулирующей квартал, что прилегал к дому Ютты Фюхтель, проследили за синим инвалидным «Запорожцем». И, посоветовавшись, предположили, что двое калек никакой опасности не представляют. К тому же, «девятку» Эссе никто не преследовал, и она благополучно добралась до Приозерска, откуда потом выехала в Хийтола.

Феликс Рольник всегда говорил, что самое главное в его деле — знать психологию врага. В данном случае, жалостливое отношение

окружающих к пьяницам, калекам и нищим всегда выручают в, казалось бы, безнадёжных ситуациях. На запрос Эссе по радиации командир группы прикрытия ответил, что вокруг всё в порядке.

Володя, вихляясь на палках и подгибая ноги, добрался до своего закодированного подъезда, откуда и собирался по радиации поговорить с самим Рольником. Несчастный инвалид теперь зарабатывал для себя право хотя бы жить, не опасаясь новых мучений для себя и своей семьи. Привалившись к стене дома, он махнул рукой Валентине, которая напряжённо следила за ним из машины. Потом набрал код и, поставив палки за дверь, потянул следом своё тело.

В следующий миг две пары сильных рук схватили его под мышки. Третья пара, привычно воткнув в рот кляп, надела на голову то ли мешок, то ли капюшон. Палки не загрохотали — их тоже успели подхватить на лету. Несмотря на то, что серьёзного сопротивления четырём здоровенным мужикам убогий парень оказать не мог, они всё же сцепили ему ноги и ноги стальными колечками с цепочками посередине. Потом, открыв заднюю дверцу подъехавшего микроавтобуса, кинули пленника в салон. Рациборский был так потрясён случившимся, что не смог даже дёрнуть ногами. Тяжело дыша и чувствуя, как по лицу течёт холодный пот, и стараясь унять крупную дрожь,

подумал: «Обер! Заметил, сука...»

Перед тем, как микроавтобус рванулся с места, Володя не столько расслышал, сколько почувствовал, что рядом кто-то упал. Даже сквозь капюшон просочился аромат духов — знакомый до боли, до слёз. И Володя вспомнил, что так пахло в салоне «Запорожца» дорогими духами Валентины Токовой.

Несмотря на то, что Володя от рождения жил в Питере, сейчас не мог сообразить, куда их повезли. Дорога заняла довольно много времени, но могло случиться так, что пленников катали по кругу — чтобы сбить с толку. Фотографии, переданные Володе Валентиной, чьи-то руки бесцеремонно извлекли из кармана спортивной куртки. Ноги Рациборского уже были босые. Вьетнамки потерялись, когда его тащили из подъезда к микроавтобусу. Потом они нашлись под одним из сидений РАФа.

То ли действительно микроавтобус долго кружил по городу, то ли Рациборский уже потерял счёт минутам и часам. Когда РАФ, наконец, затормозил, пленникам показалось, что они были в пути не менее полусуток. И вот, наконец, эта мука кончилась. Чем — уже всё равно. Лучше смерть, чем эта жуткая неизвестность. Володя Филиппа Готтхильфа почти не знал. Но Валентина, кусая кляп золотыми зубами и пытаясь вытащить из-под

бедра протез, готовилась к худшему. Признаться, на такой исход она не рассчитывала — надеялась на удачу.

Припасённую ампулу с цианистым калием, на которую она так уповала, ловко выдавили изо рта сразу же, как только схватили её в «Запорожце». Получается, знали, что Валя её всегда там носит. А из этого следует, что похищение организовал человек, знакомый с привычками вдовы Токового. Значит, человек этот знал её в Казахстане. В Питере Валентина была не известна, и здешней «малине» её особенности были до фени.

Токовая не сомневалась, что попала в лапы к Рыжему или его двоюродному брату. Впрочем, Филипп и Тим всегда действовали вместе. Других «казахов», то её сведениям, в городе не было — по крайней мере, знакомых её или мужа. Случилось самое страшное — не она выследила Рыжего, а он — её. Выпустив Рациборского из машины во дворе на Гражданке, Валентина не успела даже захлопнуть дверцу. Едва парень скрылся за дверью подъезда, сзади что-то громыкнуло. Токовая даже не успела понять, что это, потому что руки в перчатках почти свернули ей шею и нахлобучили на голову капюшон. Как человек бывалый, Валентина поняла, что сопротивляться бесполезно.

Сначала из «рафика», остановившегося в просторном, почти пустом гараже, где около стен

стояли лишь корыта с раствором, вытащили изнемогающую, совершенно мокрую Валентину в прилипшем к телу платье. Её усадили на автомобильную крышу и только тогда сдёрнули с головы капюшон. Потом рывком, чуть ли не вместе с зубами, выдернули кляп. Токовая сплюнула на пол и попробовала плечом вытереть лоб.

Стоящий сзади человек протянул смуглую волосатую руку с вафельным полотенцем и вытер пленнице всё лицо. На безымянном пальце этой руки был надет громадный перстень из чистого золота, а на запястье — престижные часы «Омега». Тут же щёлкнул фотоаппарат, полыхнула вспышка — теперь снимали Токовую. Она же, глотая выползающую изо рта слюну, осматривала гараж — почти не освещённый, с тусклой лампочкой под потолком. Вспышка погасла, и стало ещё темнее.

В помещении, замороженном, будто холодильник, было много людей; но разглядеть их Валентина не могла. Тени мелькали то в одном, то в другом углу. Люди эти переговаривались, но не по-русски и не по-немецки; и потому разобраться в ситуации было очень сложно. Валентина перевела взгляд на белое, словно обсыпанное мелом лицо калеки Рацборского, которого тоже сфотографировали.

Валентина по-матерински пожалела парня,

глядя на прилипшие к его мокрому лбу пряди чёрных волос и посиневшие от недостатка воздуха, раздутые губы. Володя вертел головой, со свистом дыша, но ничего не говорил. Молчала и Токовая, потому что знала — похитители должны заговорить первыми. Смуглые молодые люди, со смоляной щетиной на щеках, в спортивных костюмах самых разных цветов, с золотыми цепями на шеях и такими же перстнями на пальцах, неслышно прохаживались взад-вперёд около широких ворот и явно кого-то ждали.

Гробовое молчание повисло в воздухе. Впрочем, ужас на лицах похищенных не трогал сердца стражников, многие из которых поблёскивали ещё и дорогими кожаными куртками. Руки пленникам они не освобождали, равно как и ноги. Валентина и Володя сидели на крышках. И между ними оставалось расстояние метров в пять. Сколько сейчас времени, Токовая не знала, хотя рука с часами только что была у её лица. Впрочем, это было уже не важно...

Внезапно пленники вздрогнули, как от удара бича. Гараж осветился ярчайшим белым сиянием, словно вспыхнул разом весь потолок. Только сейчас они рассмотрели каждый уголок бункера. Ни Готтхильфа, ни его двоюродного брата здесь не было. Они стали заложниками кавказской группировки, потому что все собравшиеся вокруг

были не местными. Публика, одетая частью в спортивные костюмы с кожанками, частью — в дорогие пары и тройки, переговаривалась так тихо, что слышалось жужжание одинокой мухи под потолком. Она, растерявшись от пронзительного света, носилась в пустом гулком пространстве.

Захваченным показалось, что именно сейчас они и расстанутся с жизнью. И, кстати, даже обрадовались этому — лишь бы поскорее всё закончилось. Валентина Пантелеевна хотела закрыть лицо руками от света, но не могла этого сделать. А глаза, против воли, приоткрывались, и приходилось смотреть на равнодушные лица людей, готовых в любой момент стать их палачами. Токовая видела слёзы в глазах Рациборского и чувствовала, что плачет сама.

Вдруг все, кто был в гараже, быстро пошли к воротам и встали около них. Створки бесшумно открылись. Валентина вытянула шею, Володя окаменел. Оба они зачарованно смотрели на въезжающий в гараж белый «Феррари-Тестаросса». Фары фешенебельного лимузина погасли сразу же после того, как ворота закрылись за ним. У Валентины пересохло во рту. Понимая, что это невысказанно, она готовилась сейчас увидеть Готтхильфа.

Но потом она подумала, что перед Рыжим кавказцы никогда не будут так стелиться. Значит,

вышла ошибка, и сейчас всё разъяснится. Ведь они с Рациборским следили за Рыжим-Обером, и в дела горцев не думали вмешиваться. Их явно с кем-то перепутали. Токовая перевела дух и села прямо. Володя же, как ни старался, всё время сползал с покрышки.

Двое юношей с приветствием открыли дверцу лимузина. Пленники сразу же увидели сидевшую там девушку-славянку. Валентина даже засмотрелась на это дивно-красивое создание с голубыми глазами и золотыми волосами, уложенными короной на голове. Девушка была одета в платье из чёрного гипюра с пышной укороченной юбкой, из-под которой виднелись нежно-розовые округлые колени. Через обнажённое плечико юной красавицы было перекинута страусовое боа, а в ушах сверкали бриллианты.

Ослепнув от такой роскоши, пленники на минуту забыли, где находятся. Незнакомка, в свою очередь, вздрогнула, увидев грязных калек в изодранной одежде. Но из лимузина девушка не вышла; напротив, дверцы захлопнулись, и на окна упали серебристые шторы. То, что здесь должно было произойти, красавице видеть не полагалось.

Переключив внимание на спутницу того, кого здесь ждали, Валентина не заметила, как он оказался напротив. Женщина повернула голову и сильно вздрогнула, поняв, что с их похищением не

ошиблись.

Но это был не Рыжий...

Токовая узнала его сразу. И одновременно удивилась, как человек может измениться за двадцать три года. Вернее, изменилось только лицо, а всё остальное, в том числе и манера одеваться, осталась прежней. Руслан Эфендиев и тогда. В Казахстане, носил костюмы по последнему крику моды. Сейчас же он превзошёл сам себя — был в шёлковом белом плаще, двубортном, горчичного цвета, костюме от Диора и туфлях из кожи страуса фирмы «А.Тестони». Сумочку из змеиной кожи Валентина успела заметить в тиснутых на груди руках прекрасной дамы.

Эфендиев что-то сказал своим, и те сразу исчезли из гаража, словно растворились в воздухе. Рядом с Русланом остались двое — плотный, с квадратным подбородком, мужчина лет сорока и похожий на него паренёк, вдвое моложе. Два охранника присели на покрышки, не выпуская своего шефа из поля зрения. Свои «узи» они и не пытались скрывать, хотя нужды в таком серьёзном оружии сейчас явно не было.

— Доброе утро, друзья мои, — спокойно, даже монотонно, без малейшего акцента, произнёс Эфендиев, набивая маленькую прямую трубку.

Он внимательно посмотрел на Володю. Затем

— на человека с квадратным подбородком, и тот опустил веки. Руслан, кивнув, заговорил теперь только с Валентиной. Та почувствовала, что её язык намертво прилип к гортани. Да, он всё тот же, невысокий и ладный. На густых чёрных волосах — молодёжная стрижка, и седины почти нет — в пятьдесят-то лет! Но лицо, Боже ты мой...

Эфендиев угадал мысли Валентины и тронул кончиками пальцев страшный шрам на левой щеке. Кожа на этом месте была словно собрана в гармошку.

— Вижу, что ты меня узнала. Да, твой муж, Валя, не сумел довести дело до конца. Как видишь, меня можно узнать — даже сейчас. Да и тебе тогда пришлось срочно бежать в Алма-Ату, прервав такое увлекательное зрелище. Там тебя потом разыскали и немного укоротили. Но кое-чего Пётр добился, верно?

— Значит, ты жив... — хрипло произнесла Валентина. — Вот уж не подумала бы. От тебя же отбивная тогда осталась. Как только выкарабкался, не пойму. И, значит, тоже здесь осел?

Валентина вдруг ощутила, что наручники впились в распухшие запястья. И болит не только культия под протезом, но и другие, доселе здоровые члены. Ноет, кричит криком каждая жилка, каждая косточка, предчувствуя скорый конец. Руслан Элдарович Эфендиев был беспощаден к врагам.

— Но Пётр погиб, это ты знаешь? Его утопил в дерьме твой Рыжий. Я за мужа не ответчица.

— Ну, тут ты не права, Валентина! — спокойно возразил Эфендиев.

Он слегка улыбнулся, и от этого его лицо стало ещё более жутким.

— Члены семей за отцов отвечают без срока давности. Если бы мне хоть память отшибло! Так нет, я помню, как вы с мужем совещались. Не знали, какую казнь для меня выбрать. Но ты стояла за то, чтобы помучить меня подольше. Как сейчас слышу твой голос: «Мне просто хочется посмотреть, как быстро кони истопчут этого джигита до лепёшки!» А Пётр почему-то торопился, и правильно делал. Пристрелил бы меня тогда — и не было бы сегодняшней нашей встречи. А вы потеряли время. Думали, что некому меня выручать...

Руслан Элдарович пососал трубку, глядя на Валентину своими шоколадными глазами. Коричневые длинные ресницы показались ей серебристыми — так ярко светили лампы на потолке.

— А коням вашим трудно было наступать на меня. Они начали упираться, вставать на дыбы и храпеть. Ты велела оттащить меня в маленький загон, а коней бить бичами до бешенства. Чтобы они в замкнутом пространстве крушили всё,

обезумев от боли. Но зря вы поручили казнь лошадям — люди с этим делом справляются куда лучше. Хотя, не скрою, лечиться мне пришлось долго. Так, теперь перейдём от прошлого к делам насущным, — сменил тему Руслан Элдарович. — Конечно, воспоминания о молодости всегда приятны, даже если они такие, как у меня. Я полюбил тот край, куда был выслан в младенчестве на верную смерть. И ты его любишь, Валя. Теперь уже можно сказать, что там прошли твои лучшие годы. Свадьба с Петром, рождение сына...

— Он погиб здесь, в Питере, — перебила Токовая, уже оправившись от первого потрясения. — Твои-то дети, видать, живы, так что нечего сердце материнское полосовать.

Эфендиев вздохнул, и ароматный дымок облачком вылетел из его губ, стянутых множеством мелких шрамов. Володя жадно прислушивался к разговору, утешая себя тем, что к нему все эти разборки не имеют никакого отношения. Он пострадал только потому, что сидел у Вали в машине. Когда босс поймёт, что сам Володя в Казахстане сроду не был и никакого отношения тем делам не имеет, то может его и отпустить. Пленников привезли сюда в колпаках, и дорогу они всё равно не запомнили.

— А тебя его гибель ничему не научила, как я понял. Зачем опять сюда пожаловала? Ведь жила,

вроде, хорошо. Казахстанская «малина» тебе из общака приличную пенсию платила. Да и на протезе трудно совершать такие дальние путешествия. Что тебе здесь потребовалось?

Эфендиев смотрел Токовой прямо в глаза. Та сжала губы, и лицо её снова стало покрываться синеватыми пятнами, похожими на трупные.

— Хоть бы руки мне расковал! Руслан, нешто бабу боишься безногую? Что я тебе сделать-то могу здесь?

— Ты же знаешь, что я вообще ничего не боюсь. = Эфендиев, в отличие от Валентины с Володей, не истратил ни одной нервной клетки. — Но твой Пётр держал моих людей в норах, причём в куда более неудобном положении. Так ты скажи, что делала ночью на Гражданке? Ты же города не знаешь. Значит, тебя туда привезли. Кто?

— Руслан, мне всё равно уже умирать. Хочешь за Петра мстить — мсти. — Мясистая, с остатками помады её губа задрожала. — Потешься, погляди на мои муки. Мне убогой жить не хочется. И незачем мне жить — сына не воротишь, мужа — тоже. Терять мне нечего...

— Да и без тебя узнаю. — Эфендиев посмотрел на Володю. Тот выпрямился, насколько позволяла покалеченная спина. — Молодой человек, вы, вероятно, с Валентиной недавно познакомились? Не затруднит вас вспомнить, когда

именно?

— Десять дней назад, — тут же ответил Володя, глотая слюну.

Вот ведь как бывает — все трое оказались жертвами неумолимых обстоятельств! Раньше этот кавказец, видимо, был недурен собой. От прежней роскоши остались лишь глаза цвета соевого шоколада и чёрные густые волосы.

— Хорошо. — Эфендиев снова переглянулся со старшим охранником. — Я вижу, что вы искренни. Будьте таким же и впредь. Ахмед знает о вас всё, что нужно. Контрразведка у меня не дремлет. Я тотчас же получил донесение, что «Запорожец» синего цвета, с ручным управлением постоянно болтается во дворе того дома, где живут мои люди. Само собой, решил разобраться.

Руслан протянул руку, и молодой охранник вложил туда фотографии — те, что сделала Валентина. Он долго смотрел на Петренко и Эссе, идущих по лестнице, потом взглянул на изображение автомобиля, на его номерной знак. Ничего не понял и пожал плечами, раскуривая погасшую было трубку.

— Этих людей я знаю, — заметил Эфендиев. — Для чего они тебе потребовались, Валентина? К тебе никакого отношения никогда не имели...

— Руслан, ты вон цыплёнка пугай! Он хоть и

урод, а жить хочет. — Токовая обливалась потом и едва не стонала от боли. — Думаешь, я всегда сладко жила? Нет, и на чёрной корке сидеть приходилось. Знала, что может лихо прийти, и готовилась.

— Как вас звать? — спросил Эфендиев у Рациборского. Тот немедленно ответил. — Вы чей? Не забывайте, что ответ я перепроверю.

— Феликса Рольника, — быстро сказал Володя.

— А Валентина к Рольнику имеет отношение? Не бойтесь, отвечайте, — мягко попросил Эфендиев, снова разглядывая снимки.

Володя подался к нему, почувствовав надежду на спасение:

— Она его и не знает.

— А кто вас познакомил?

— Рольник мне дал адрес и приказал с тёткой работать. Вот и наработали... На что я ещё-то гожусь? Пострадал на ниве бизнеса. Отметелили меня круто, и теперь...

— А вы знаете, для чего Рольнику были нужны фотографии этих людей? Бессмысленно же, согласитесь. Он их и так знает в лицо, и те особенно не скрываются. Номер машины почему-то заснят... Чем вы это объясните? Вас интересовал Эссе или Петренко?

— Рольник мне сказал, что Валентина будет

дом на Руставели пасти по ночам. Следить, кто будет туда приезжать, — несмело начал Володя.

Валентина ахнула:

— Ну-у, ублюдок! Для чего ты жить-то хочешь? Ведь глядеть на тебя муторно. Так ему поганая жизнь дорога, что своих, сука, сдаёт!..

— Одну минуту! — Эфендиев отдал фотографии Ахмеду. — Аппарат мы у вас изъяли. Снимки совсем свежие. Значит, эти люди ночью приезжали в дом на улице Руставели? Ну, приезжали и приезжали. По поводу чего трамтарарам, в чём криминал? Володя! — Эфендиев выглядел добродушным, и его улыбка уже не казалась Рациборскому пугающей. — Не слушайте вы эту падаль — ей всё равно недолго осталась. У нас с ней давние проблемы, а вы можете остаться в живых. Я же не мент, не гебист, а ваш коллега. Просто я хочу быть уверен в том, что Феликс не угрожает мне и моим людям. А вы должны помочь мне в этом. Будете вилять — и у меня появятся подозрения относительно Рольника. Таким образом, вы подставите под удар и себя, и шефа, и всю вашу группировку. Мы ведь щепетильно относимся к возможным козням и не прощаем измены. Зачем Рольнику потребовалось следить за этим двором? Я по глазам вижу, что вы знаете. И не заставляйте меня ждать. Времени мало, к тому же я устал. Итак?...

— К вам это отношения не имеет, — поспешно сказал Володя. Он мечтал лишь о том, чтобы с него сняли наручники. — У Феликса есть подозрение, что Обер сотрудничает с ментами.

— Филипп? С ментами? Очень интересно! И это — вещественное доказательство того, что он действительно сотрудничает? — Эфендиев зачем-то оглянулся на свою машину. — Разве Готтхильф живёт на Руставели? Володя, не тяните. Меня ждёт дама, и я перед ней выгляжу хамом.

— Там тёща его живёт. Валентина неделю никого не видела, а вот сегодня ночью эти двое к нему приехали. Часа три просидели, а то и больше. Чем угодно поклянусь — за Обером слезка была, а не за вашими...

— Не может такого быть, Володя. Обер — слишком заслуженный и богатый человек. Рольник малость сдвинулся, но это можно вылечить. — Руслан Элдарович посмотрел на часы. — Вы никому не сообщили о том, что видели? Вернее, что видела Валентина?

— Нет-нет, не успел. Хотел связаться с шефом из парадного.

— Дай мне снимки, Увайс.

Руслан взял фотографии из рук того, что был помоложе, достал коробок спичек, вынул одну, чиркнул и поджёт карточки. Бумага горела плохо, обжигала Эфендиеву пальцы, но он, казалось,

ничего не замечал.

— Плёнка тоже будет уничтожена. Считайте, что на Гражданке ничего не было.

— Да, да! — Володя старался не смотреть на Валентину.

Эфендиев схватил полы плаща потайной застёжкой: реглановые рукава его надулись и опали.

— Валентина хотела отомстить Филиппу за мужа, который был убит из-за меня. Лично у Филиппа Готтхильфа с Петром Токовым никаких проблем не было. Но вдова переоценила свои силы, и теперь умрёт. Что бы они сейчас ни говорила, Обер, он же Рыжий, навсегда останется честным перед своими друзьями и коллегами. Никакими наветами, дикими и глупыми, ты ему повредить не сможешь. Зачем сгубила сына, зачем поехала сюда сама? Володя, Феликс Рольник эту муть слышал от неё? — Эфендиев указал чубуком трубки на Валентину.

— Да нет же, нет! Они никогда не встречались! — горячо заверил Рациборский.

— А от кого тогда? — по-отечески мягко спросил Руслан Элдарович.

— Из зоны откинулся Витёк Аленицын, бывший охранник Веталя Холодаева. Он сказал Рольнику, что имеет тому доказательства. Какие, я не знаю. Но они есть — это точно. Он говорил, что

три года назад Обер будто бы сдал Веталю ментам в ресторане. Я сначала не верил. Но вот когда увидел фотки... Не может быть, что мент и гебист по ночам к невинному ездят! На тётчиной квартире тайком встречались... Но никому ничего не скажу, поверьте! Ни за что! Хотите, матерью поклянусь?

— Верю, что вы никому ничего не скажете. — Руслан, задумавшись о чём-то, сделал шаг к машине. Потом поднял глаза = спокойные и ясные, как зеркало. — Я мог бы распорядиться насчёт вас по-чеченски, но не стану это делать. Вы должны всё понимать, правильно? Мои люди, конечно, всё похоронят в своих сердцах. Что же касается вас...

Эфендиев снова оглядел своих пленников. Валентина смотрела на него бешеными глазами. Володя снова вспотел, потому что понял — живыми их отсюда не выпустят. И конкретно его — тоже.

— Филипп дважды спасал мне жизнь. Первый раз, когда я был ранен и едва чуть не скончался от заражения крови. Второй — когда Пётр Токовой приказал затопать меня конями. Оба случая имели место в Казахстане. Более того, Филипп лично отомстил за меня, так как не терпел вероломства. Я ведь поехал на встречу с Петром Анисимовичем даже без оружия. Он гарантировал мою безопасность, а сам едва не уничтожил меня. И смерть его в выгребной яме, среди нечистот, была

заслуженной. На Коране и хлебе я поклялся Готтхильфу в вечной дружбе. И сейчас перестал бы себя уважать, если бы позволил расправиться с ним кому-то другому. А потому вы оба теперь никому ничего не расскажете, — тихо, глядя между головами своих пленников, сказал Эфендиев. Лицо его выражало одну лишь сонную скуку. — Вон, видите, глубине моего гаража имеется стена, которую ребята кощунственно называют Кремлёвской. Поверните их! — велел Руслан Элдарович охранникам.

Те моментально схватила Валентину с Володей и повернули лицами в указанную сторону. Три ниши в кирпичной стене уже были заделаны, а ещё пять зияли узкими провалами. Кирпичи горкой лежали рядом, и там же стояло корыто с раствором.

— Впрочем, Володя, я своё обещание помню...

Эфендиев открыто, приветливо смотрел на искажённое ужасом лицо Рациборского. Валентина, скрипя зубами, исподлобья глядела на стену.

— Обязательно поощрю вас за искренность. Действительно, в вашем состоянии жизнь — не радость, а мучение. Я же избавлю вас от боли, стыда и страха. Перед тем, как вы будете стоя замурованы в нишу, вам выстрелят в затылок. Смерть мгновенная, лёгкая. И, чего греха таить, желанная для многих. Ваши вещи будут

замурованы вместе с вами. Бетон и кирпич, вещества молчаливые. За них я ручаюсь.

Эфендиев перевёл взгляд на Токовую, которая до крови закусил губу. Серое лицо её змеилось морщинами, а Руслан вспоминал ещё молодую женщину — во французских туфлях, с двумя ногами, запелёнатую в платье «под рыбу чешую». Туфли запомнились лучше всего, потому что сам он тогда лежал на земле и рассматривал тонкие, острые каблочки. Оба супруга были уверены в том, что жить Эфендиеву остаётся от силы несколько минут...

— А вот тебе я такого подарка не сделаю, Валентина. Некоторое время ты ещё будешь иметь возможность покаяться в собственной глупости. Тебя великодушно простили и не преследовали. Ты сама вынудила меня произвести оплату старых счетов. Думаю, Филипп поступил бы точно так же. Да, Валентина, машина твоя не пропадёт. Я верну её туда, откуда взял. Там ничего найти не удалось. — Эфендиев в последний раз взглянул на окаменевших пленников. Потом кивнул им: — Прощайте!

— До скорого свидания! — прошипела Валентина.

— Это ещё как сказать... — тем же ровным голосом ответил Руслан Элдарович.

Круто повернувшись, он пошёл к

«Феррари-Тестаросса». Один из охранников распахнул перед боссом дверцу. И снова, будто предсмертная грёза, возникла в устеленном коврами салоне прекрасная юная дева в чёрном платье, усыпанном жемчугом. Теперь обречённые на смерть увидела слёзы в её голубых глазах, и стройную ногу, обутую в туфлю на тонкой шпильке. Туфелька была из чёрной замши, украшенная разноцветными стразами.

Увидев Эфендиева, она сказала ему что-то своим нежным, звонким голоском. Руслан Элдарович, криво, но ласково усмехнувшись, ответил ей и сел рядом, на покрытый персидским ковром задний диван. И эти слова были последними, которые слышали Валентина Токовая и Владимир Рациборский на этой земле.

— Всё, порядок. Прости, что заставил ждать. Поехали домой, Люся...

Глава 3

Дмитрий Стеличек, в шведском белом смокинге и с «бабочкой» цвета сливочного мороженого на манишке, мягко ступая по коврам ручной работы, пересёк залу казино в обществе Папы Выборгского. Тот не поленился перед встречей с молодым другом надеть фрак и остроносые лакированные штиблеты.

Хрустально-золотые люстры громоздились наверху, словно айсберги. Дмитрий, глядя снизу на их длинные подвески, чувствовал лёгкое головокружение. Подвески сверкали так, что резало глаза. Правда, потом он увидел, что дамы, сопровождающие игроков в этом заведении, унижены точно такими же яркими побрякушками.

За непринуждённой беседой с директором казино Стеличек дождался Папу. Тот подогнал свой шестиметровый «Cadillac-Fleetwood» к самым дверям. Около переливающейся стойки бара Дмитрий и Папа Выборгский пожали друг другу руки. А на них, ослепительно улыбаясь, смотрели вышколенные голоплечие девочки, обёрнутые тёмным бархатом, и охранники в чёрных костюмах. Последние больше всего напоминали кадровых дипломатов.

Под неусыпным надзором Папиной охраны и телекамер Стеличек прогуливался со своим старшим товарищем едва ли не под ручку. Передвигаясь по всему казино, они страховались от непредвиденного прослушивания секретной беседы. Высокий, стройный Дмитрий и пожилой, толстый, как тюлень, Папа шептались около рулетки и игровых автоматов, снисходительно смотрели на молодёжь, безжалостно обираемую «однорукими бандитами».

Потом они понаблюдали за игрой в рулетку и

спустились по широченной лестнице в нижний зал. Там тоже сияли люстры, и бушевало целое море света. Так и не сделав ни одной ставки, Стеличек и Папа исчезли за тяжёлыми бархатными портьерами. Серьёзный разговор, заставивший их встретиться в казино, среди несметного числа двухметровых охранников, к этому не располагал. Папа убедился, что все игроки прошли тщательную проверку на металлоискателе, и только после этого пригласил сюда Митяню, племянника давнего своего кореша Веталия Холодаева.

Потом они выпили по двойной порции виски, и Стеличек присел в глубокое кожаное кресло, как всегда, любуясь белой ночью за окном. Ему надоело болтаться по лестницам и хотелось в спокойной обстановке выслушать мнение Папы Выборгского, а после изложить ему своё собственное.

Совершенно безобидный с виду, страдающий одышкой Папа из-под седенькой чёлочки взглянул на Митю. Потом он надушенным платочком вытер капли пота со своего вислого и в то же время толстого носа. Из-за полуприкрытой двери доносилась тихая музыка, лился жемчужный свет, очень похожий на другой, природный, который бывал здесь только в сезон белых ночей.

— Значит, два человека у тебя пропали? — высоковатым, уже стариковским голосом спросил

Папа Выборгский и срезал кончик с гаванской сигары.

Ножичек он с трудом удерживал в пухлых, волосатых пальцах. Дмитрий отпил ещё и лимонного сока. К утру его начинало подташнивать, как всегда случалось от волнения.

— Это не мои люди, — пожал плечами Стеличек. — Парень — из компании Феликса, по фамилии Рациборский. Бывший брокер с валютной биржи. По подозрению в связях с ментовкой был допрошен и искалечен по полной инвалидности. Феликс говорил, что всегда безопаснее посылать на дело уроды. Никто никогда не подумает, что такой может осуществлять наружное наблюдение.

— А. выходит, подумали? — Папа сцепил руки на пухлом животе и вытянул вперёд толстые ноги.

Стеличек неопределённо покачал головой, и свет отразился от его набриолиненных волос.

— Получается, что Рациборский вызвал подозрение. А тогда он оказался не виноват. Засланного казачка потом раскрыли, но здоровье парню вернуть не смогли. По моим сведениям, ни его, ни Валентины Токовой уже нет в живых, — уверенно сказал Митя.

— Откуда эти сведения? — насторожился Папа.

— Их фотографии были показаны

экстрасенсу, заслуживающему доверия. Он сразу сказал, что оба мертвы, — шёпотом сообщил Стеличек.

Папа Выборгский поднял брови.

— Вот как? Да, а кто это — Валентина Токовая? Я слышал, что она без ноги. Опять фантазии Феликса? Я вижу, он скоро наймёт батальон инвалидов...

— Да там и здоровых бы замели!

Дмитрий повторил сведения о семействе Токовых, сообщённые ему Рольником. Потом он расслабился и закрыл глаза, давая Папе возможность всё осмыслить.

Во время рассказа Папа несколько раз поднимал манжету и смотрел на свои часы «Corum» — круглые, кварцевые, с бриллиантами, на золотом браслете. Митя тоже раза два показал свои синие, прямоугольные, тоже очень дорогие «котлы».

— Между прочим, мои наблюдатели были в той квартире, на «Академке», — сообщил Стеличек. — Володя как раз выходил из Валиной машины. Через пять минут они снова появились там, ни «Запорожца», ни Валентины с Володей уже не было и в помине. И никто ничего не видел, кстати. Я велел двум своим пацанам надеть ментовскую форму и расспросить местных жителей, ссылаясь на якобы совершенное в тех краях преступление. Так ни одна бабка, представьте

себе, ничего не заметила. Правда, и час ранний был, так ведь эти перечницы могут круглосуточно в окна пялиться...

— Это точно не РУБОП, Митяня? — ласково спросил Папа.

Стеличек с сомнением покачал головой:

— Там бы их так быстро не кончили.

— А твой медиум не может конкретно сказать, чьих рук это дело? Например, не сам ли Обер?

Папа побарабанил сцепленными на животе пальцами по своей жилетке, потом достал сигару — кофейного цвета. С золотым ободком.

— Его же могла эта баба насторожить, тем более что они давно знакомы. Фелек всё же молодой ещё. Таких вещей делать не рекомендуется.

Папа щелчком сбросил со своей щёки невесть как залетевшего сюда комара.

— Экстрасенс не может сказать, кто. Там, говорит, было очень темно. Смерть молодого человека, по его словам, была лёгкой. А вот у женщины — страшной. Кроме того, экстрасенс сказал странную фразу: «Они *стоят* в могилах». Но больше ничего, к сожалению, сообщить не смог.

— И этого хватит. Невероятно!

Папа не мог спокойно курить. Его полное, бугристое лицо со щёточкой усов над верхней

губой перекошилось от злости.

— Плохо вы сделали, что не посоветовались сначала со мной! Ведь теперь Обер знает о слезке. Знает, и может сорвать мне всё дело... Кстати, что у нас здесь делает Озирский? Я слышал, что он оставил службу, но до конца в это не верю. С чего бы?

— Я хочу сейчас навестить Андрея, — невозмутимо сказал Стеличек. — Поскольку он сорвать не может, то честно ответит, угрожает ли его пребывание здесь или нет. Не беспокойтесь — Озирис представляет сейчас небольшую опасность. Я беру его на себя.

— Если Озирский станет с тобой разговаривать, отлично.

Папа смотрел на бронзовую лампу, заливавшую его кабинет ровным, нежно-малиновым светом. Потом снова пососал сигару и повёл плечами так, словно сильно замёрз.

— Но насчёт тех двоих мне всё же надо знать — Обер их сделал или нет?

— А кто же ещё? — Стеличек рассматривал свои ухоженные руки. Потом поправил манжеты, запонки, тронул пальцами «бабочку», — но, с другой стороны, он не выходил из дома. Приехал к теще ранним вечером, а вышел к машине уже на следующий день, днём. За подъездом велась постоянная слезка, в том числе и в то время, когда

пропали Токовая и Рациборский. Филипп Адольфович курил на балконе, потом уходил в комнату. Значит, похищение осуществил кто-то другой — по его приказу. Валентину он вполне мог заметить из окна. Она, правда, сильно изменилась, но у Обера глаз — алмаз...

— А Крафт? — быстро спросил Папа. — Кузен его ненаглядный?

— Я проверил — Тим Крафт последние несколько дней не выезжал из Песочного, и в то утро тоже. Конечно, это не исключает, что братья были на связи и руководили своими пацанами. Но это — только мои предположения...

— Самое главное, что парочка могла там расколоться и всё рассказать. Теперь Обер знает о тебе, и о Рольнике.

Папа Выборгский погладил свою грудь под белоснежным атласным жилетом. Стелечек неопределённо усмехнулся.

— Будем уж исходить из того, что ему всё известно. Людей и искать нечего. Этот волчара спрячет трупы так, что ни один колдун не найдёт. Теперь надо думать, как словить его на горячем. Конечно, если немец действительно ссучился...

Папа Выборгский пожевал сигару, потом вынул её изо рта и положил на край пепельницы.

— Раз сумел выследить Токовую, которую сто лет не видел, все остальные ему и подавно по

зубам. А у меня сейчас одна забота — всё для Кемпа подготовить. Слышал, наверное, о его скором прибытии?

— Да, Феликс передал мне...

Папа остановил Стеличека взмахом пухлой ладони:

— Так вот, он дорого покупает у меня тутошнее «подземное царство». Не поверишь — за триллион «зелёных»!

— Триллион?! — Мите показалось, что лампа мигнула, и пол под его креслом качнулся.

— Не наличными, конечно. Столько стоят по совокупности все акции зарубежных и российских предприятий, вся прочая собственность — здесь и за рубежом. Ну, конечно, и на счёт кое-что поступит — не без этого. Но очень многим людям на этой земле нужно иметь доступ в подземное сооружение, строительство которого ещё до войны начали финны. А заканчивал уже я, поэтому имею право распоряжаться этим объектом. Слишком накладно в одиночку его содержать. Ну, оружие можно спрятать. Людей, которым надо на время скрыться. Для этого сойдёт и один отсек в «хвосте», а всё остальное... Вон, из Колумбии тонна кокаина пришла — мы её туда поместили. Анашу, марихуану, гашиш — тоже туда. Кемп хочет сделать тут свою главную базу в Европе, а площади под землёй у меня достаточно. Здесь Кемпа будет

не взять — это я гарантирую. И маскировка идеальная — сам потом увидишь. А мне на покой пора — большего уже не добиться. Теперь средства есть, так что можно отойти от дел. Недалеко, конечно, — усмехнулся толстяк. — В стоимость подземного города входит и вся высококвалифицированная обслуга. Кемпу нужны проходящие под землёй трассы ещё и для того, чтобы без помех ездить за границу и обратно. Здесь для него безопаснее всего. Если уж совсем прижмёт, через свой личный автобан он всегда уйдёт. Земля поглотит всё — и товар, и деньги, и людей, и его самого. Кемп побывал у меня три месяца назад и сказал, что лучшего подземного сооружения не встречал нигде в мире. И не встретит, надеюсь. Вероятно, в органах уже знают о скором прибытии нового хозяина... — Папа озадаченного Дмитрия по руке и рассмеялся. — Эссе из Управления по борьбе с контрабандой и коррупцией, ранее занимавшийся на Литейном наркотиками, вылетел сегодня в Москву. По моим сведениям, вскоре здесь появится Майкл Саймон. Он из ДЕА — американского управления по борьбе с «дурью». Правда, ныне он представляет Интерпол, и очень хочет встретиться здесь с Кемпом. Тот об этом знает, но терять лакомый кусок не хочет. Какой тут триллион — ему цены нет! Одни подземные коммуникации чего стоят...

Григорий, сражаясь за питерский рынок, из «подземки» возьмёт под контроль весь регион. Ни одна муха не пролетит в его хоромы, гарантирую! — Папа торжественно поднял указательный палец. — В этом случае Готтхильф по всем статьям проиграет ему. Подземных коммуникаций у него точно нет. Кемп спрашивал меня, как можно убрать Обера, чтобы не вертелся под ногами. Самому заняться, или мы поможем? До приезда Кемпа надо этот вопрос решить.

— Ну, и?... — Стеличек подался вперёд.

— Я, Митяня, тогда не знал, что немец на органы работает. Сказал, что потом решим. Кто владеет «подземкой», тот, считай, держит и город, и область. А, в дальнейшем, и всю Россию — ведь более удобных путей для товарообмена просто нигде нет. А от Обера я бы вовек не заимел столько, сколько даёт Кемп со товарищи. Избавиться от Готтхильфа, обвинив его в измене, будет легче, чем если бы измены не было. Но пока следует только наблюдать за ним. Это — тоже искусство, как ты убедился. И я хочу, чтобы наши жертвы не множились...

Папа Выборгский тяжело поднялся и зевнул, прикрыв рот платком. Дмитрий тоже встал.

— Мои люди к вашим услугам, и Кемпу мы поможем. Я им плачу хорошо, но не против того, чтобы они подработали и у вас.

— Мить, ты подумай! — Папа покрутил позолоченную пуговицу на своём пиджаке. — Там ведь, под землей, склады, холодильные установки, жилые помещения. Артезианские скважины — значит, своя вода. Продукты, оружие, боеприпасы, средства защиты, транспорт, горючее, одежда и обувь на все сезоны. Прожить там можно очень долго, не выходя на поверхность. Даже электростанция собственная имеется, так что света достаточно. Вентиляция по последнему слову техники. Кодированные двери, сигнализация. Более надёжного убежища в природе не существует. Там — тотальный контроль за всеми, понимаешь? Так что хочу это чудо в хорошие руки пристроить. Думал, самому пригодится, но ошибся. Вернее, масштабы неверно рассчитал...

Папа положил руку на плечо Стеличека и так грустно улыбнулся, что слёзы защипали глаза его молодого друга.

— У моей «подземки», надеюсь, большое будущее. Я сначала не хотел говорить, но потом передумал. Ты должен знать, для чего даёшь своих людей на такое рискованное дело, как слежка за Обером. В «подземке» имеются надёжные свинцовые контейнеры для хранения радиоактивных изотопов. Сейчас органы вышли на ребят из Свердловска-45. Те попросились ко мне, вернее, уже к Кемпу. Он справится лучше. И все

мы, Митяня, если поможем ему укрепиться в России, никогда не испытаем ни проблем, ни нужды. Для самых ответственных вывозов, в том числе таллия, палладия, рубидия будут использоваться трассы моей «подземки». Митяня, ты себе представить не можешь, как я рад, что жизнь прожил не зря! Теперь я знаю, что люди потянутся сюда — не только из России и ближнего зарубежья, но и со всего мира. И я получу, пусть частями, обещанную сумму — лишь бы в самом начале не сорвалось... Ту же «красную ртуть» можно укрыть только здесь. Так что не в одной наркоте дело, сам понимаешь. Кемп поставит бизнес с размахом, и в том будет моя скромная лепта. Понадобится, так подналяжем и всю страну вывезем! — Папа сел обратно в кресло.

Стеличек согласно кивнул:

— Я всё понял. Сейчас хочу навестить Озирского. А вдруг причина его ухода из милиции такова, что из неё можно извлечь выгоду? Триллион — не триллион, но в миллиард-другой Андрея оценить можно. По крайней мере, если он сейчас не примется нам мешать, мы уже много средств сэкономим. А вдруг чем-то поможет?

— Думаешь? — усомнился Папа. — Не мечтай о несбыточном, Митяня. Я Озирского хорошо знаю.

— И я знаю, но чём чёрт не шутит? А вообще,

мне просто ради спортивного интереса хотелось бы с ним поговорить.

— Дать тебе охрану, Митенька? — мягко спросил Папа, позёвывая.

— Нет, благодарю вас. По крайней мере, я о готовящихся покушениях ничего не знаю. Да мои конкуренты в контакт и не входят, как правило. Валериант Ким понадеялся на охрану из мастеров восточных единоборств, а она помогла? Дали пару раз из гранатомёта по его «Ниссану» и с приветом! Ниндзя и его охранников даже хоронили в закрытых гробах. Короче, захотят — прикончат в любом случае. Весь век даже в вашей «подземке» не просидишь. — Дмитрий взялся за ручку двери. — Я — фаталист.

— Я тоже, Митяня, — мягко сказал Папа Выборгский. — Но всё-таки ребята немного тебя проводят. Ты к Озирскому?

— Да, прямо домой. Андрей, кстати, тоже знает кекусинкай-карате.

— Он много чего знает. — Папа покашлял в платочек. — Значит, насчёт людей мы с тобой договорились. Кемп вам с Рольником этого не забудет. Что касается пропавших, похороненных стоя, то лучше пока о них помолчать. Кстати, Митяня, это почерк не Обера — голову даю на отсечение...

— Я, кстати, тоже так подумал. — Стеличек

держался за круглую, инкрустированную яркой медью дверную ручку. — Но кто, кроме них с Крафтом, знал Токовую? Ведь даже ампулу с цианистым калием выдавили у неё изо рта. Это единственное, что удалось обнаружить на месте похищения. Видимо, в суматохе выронили, а потом не сумели найти. Ампула упала на дно глубокой лужи. Потом, когда вода высохла, ампулу обнаружили. Ладно, что никто не отравился. Рациборского, конечно, взяли заодно с Токовой. А потом, вывернув обоих наизнанку, решили живыми их не выпускать. Это, кстати, разумно.

— Интересная шарада, — устало подытожил Папа Выборгский, промокая платком мясистые щёки. — Кто же это всё замутил? Не Готтхильф, не Крафт, но Токовую знал... Впечатление, что на сцене появляется ещё один крутой персонаж. И действует он на стороне Обера. Знаешь такого?

— Нет. Честное слово, нет, — признался Стеличек.

— Потом помозгуем. А к Озирскому, если не боишься, поезжай. Мне тоже интересно, почему он снял погоны. Как говорится — «Дед бил-бил — не разбил, бабка била-била — не разбила. А мышка бежала, хвостиком махнула...» — Папа нажал кнопку на столе, и в дверях появились два мужика в шикарных костюмах. — До машины тебя проводят, Митяня. Спокойной ночи...

— Да уже доброе утро.

Стеличек думал о своём рискованном визите к Андрею Озирскому, адрес которого уже был известен. Он повернулся на каблуках и слишком быстро для почтительного молодого друга вышел из кабинета, любезно предоставленного им с Папой Выборгским на одну ночь.

* * *

Потрясающе красивый свет лился с небес сквозь серые, совсем осенние тучи. И лишь светлые ночи говорили о том, что сейчас — самое начало июня. Дмитрий, распрощавшись с охранниками у автомобиля, сам сел за руль своего «Линкольна». Правда, к этой модели не очень шёл ресторанный наряд, и потому Стеличек набросил плащ из плотного шёлка. Длинные рукава скрыли даже крахмальные манжеты с бриллиантовыми запонками и синие часы на браслете из золотых цепочек.

Дмитрий не чувствовал себя беззащитным, потому и что и сам мог дать отпор противнику. Оружия в салоне было вполне достаточно, чтобы продержаться по подхода своих. Проводя «Линкольн» по узким, вымощенным булыжником улочкам спящего городка, он усмехнулся. В багажнике лежали многие образцы из не ввозимого

в Россию оружия. К тому же, Стеличек никогда не расставался с пистолетом марки «питон» — подарком покойного дяди. «Питон» был для него не только оружием, но и талисманом.

Значит, Папа продал свой Выборг пришлым, и это прискорбно; но поезд уже ушёл. Теперь подземные коммуникации никогда не перейдут в руки Дмитрия и кого-то другого из местных. Не только Готтхильф, но и сам Стеличек на своей земле становится квартирантом. Пусть Кемп оплатит «подземку» как угодно дорого, но всё равно будет мало. Это сооружение бесценно. Любой контрабандист, ввозящий наркотики и оружие, вывозящий золото, изумруды, алмазы, пушнину, радиоактивные материалы и прочие дорогие грузы, должен будет в первую очередь бить челом сбежавшему в своё время на Запад контрразведчику. Сначала ему, а потом уже Стеличке, Готтхильфу, да кому угодно. Но вступаться за державу, а также за свою сферу влияния Митя не собирался — себе дороже выйдет. Там, далеко, всё уже решено, да и слово Папе дано.

Впрочем, что спрашивать со Стеличека, племянника Веталя Холодаева? Вон, даже Андрей Озирский, по сути дела, выбросил белый флаг. Но почему, почему?! Понял, что организованную преступность ему не одолеть? Что глупо рисковать своей молодой жизнью, идти под пули, навстречу

страшной смерти? Или любимая жена-француженка, что зимой родила двойню, заставила Озирского ощутить прелесть сладкой семейной жизни? Интересно, если Андрей женился на графине, стал ли он сам графом?

Впрочем, что-то не сходится. Во Франции Андрей за последнее время не был, да и вообще из России не выезжал. Испугаться своих врагов этот фанатик не мог по определению. И вряд ли он послушается женщину, даже знатного рода. Какая муха его укусила? Повзрослел, принялся рассуждать здраво? Вроде бы, у него уже новая пассия имеется, так что не шибко он привязан к своей мадам...

Дмитрий напряжённо размышлял, пытаюсь найти ответ на этот вопрос, но не находил его. Поглядывая по сторонам, он ехал мимо заборов, огораживающих частные домики. На счастье, вокруг никого не было. Наконец, на самом берегу Финского залива, нашёлся двухэтажный деревянный дом, который и был нужен гостю. Оставив «Линкольн» под акациями, Стеличек направился к одному из двух подъездов. Краем глаза он заметил плоское старушечье лицо, выглядывающее из-за плотной тёмной шторы на первом этаже. Опустив «питон» в карман плаща, Дмитрий открыл деревянную дверь и вошёл на лестницу.

Андрей исчез с Фонтанки перед майскими праздниками, оставив сына с дочерью на своего отца с мачехой. Те приехали в Питер на съёмки. Где он осел, около месяца никто не знал. И вот неделю назад выяснилось, что Озирский теперь живёт в Выборге. Здесь, в деревянном доме без удобств, около пляжа и рыбацких лодок, теперь было жилище человека, которого и сам Стеличек, и прочие «деловые» давно уже считали могущественным и вечным своим врагом.

Эта природа, видимо, нравилась Андрею. Неподаляку громоздились скалы. На них росли сосны, которые скрипели от сильного ветра. И, если небо не заволакивали тучи, можно было видеть, как сверху льётся божественный жемчужный свет. Чистый, как мелодия белых ночей...

Дом ещё спал, но Дмитрий знал, что бывший оперативник привык к ночным побудкам. Среди припаркованных у забора автомобилей гость не нашёл вишнёвой «пятёрки». Оказавшись в тесном коридоре, Стеличек зажёт плоский карманный фонарик. Луч света выхватил две двери, обитые кожей. Около одной, с номером «4», Митя погасил фонарик и позвонил. На всякий случай он привёл оружие в боевую готовность, и мобилизовался сам. Кнопку пришлось нажать несколько раз, пока, наконец, не раздались скользящие женские шажки.

— Кто там? — приятным, хорошо

поставленным голосом, спросила дама — видимо, та самая пассия.

Дмитрий мгновенно представил себе, как она, должно быть, привлекательна, и даже задохнулся от волнения.

— Извините, что поднял вас в такую рань. Андрей дома?

— Он будет дома в восемь утра. — Женщина явно удивилась этому визиту. — Разве вы не договаривались?

— Нет.

Стеличек гадал, решится ли дама впустить его в квартиру. Такая вероятность, впрочем, была ничтожно мала.

— И вам, конечно, до восьми податься некуда? — вздохнула невидимая нимфа. — Минуточку...

Защёлки замки, и дверь немного отошла от косяка. Стеличек увидел женщину и восхищённо выдохнул. В молочном сиянии светильника перед ним возникла высокая, узкоплечая особа лет тридцати в бирюзовом полиэстровом платье, расшитом серебристыми лианами. Волосы, выкрашенные в платиновый блонд, аккуратными прядками сбегали на лоб и водопадом пенились за спиной. Тонкие, тщательно выкрашенные брови женщины в недоумении хмурились. Но тёмно-карие, с голубыми белками глаза смотрели

из-под покрашенных ресниц без всякой паники. Точёный, будто отполированный носик трепетал узкими ноздрями. Похоже, что незнакомка скрывала под маской безмятежного спокойствия бушующие страсти. На то же показывали и её перламутрово-сиреневые губы. Они то сжимались, то раскрывались, обнажая прекрасные зубы. Очарование усиливал американский гарнитур «Клеопатра» из дутого золота; в нём причудливо перемежались матовые и блестящие звенья.

Стеличек, повидавший всяких красавиц, сейчас опешил и не знал, что делать дальше.

Дама, заметив его оторопь, улыбнулась:

— Меня зовут Светлана.

— А меня — Дмитрий.

— А я думала, что вы — Саша. У вас голоса очень похожи. У Андрея в Питере приятель остался... Да вы проходите!

— Смелая вы женщина, Света. Посреди ночи пускать в квартиру незнакомо-го мужика...

Митя чуть не добавил «с пистолетом в кармане», но вовремя опомнился.

— Снимайте плащ, и — на плечики.

Светлана переступила стройными ногами, обутыми в голубые замшевые туфли на плетёных высоких каблуках. Митя знал, что они продаются только за валюту и стоят тридцать девять долларов. Татьяна недавно купила такие же, только из-за

траура по сыну выбрала чёрную модель.

— Знаете, Дмитрий, кому суждено быть повешенным, тот не утонет. Своей судьбы я не знаю, но, на всякий случай, особо не парюсь. К тому же я не одна...

Около вешалки красного дерева тихо сидел грозный, тигрового окраса, бультерьер. Пока Дмитрий находился в коридоре, пёс не спускал с него налитых кровью глаз, но не гавкнул ни разу.

— Проходите в комнату. Налево, пожалуйста, — пригласила Светлана.

Она, в свою очередь, по достоинству оценила белый смокинг и прочие аксессуары гостя, а также его атлетическую фигуру и красивое лицо. Чтобы не портить впечатления, Дмитрий решил оставить «питон» в кармане плаща. Да и бультерьер, учуяв запах оружия, поумерил свои амбиции.

— Андрей немного задержался у нашего администратора, а меня отправили домой. Я должна немного отдохнуть, а потом приготовить им завтрак. Но сейчас в доме ничего нет, и угощать вас мне нечем. Разве что...

Светлана упорхнула на кухню и вернулась с бутылкой «Манго-Ликёра». Потом она принесла пачку десятисантиметрового «Салема» с ментолом, а на неё положила зажигалку.

Стеличеку вдруг ужасно захотелось выпить и покурить в обществе этой примадонны, которая

величаво двигалась по тесной комнате. Мебель, правда, тут была старинная и дорогая. Вспыхнули разноцветными огнями хрустальные рюмки, потом появилась такая же гранёная пепельница. Туда даже было жалко стряхивать сигарету. Светлана опустилась напротив гостя в маленькое полукреслице, подумала и убрала верхний свет. Теперь горел лишь египетский светильник на хрустальной ножке с тканым абажуром «Ретро». Бахрома на нём сильно трепетала от сквозняка.

— Простите богемным людям их неустроенность. Даже кофе — и вот кончился...

Светлана разлила ликёр по рюмкам. Стеличек ещё раз оценил мебель, видеотехнику и прочие приятные мелочи. А потом заключил, что живёт эта богема неплохо. Через открытую дверь второй, смежной комнаты он рассмотрел спальню «Вета» в белом варианте и огромное зеркало на стене.

— Может быть, мне не следовало вас пускать. Но если кто захочет нас ограбить, всё равно ограбит. Да и вам, судя по «Линкольну» и смокингу, вряд ли что-то нужно от бедных тележурналистов. Не удивляйтесь, что я видела автомобиль. Наблюдала за вами через окно, как и наша старенькая соседка.

— Значит, вы, моя богиня, тележурналистка? — страстным голосом, задыхаясь, спросил Стеличек, глотая

приторно-сладкий манговый ликёр.

В следующую секунду ему захотелось тут же изнасиловать Светлану, потому что лучшей женщины в природе точно не существовало. От неё исходили кипящие кровь биотоки, хотя на проститутку Света не была похожа. Впрочем, он понимал, что мечты эти неосуществимы. Даже если удастся пристрелить бультерьера, такая женщина никогда не позволит взять себя в наглую. Скорее она согласится умереть сама, и убьёт насильника.

Оба закурили «Салем», и Дмитрий подумал, что и тут Светлана угадала его вкусы. Крепкие сигареты Стеличек не очень жаловал.

— Да, я давно работаю на телевидении. Теперь и Андрей хочет посвятить себя этой профессии. — Светлана налила ещё по рюмочке. — Не стесняйтесь, у меня есть ещё ликёр из киви. Когда вернутся Андрей с Денисом, мне придётся оправдываться. Но мужчины — сущие дети. Им не понять, что хороших продуктов ночью не купить. Да и ходить одной по торговым точкам молодой женщине опасно. Надеюсь, что Андрей надолго не задержится...

— Света... — Стеличек уже справился с собой. Он всегда молниеносно оценивал ситуацию и не тешил себя напрасными надеждами. — Значит, вы с Андреем работаете на телевидении? На местном, что ли?

— Да, подвернулся выгодный контракт. Я имею в виду Андрея, потому что ему просто некуда было деваться. Он себе места не находил... А здесь как раз организовали частный канал. Получили разрешение на передатчик, смонтировали вышку, забронировали частоты. Я пришла туда первая, а потом пригласила Андрея. Он сказал, что готов уехать куда угодно, заняться первой попавшейся работой. Лишь бы навсегда забыть о своей прежней жизни...

— Светочка! — Дмитрий не ожидал, что возможность узнать правду представится так быстро. — Я не совсем понял... Знаете, Озирис так стремительно исчез из города, никому ничего не объяснив, что я нахожусь в полном недоумении. Детей он оставил с отцом и мачехой. Даже в Главке ничего не знают. Но я-то там не работаю, и потому вообще не в теме. Как это случилось, почему? Вы не можете рассказать, хоть вкратце?

Светлана стряхнула с кончика сигареты пепел и пожалала плечами. Лианы на её платье опять заискрились.

— Дима, он мне всего не говорит. Неужели и вы, его приятели, были потрясены случившимся? Ведь знали о ранении в сердце. И о прочих ужасах, что выпали на его долю...

— Знали, Светочка, знали. Но ведь и после ранения Андрей успел проверить блестящую

операцию в Москве — раскрыл подпольный центр по производству бактериологического оружия. Дело оказалось таким громким, что затрясло все ответственные службы — чуть ли не до ООН. И вдруг... Значит, он вас тоже в курс не ставил? Может быть, вы знакомы не так давно?

Дмитрий пытливо взглянул на свою собеседницу. Та не покраснела и глаз не отвела.

— Мы были знакомы с семьдесят второго года. А недавно встретились вновь — к нашей общей радости. — Женщина мечтательно улыбнулась. — Я полюбила Озирского, будучи школьницей. Мы были одноклассниками, жили на Литейном. Только я с родителями туда переехала, и уже через три дня мы познакомились. В те времена Андрей как раз «бросал вызов обществу» — пил, кололся, воровал. Я же была пай-девочкой. От мамы, конечно, я свои чувства скрывала. Она хотела видеть меня или великой актрисой, или светской дамой, или, по крайней мере, доктором наук. Я ведь разом учила пять языков, что и сейчас очень пригодилось. А вот когда Андрей успел их освоить, неизвестно. Он ведь ни минуты не сидел за книгами...

— Значит, вы ровесники? — Стеличек никак не мог поверить, что Светлане уже тридцать шесть.

— Я немного помладше — на три месяца. Вскоре после того, как я пришла во французскую

школу, Андрей её уже бросил. Но мне так надоели домашние строгости, что я готова была нырнуть в омут улицы. Сейчас мне жаль маму, но тогда нравилось скрывать случившееся со мной. Я носила кружевные воротнички, школьное платье с передником, комсомольский значок, скромную причёску с косичками. У меня были чистые тетрадки и дневник с одними пятёрками. И одновременно я сознавала, что у меня будет ребёнок... Это двойная жизнь доставляла мне какое-то мазохистское наслаждение...

Светлана выпустила дым из ноздрей и улыбнулась. Дмитрий молчал, потрясённый её откровенностью.

— Но дальше у меня началась неукротимая рвота. Мама всполошилась и повела меня к врачу. Не буду рассказывать, что случилось потом. Короче, ребёнка я потеряла в Снегирёвском роддоме. Потом предки увезли меня на другую квартиру — поменялись в срочном порядке. И мама сказала, что наложит на себя руки, если я встречу с Озирским хоть ещё один раз. Она, мол, чувствует, знает, что этот тип меня погубит. Мама, конечно, выразилась более экспрессивно. А она у меня такая: сказала — сделает. Это я к тому, что мы с Андреем давно были в близких отношениях, но он и мне не хочет говорить всей правды.

— И как вы снова встретились?

Стеличек уже забыл, кто он, и зачем сюда пришёл. Ему нравилось смаковать «Салем» под ликёр и слушать исповедь Светланы, в которую довелось влюбиться с первого взгляда.

— Денис Сарбаш, наш нынешний администратор, заметил меня ещё в университете. Ему тоже тридцать шесть. Он, как и я, окончил факультет журналистики, а потом — ещё и восточный. Третье образование у него юридическое. Денис много времени провёл за границей. Светский молодой человек, сейчас он занимается организацией нашего частного канала. Тот образован путём слияния капиталов двух миллиардеров — российского и финского; имеется ещё и американская доля. Вещаем мы на Питер с областью, а также на Финляндию. Это такая оригинальная передача, включающая в себя выпуски новостей, интервью с интересными, популярными людьми. Кстати, и реклама у нас необычная — мы с Андреем для роликов будем сниматься сами. Это будет сугубо наш канал. Мы намереваемся стать едиными во всех лицах. В дальнейшем, если дело пойдёт, вещание распространится на всю Скандинавию, Прибалтику, Польшу, Германию... Это пока радужные мечты, но ведь надо к чему-то стремиться! Я, разумеется, знакома с Денисом и с финским спонсором нашей программы. А вот с российским богачом ещё ни

разу не встречалась. — Света допила ликёр и оставила окурок в пепельнице. — Пока что Денис всё брал на себя. Вот для таких славных дел руководству канала потребовались два человека — мужчина и женщина. Они должны были быть артистичными, инициативными, знающими, по крайней мере, два-три языка. К внешности, разумеется, тоже были строгие требования. Денис нашёл меня и предложил эту работу. Но была одна проблема. Финский и немецкий языки я знала, а вот с польским у нас вышла заминка...

— А-а, понятно! — догадался Стелечек. — И вы разыскали Андрея?

— Мы просто искали подходящего человека со знанием польского языка. Денис проверил всю диаспору, но никого не выбрал. Хотел уже из Варшавы привезти своего университетского друга, но тот отказался работать в России. — Света откинулась назад, и её волосы рассыпались по спинке кресла. — Денис от отчаяния уже сам хотел составить мне пару, а язык учить по специальным методикам, в ускоренном темпе. Близился день самого важного выхода в эфир — от премьеры зависело наше будущее. Мы должны были произвести впечатление на телезрителей. Как говорится, «зацепить» их.

— Это понятно. Но как вы вышли на Андрея? Дмитрий внимательно рассматривать витые

колечки «Ги Ларош» на тонких пальцах хозяйки. Левой рукой она поправила волосы, схваченные на затылке бархатным зажимом.

— Денис был в отчаянии. Он велел и мне включиться в поиски кандидатуры, вспомнить всех моих знакомых. Но у нас ничего не получалось. Или внешность не устраивала, или языком плохо владеет, или просто в кадре не смотрится. Перепробовали кучу претендентов — и ни один не подошёл. Мы ведь должны были приветствовать аудиторию на всех языках. А этого уже достаточно, чтобы составить мнение...

Дмитрий посмотрел на часы, потом — в окно. Погода не улучшилась. Напротив, дождь хлестал по стёклам, которые и так дребезжали от порывов холодного ветра с залива. Света ещё раз наполнила рюмочки ликёром.

— Скоро уже ребята прийти должны, — вздохнула она. — А я ещё и переодеться не успела. Прямо со съёмок сюда приехала. — Женщина сцепила пальцы на колене, и Дмитрию очень понравился этот эротичный жест. — Я ведь недавно развелась с мужем. Надо было или возвращаться к маме, на Аэродромную улицу, или делить нашу квартиру. Денис пообещал купить мне однокомнатную, в Выборге. Я убедилась, что квартира куплена, и оставила Валентину нашу, на Ржевке. Моей соседкой по дому оказалась милая

дама из здешней транспортной прокуратуры, Элла Шогорова. Слово за слово, и она рассказала мне о личной драме одного из своих знакомых. Классный, говорит, оперативник. Равных ему в стране нет... Я тогда решила, что она просто преувеличивает. Элла говорит: «Не знаю, что с ним делать. Решил бросить службу, уйти куда угодно. Боюсь, что покончит самоубийством. Для такого сильного человека нервный срыв непривычен, а потому может оказаться смертельным...». Я не подозревала тогда, что именно *тот* Андрей. Элла знала о моих трудностях на службе, и потому сообщила, что человек этот знает польский в совершенстве. Кроме того, он владеет ещё несколькими языками. Да ещё и божественно красив, так что может составить мне пару. Учился, говорит, в театральном, но бросил. Но я ведь давно уже Андрея не видела. Не знала, что он окончил, как сложилась его судьба. Элла сказала, что мать Андрея бандиты убили, его дети сиротами остались, две жены молодыми ушли из жизни. Короче, Элла обещала с ним поговорить, а потом, если что-то получится, свести нас. На следующее утро она сказала, что он согласен обсудить вопрос, и ждёт меня на Фонтанке. Я взяла казённую «Вольвочку» и поехала к нему. Он ждал Светлану Веровую, не подозревая, что это именно я. А его фамилию Элла мне почему-то не назвала. И вот, в

День Победы, я к нему завалилась. Позвонила в дверь, и Андрей открыл. Мы простояли на пороге его квартиры, глядя друг на друга, наверное, минут десять. И я поняла, что Элла не преувеличивала. Люди с таким взглядом обычно и кончают самоубийством...

Стеличек не нашёлся, что ответить Светлане. Он только качал головой и крутил в пальцах рюмку. Главного он пока не выяснил, но подобрался к цели очень близко.

Внезапно Светлана встрепенулась:

— Едут! Одну минуту!

Легко вскочив, она убежала в коридор, оставив в комнате сладкий запах духов. Дмитрий внутренне настроился на непростой разговор, теперь уже с самим Андреем. Увидев давно знакомого бандюгу в своей новой квартире, он может прореагировать очень жёстко. Самое главное, что Светлана узнает всё про своего галантного ночного гостя...

В прихожей слышались голоса — Светланы, Озирского и третьего, незнакомого мужчины. Митя поднялся с кресла и взглянул в окно. Та самая «Вольво-940» стояла под дождём, впритык к его «Линкольну».

Стеличек решил вести себя так, словно в самом деле был Андрею другом. Озирский первым

вошёл в комнату и сразу заметил в полутьме гостя, моментально узнал его. Но, против ожидания, никак на это не отреагировал. И Дмитрий понял, что прежнего Андрея больше не существует. Нет джинсов и кожанки; вместо них — чёрный костюм «Аладино» с бордовым шёлковым галстуком и таким же платком, торчащим из нагрудного кармана пиджака. И глаза другие — серьёзные, даже печальные, без обычной смешливой искорки. Незнакомый человек сейчас стоял перед Стеличком, и тот даже забыл, что хотел сказать.

Губы Андрея чуть дрогнули:

— А-а, Митька... Привет!

— Привет! — смущённо ответил Стеличек. У него даже защемило сердце. — Ты уж извини, что я пожаловал ночью...

— Видать, нужда привела. Светлана! — Озирский обернулся к застывшей в дверях подруге. — Пусть Денис зайдёт, я их с Дмитрием познакомлю. А потом оставьте нас на часок одних. Вижу, что завтрака нет. Значит, придётся ехать в кафе...

— Сейчас! — Светлана убежала в переднюю.

Вскоре она появилась снова, волоча за поводок бультерьера по имени Рольф. Следом вошёл высокий молодой мужчина — типичный комсомольский босс, перешедший в разряд предпринимателей. Клубный пиджак у него был

однобортный, в тёмно-зелёную клетку; брюки — узкие, оливкового цвета. Новый знакомый неслышно ступал по полу чёрными блестящими туфлями на шнуровке. Его соломенные густые волосы были уложены «лесенкой». Серые небольшие глаза смотрели постно, вежливо, равнодушно. Длинные чистые пальцы рук оказались в меру теплы, следка надушены и очень ухожены.

— Света, я с Рольфом погуляю. — Сарбаш наблюдал за Светой. Та, присев на корточки, пристёгивала поводок к ошейнику бультерьера. — Ты его не удержишь. Тут по утрам пьянь всякая шляется, так он вырвется и порвёт. Андрей, почему ты не сказал, что ждёшь гостя?

— Я не знал, что Дмитрий приедет, — спокойно ответил Андрей. — Нарядный он сегодня...

— В казино был, — заметил Стеличек. — Вот, решил проведать знаменитого человека.

— И как, повезло в игре? — заинтересовался Андрей.

— Да так, серединка на половинку, — уклончиво ответил Стеличек.

Ему казалось, что все сошли с ума — по крайней мере, они с Озирисом. Ведь оба прекрасно помнили, кем совсем недавно приходились друг другу. Но сейчас, похоже, Андрей решил и эти

отношения начать заново. Света нежно улыбалась любимому, но тот вёл себя скорее просто вежливо. Вынув из шкафа свой зонтик, Андрей подал его Денису. Светлана взяла свой — цветастый, китайский — и отправилась его провожать. Пара удалилась вместе с собакой, и бывшие противники остались одни.

— Бери! — Озирский взял оставленный Светой «Салем», а потом сам закурил — жадно, нервно.

Дмитрий не представлял, как потечёт сейчас их беседа, и потому с преувеличенным вниманием чиркал зажигалкой.

— Откуда ты взял мой адрес, я не спрашиваю. — Андрей, закинув ногу на ногу, рассматривал свои туфли «Саламандра». — Вижу, вы тут выпили со Светланой, так что не предлагаю.

Он вынул из кармана бельгийские очки в деревянной оправе, протёр их белоснежным платком и надел.

Стеличек вскинулся:

— У тебя ухудшилось зрение?

— Да, после сентябрьского ранения. Но и раньше было около минус трёх. Пришлось выучить таблицу наизусть, чтобы проходить комиссию. Правда, теперь для меня это не грех. Специально заказал деревянную оправу — от других от меня по ходу дужек аллергия. Да, Митя, что тебе от меня

нужно? Дела новые в Выборге начинаешь?

Несмотря на то, что минусовые стёкла уменьшали глаза Озирского, они всё равно казались Стеличке огромными, пугающими и неживыми, как у восковой фигуры. Такое же впечатление производил и желтовато-бледный цвет его лица.

— У меня всего два вопроса, а после я сразу же исчезаю.

Стеличек начал осторожно, спрятав руки под стол. Андрей мог вспылить, увидев выколотый на фаланге большого пальца левой руки крохотный могильный крестик. Он знал, что именно так отмечен смертный приговор его другу Каракурту.

— Я понимаю, что всего ты мне сказать не можешь. Но в чём дело-то? — Стеличек не договорил.

Андрей кисло усмехнулся.

— Видимо, мне придётся для питерской «малины» специальную пресс-конференцию, чтобы каждый босс не приходил по отдельности. Передай всем интересующимся, что ранение тут ни при чём. Совершенно!

— А что же тогда?! — настырно спросил Стеличек.

— Сознание того, что всё это время вредил своему народу.

— Не врубился! — Стеличке показалось, что он ослышался. Лицо Озирского казалось

расплывчатым, нечётким. — Каким образом ты вредил народу?

— Я и сам об этом не знал. — Андрей говорил, как всегда — чётко, отрывисто. — В ночь после референдума ³ понял, как был неправ. Оказалось, что люди хотят иметь всё это...

— Что? — перебил Дмитрий.

— Да вот всё — сумасшедшую преступность, бедность, голод, недуги, страдания. Воля народа священна, и я вынужден подчиниться ей. И ты, Дмитрий, подчинись. Продолжай делать всё, что раньше, только с удвоенной энергией. Не только Президент Ельцин, то и ты получил поддержку на референдуме, ибо ты — часть его курса. Поздравляю от всей души! Надо уметь признавать собственное поражение. Я мешал людям жить, как они хотят. Я тормозил реформы. Не давал гражданам насладиться убийствами, кражами, людоедством, проделками сатанистов, действием супертоксичных вирусов гриппа. Я заслужил вечное проклятие за такое святотатство. Тридцатого

---

³ РЕФЕРЕНДУМ, ЕЛЬЦИН — имеется в виду референдум 25 апреля 1993 года, на котором большинство населения России высказало доверие политике радикальных реформ, проводимой Президентом Б. Н. Ельциным (Годы жизни: 1931–2007, годы правления 1991–1999).

апреля исполнился год с тех пор, как по моей вине погибла Власта Сорец — теперь ты можешь об этом знать. На месте её гибели, лесу у Лисьего Носа, я просил прощения у матери, которую погубил. И ещё у многих, отдавших жизни, как оказалось, зря. Мишка Ружецкий, Васька Павлюкевич и ещё другие... Они так и не успели узнать, что вредили народу. Я подвергал опасности своих детей, жён, подруг, просто случайных знакомых. Насчёт самого себя я не говорю — больно было мне. Но другие жертвы, с конца апреля душат меня по ночам.

— Ах, вот в чём дело! Андрей, ты же умный человек... Я тебе точно могу сказать, что все результаты, процент в процент, я уже знал за месяц. Ну, может быть, за три недели... И платил налог в фонд этого референдума, как и все наши ребята. Я думал, что ты тоже об этом знаешь...

— Нет дыма без огня, Дмитрий Янович.

Озирский делал сильнейшие затяжки — такие, что дым почти не выходил наружу. Стеличек же с удивлением обнаружил, что его собственная сигарета погасла.

— Знай только то, что я тебе больше не враг. Ввози оружие, вывози что угодно, хоть зарежь кого-нибудь при мне — я не пошевелинусь. Ни тебе, ни прочим «авторитетам» я мешать отныне не стану. На месте гибели Власты я пробыл целых три часа. Лежал на молодой травке, смотрел в голубое,

без единого облачка, небо. А ведь год назад шёл дождь, были плотные тучи. Так вот, в высоком, жарком небе я видел образы ушедших, причём не только своих друзей и родных. Передо мной попеременно представляли то твой дядюшка, то Уссер-Ювелир, то Али Мамедов, то Нора Келль. И, конечно же, Елизар Курц, Паша Зарубин, Крис Шерешетский, следователь Сарвилин. Мёртвое лицо последнего до сих пор стоит у меня перед глазами. Ведь я его фактически угробил... Как я раньше не понял, Митя, что они делали дело, нужное этой стране, этому народу?! Ну, расчленяли детей на органы, ну, убивали стариков и продавали их квартиры... Я думал, что это плохо, отвратительно. Что люди мучаются, боятся, ненавидят. А они, оказывается, всё это поддерживали! Митя. Я любил человечество, и каждого его представителя в отдельности. Если, конечно, тот не был бандитом... Я, подобно Соловью из сказки Оскара Уайльда, прижимался сердцем к шипу розы, в виде которой я представлял страну, народ. И отдавал свою кровь, чтобы эта роза заалела. «И стала алой великолепная роза, подобно утренней заре на востоке. Алым стал её венчик, и алым, как рубин, стало её сердце». А двадцать пятого апреля роза упала в колею, и её раздавило колесом телеги. Нет, даже не упала — люди сами бросил её в эту колею. Считай, что я

тебе и прочим проиграл в знании души народной. Ты был прав, признаю. Что ж, я не справился со своим делом, да и не хочется теперь говорить об этом. Я тебе не опасен. Моё появление в Выборге к уголовным делам не относится. Я тут просто работаю на телевидении, и всё.

— Боже мой!

Стеличеку стало страшно. Он сжал пальцы под столом так, что они заныли; потом свело и челюсти.

— Тебя же сломали, Озирис, я вижу... Вернее, убили морально. Нет, не мы, не «братва» — нам это оказалось не под силу. Я понимаю — ты любил людей, а они тебя предали. От нас ты и не ждал добра. Весь смысл твоей жизни оказался потерян. Тебе не для чего жить... Так?

— Так. Ты верно сформулировал. — Озирский потушил сигарету. — Считаю, что мы не знакомы. Цену моему слову ты знаешь, надеюсь. Так вот, я тебе его даю. Не вспоминайте больше обо мне. Считайте, что в то проклятое воскресенье Блад-Озирис погиб, но не нашёл успокоения. Душа его в дорогом костюме бродит по Выборгу и не может успокоиться. Ведь парень этот был большой грешник — губил одних людей, чтобы отнять счастье у других. В августе девяносто первого я считал, что люди просто не понимают, что им грозит. А потом ужаснулся... Оказалось, что им

хочется самоуничтожаться. У них отсутствует свойственный всякой живой твари инстинкт самосохранения. Что ж, дело хозяйское. Не буду им мешать...

— Андрей, может быть... Ты только не матерись сейчас и выслушай. Может быть, мы теперь будем вместе? Я, конечно, не стану спрашивать ничего. Просто считай, что мы познакомились сегодня. Агентура твоя не пострадает, клянусь. И я, и Рольник, и остальные скинемся тебе на достойное жалование. Ты котируешься у нас по высшему разряду. А дела предстоят грандиозные... Послужи теперь народу, когда ты узнал его желания. Честно говоря, я боюсь, что тебя другие перехватят. К примеру, Обер — он любит крутых парней, способных держать своё слово...

Дмитрий пристально смотрел в глаза Андрея, но тот никак не отреагировал на упоминание о своём агенте. И лицо его осталось прежним — печальным, потерянным. Андрей перегнулся через столик и положил свою каменную ладонь на запястье гостя.

— Дмитрий, меня никто не перехватит — даю тебе слово. Остерегайся ребят из РУБОПа, конкурентов, кого угодно, только не меня. Оставьте меня в покое. Я не «за» и не «против». Я — вне ваших дрызг. Вы мне все осточертели, потому что

одним своим видом напоминаете о загубленных годах, о несмываемом позоре, о моей дурацкой наивности. Мой дух убит, и я вам не опасен. Что бы ты ни делал в Выборге, мне наплевать. Хочешь грабить — грабь, убивать — убивай, продавать страну — продавай. Мне, в конце концов, не больше всех здесь надо. Лучше бы меня Кисляков сжёг в печи крематория, окончательно запытали в «баньке» Келль с Мамедовым. Или нашла пуля в Приднестровье, куда я ездил освобождать детей, предназначенных для разделки на органы... Почему меня этот проклятый Карат-Кононов не дострелил до конца? Я умер бы таким счастливым, и до последнего вздоха считал, что делаю добро! Теперь, Митя, я просто телевизионщик. И, если ты попадёшься, просто сниму об этом сюжет. У меня есть работа, есть жена, дети. Есть прекрасная Светлана. И я ещё постараюсь быть счастливым... Считай, что ты действительно именно сегодня увидел меня впервые. Надеюсь, что больше мы с тобой тет-а-тет не встретимся...

Озирский поднялся с кресла. Стеличек понял, что надо уходить, тем более что через полтора часа ему нужно быть в «Прибалтийской», на хурале торговцев оружием Северо-Западного региона.

— Твоё тело убить не получилось. А вот душу... — тихо, одними губами, сказал племянник Веталя Холодаева. И вдруг он вскинул голову: —

Прости! Прости за всё, что наши тебе сделали. И о народе тоже забудь. Лично я людишек никогда не любил. Убивал их столько, сколько было надо. Двадцать три — только своими руками... наших среди них было всего пятеро. А большинство жертв — простой народ, фраера. А ведь именно они спасли меня в августе, во время погони, встав поперёк шоссе и перегородив путь милицейским машинам. Я сумел тогда спасти часть груза от ареста. Теперь я понял, в чём было дело. Нас, так называемых преступников, поддерживал народ, как и сейчас. Именно он, богоносец, позволил нам избавиться от главного врага — майора Озирского. Знаешь, Андрей, теперь моя жизнь стала легче, чем тогда. Оружие больше не надо провозить через границу в больших количествах. Достаточно провезти образцы, и в Туле их прекрасно копируют. Люди на меня работают, высунув языки, а я их презираю, вытираю о них ноги. Ведь не литерить мне они должны, а волочь в камеру, ставить к стенке. Между прочим, тогда я знал бы, что живу в нормальном государстве — среди людей, а не среди покорного скота. И, умирая, я бы этим гордился...

Глава 4

— На Кемпа мне удалось выйти ещё четыре

года назад. Это было неподалёку от Медельина, в Кордильерах. Там Берт, уже принявший наше гражданство, встречался с самим Эскобаром⁴. Судя по всему, у них сложились тёплые отношения.

Майкл Саймон говорил сейчас по-английски, и Саша Николаев переводил его слова Владу Вершинину. Оба слушателя даже позабыли о кофе, который остывал в пластиковых чашечках. У Саши в руках была красная чашка, у Майкла — чёрная, а Владислав сжимал в пальцах белую. Этот подарок Саймона Николаев собирался отдать сестре Софье на дачу, в Токсово, где уже не осталось посуды. Её частью перебили, частью украли во время зимнего налёта на участок и дом. Тогда, помнится, Софья опять попала в больницу с сердечным приступом.

Майкл привёз подарки для миссис Минц, в существовании которой он ничуть не сомневался. К чашечкам прилагались ещё и салатницы, фруктовые вазы, резка для продуктов, совмещённая с выдавливателем косточек из ягод. Воображая, в каком восторге будет сестра, миссис Даль, Саша внимательно слушал Саймона. А сам то и дело трогал узел светло-голубого, сплетённого вручную галстука — презента того же Майкла. Гость очень

---

⁴ ЭСКОБАР, Пабло — один из главарей колумбийской наркомафии.

переживал, что не привёз такой же и для Владислава, с которым ему, как оказалось, предстояло работать. Но он пообещал как можно скорее исправить оплошность.

Сейчас на столе стояли водка, гавайский панч, лимонный щербет, три порции рыбы-гриль и миска со свежей клубникой, запах которой отвлекал Сашу и Влада от беседы. Клава Масленникова, в белом шерстяном платье, усыпанном пуговками и мелкими узорными цветочками, возилась на кухне. Время от времени она появлялась в мужской компании, ставила чистую посуду, забирала грязную и уходила, виляя бёдрами.

Клавдия надела свой самый скромный наряд и выглядела, как ангелочек. Туфельки у неё тоже были «школьницкие» — лаковые лодочки на низком каблуке. Сейчас она прикрыла за собой дверь, И Майкл, выпив водки с лимонным щербетом, заговорил снова.

— Я ему сел на хвост, и уже считал дело законченным. Джессика в начале июня собиралась рожать, и я хотел успеть... Прокололся на глупой страсти к молодой ведьме по имени Аурелия. Я её не проверил, к сожалению. Вообразить себе не мог, что четырнадцатилетняя шлюха окажется агентшей не просто медельинцев, а самого Кемпа. Он уже знал, что надо действовать решительно, иначе — конец. Мы готовились брать его с поличным, в

одном из медельинских ночных кабаков. Но в тот раз Берт оказался в лучшей форме, чем я. Правда, агентура, помогавшая мне выйти на него, не пострадала. Влип один я. Аурелия, кстати, в постели просто чудесная, каким-то образом сумела сунуть мне в виски сильнодействующий препарат. Эффект превзошёл все ожидания — я начисто вырубился.

Саймон повёл широкими плечами под палевым двубортным пиджаком. Двое собутыльников внимательно его слушали.

— Очнулся уже на полу, в подвале. Причём из Медельина меня вывезли. Вокруг стояли улыбающиеся люди Кемпа. Наказание мне было по заслугам, и не стоит гневить Всевышнего.

— Всё-таки тебе удалось бежать? Или выкупили? Может быть, обменяли? — спросил Вершинин, глядя на голубое холодное небо за окном, на пепельные облака.

На стекле блестели капли внезапно хлынувшего дождя, который так же быстро кончился. Вершинин, тоже в сером костюме и при галстукe, выглядел весьма презентабельно, и не чувствовал себя чужим в этой компании.

— Ты угадал с первого раза, — заметил Саймон.

— Значит, бежал? — Саша Николаев восхищённо посмотрел на Майкла. — Не понимаю,

как тебе это удалось.

Тот взъерошил пятернёй свои густые каштановые волосы, поднял брови и наморщил лоб.

— Меня так мучила мысль о глупом провале, что я мало обращал внимание на то, что вытворяли эти ребята. Они хотели узнать имена моих людей в Боготе⁵. Когда меня потом нашли, я был похож на свиную отбивную. Кроме того, я хотел, чтобы младший сын всё-таки увидел своего отца, а Джессика не осталась вдовой. К тому времени мы уже потеряли трёхнедельную девочку. Кроме того, два парня-близнеца почему-то погибли в утробе. Сами понимаете, что я волновался за супругу. Что касается имён агентов, то я их просто позабыл. Если тебя раз десять треснут головой о каменную стену, это не будет выглядеть странным. Но оказалось, что никто из моих осведомителей не пострадал. Значит, победа осталась за мной. Кемпу это совсем не понравилось, и он решил взять дело в свои руки...

— Значит, вот при каких обстоятельствах вы с ним встречались... — Влад залпом выпил свой остывший кофе и слегка поморщился от горечи.

— Да, не совсем так встретились, как мне бы хотелось. Я лежал перед ним, как связанный баран,

---

⁵ БОГОТА — столица Колумбии.

и оставалось лишь перерезать мне глотку. Кемп почему-то этого не сделал и, как мне кажется, скоро раскается в этом. Имейте в виду, что он очень изобретателен в способах умерщвления врагов. Например, разрывает их между автомобилями, закапывает в землю живыми, прикалывает к дереву чем-нибудь острым и длинным — вроде копья или шпаги. Это он называет — «посадить на иголку». Кроме того, обожает четвертование; но не топором, а пилой. Да, ещё — по китайским обычаям, делает человека свиньёй...

— Как это? — внутренне холодея, спросил Саша.

— Запросто. Отрубает руки и ноги, выкалывает глаза, отрезает нос, вырывает язык. Некоторые так и живут — по многу лет.

— Да это же, кроме всего прочего, маньяк, безумец! — пробормотал Вершинин, отворачиваясь от еды.

— Ты прав, — согласился Саймон. — Для меня он выбрал погребение заживо, причём могилу я рыл лично. Его люди, да и сам главарь, решили, что я уже труп. Потому, наверное, и решили поразвлечься напоследок. Кемп приказал плеснуть мне на ноги бензин, и бросил туда тлеющий окурок. Ноги мгновенно вспыхнули, но Берт махнул рукой, и на них набросили асбестовое одеяло.

— Ну и зверь! — Саша тяжело дышал. Он

снова потянулся за пачкой сигарет, но тут забыл про неё. — Да, когда мы с тобой ехали из Москвы, я обратил внимание. Правда, в купе было полутемно, и потому я принял это за гольфы. Кстати, ты меня тогда поспешно отвлек, спросив, почему в России, когда едешь в поезде, нужно запихивать обувь под подушку...

— Алекс ответил, что иначе её непременно украдут, — пояснил Саймон Вершинину. — Так вот, пристрелили они меня тогда из автомата, жить бы им и поныне. А охранники у Берта классные. Я за всю жизнь не видел никого лучше. Натасканы, как бойцовые псы. Но мне удалось вырвать автомат у одного из них, который стоял ближе всех. Он непростительно расслабился, и я его понимаю. Этого парня хвали Хорхе, он был из местных. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы остаться в одиночестве около собственной могилы. Туда я и свалил тела убитых, а сам ушёл. Вернее, уполз, потому что идти не получилось. На своё счастье, Кемп уехал раньше, а то бы досталось и ему тоже...

— Невероятно! — с восхищением заметил Владислав. — Я думал, что такое только в кино бывает.

— Так я и полз, определяя направление по солнцу и звёздам. Сначала отказали ноги, потом — почки. Я чудом выжил, да и то только потому, что меня быстро нашли. Я увидел козу, пасущуюся

неподалёку от какой-то деревни. Очень хотелось пить, поднялась температура, в глотке пересохло. Я подполз к козе и присосался к ней, как к родной матери. Кстати, тут же потерял сознание, и потому дальше ничего не помню. Меня нашли крестьяне из той деревни. А до того я просил Господа Бога послать мне смерть и жалел, что вырвался от Кемпа. Там бы хоть в могиле лежал, а тут просто звери сожрут... Оказалось, что я продирался сквозь джунгли целую неделю.

— А говоришь, что быстро нашли, — заметил Вершинин.

Он думал и о своей собственной трагедии, вроде бы даже не связанной с Кемпом.

— Тут сто раз подохнуть можно... Представляю, как ты сейчас хочешь расквитаться! Будем надеяться, что справедливость наконец-то восторжествует. Пусть нас постоянно уверяют в том, что нельзя желать зла никому, что надо прощать, любить врагов своих, я этого мнения не придерживаюсь.

— Успокойся, Влад. Тихо. Ладно? — Саша положил руку Вершинину на плечо, а сам повернулся к Саймону. — Моё сердце чувствует, что Самосолова мы на сей раз возьмём, и стены дома ему не помогут. А зачем помогать — он же предал свою страну. А потом и ту, что дала ему приют. Майкл, скажи, не располагаешь ли ты сведениями,

что Кемпа заслали сюда цээршники с какими-то своими целями? Я понимаю, дело деликатное, но всё же...

— Не думаю, — серьёзно ответил Саймон. — А что разведке у вас делать? Да ещё через Кемпа... Нет, вряд ли. Он — наш гражданин, конечно, но гастролирует по всему миру. Был замечен даже в Чуйской долине и на опийных плантациях Афганистана. Я должен его ловить, как ловил бы какого-нибудь Джона Смита. Он, конечно, здешнюю обстановку изучил, с нужными людьми связался. Теперь ждёт удобного момента, чтобы встретиться с родным городом. Тогда вам, ребята, здесь покоя не будет. У него лучшие кадры со всех концов планеты. И ваши «руссо мафиози», в частности. Сюда Кемп может прибыть в обществе представителей разных стран...

— Ну, например, каких?

Саша крутил в пальцах булавку от галстука, которую Майкл потерял во время застолья.

— Это слишком долго перечислять. Он может связаться с «афганцами» — это военные, милиция, бывшие сотрудники КГБ. «Карате» — сообщество спортсменов. «Госслужащие» из внешней торговли тоже могут ему пригодиться. Бригады там тоже разные — русская, чеченская, закавказская, среднеазиатская. Та же «Банда Балалайка» из Германии — отличные кадры. Штатовские

гангстеры, которым опасно оставаться там, тоже могут пожаловать. А вообще-то его слабость — венгры и китайцы, самые жестокие на сегодняшний день. Ну а сюда, я почти уверен, Берг проникнет с территории тихой Финляндии. Там ему поможет Ада Аалтонен, дочь вашего Веталя. Здесь — либо его же племянник, либо кто-то ещё. Выборг — самый удобный для Берга город. Я его вкусы знаю. Кемп часто собирает осколки от распавшихся или разбитых группировок. Они проходят переобучение и становятся в строй. Людей у Берга много, и какая-то их часть обязательно появится здесь. Мы должны ждать. Да, а вы поговорили на этот счёт с Филом? Что он думает?

— Филипп говорит, что Кемпа будет очень трудно выявить, потому что его банда прибудет по частям, с чужими документами. Я не стану загадывать, — продолжал Саша, — но, по-моему, Обер в состоянии нам помочь. Ведь в уничтожении Самосолова-Кемпа он заинтересован едва ли не больше, чем мы. Но главная сложность состоит в том, что сюда Кемп не поедет ни под видом бизнесмена, ни в качестве туриста. Обер предполагает, что часть его людей, наименее ценная, явится в виде нелегальных эмигрантов. Сам он, вместе с наиболее приближёнными кадрами, прибудет по неизвестному пока каналу.

— По крайней мере, через границу он

легально не пройдёт — там есть ориентировки, — добавил Вершинин. — Тогда что? Ползком, ночью, как через линию фронта? А если поймают? Тогда все приготовления — к чёрту?

Владислав бросил в рот крупную ягоду клубники. По гостинной плавали волны сигаретного дыма.

— Кемп всегда требует твёрдых гарантий безопасности, — напомнил Саша. — Вряд ли он станет рисковать с нелегальным переходом границы. И под своим новым именем, не говоря уже о старом, он сюда не сунется. Ведь мы имеем разрешение нашего Министерства юстиции, другие документы, дающие право на следственные действия в отношении гражданина США. И Кемп об этом, безусловно, знает. Остаётся одно — взять другие документы, сменить внешность...

— Скажи ещё — пол! — расхохотался Саймон.

— Нет, серьёзно! — Саша заинтересованно разглядывал найденную булавку с янтарём. — Филипп сообщил Эссе и Петренко одну вещь. Они мне рассказали, что сочли нужным, о ночной встрече в Ручьях. Так вот, первым условием было, чтобы мы с тобой из Москвы ехали поездом, а не летели самолётом. И, по возможности, не выходили из купе до самого Петербурга. Поезд удобен тем, что из него можно выскочить — даже на ходу.

Кроме того, устроить аварию в самолёте легче, чем в поезде. Сдать старые билеты, и купить новые нам было необходимо в самый последний момент. В этом нам помогли московские коллеги, изобразившие постороннюю супружескую пару. Они составили нам компанию в купе, чтобы там не появились чужие.

— А-а, значит, это из-за Филадельфии мы тряслись в поезде восемь часов? — вскинулся Саймон. — Впрочем, Кемп таков, что мы могли до Петербурга и вовсе не доехать. Ладно, а ещё что ему от нас нужно?

Саша улыбнулся — слегка слащаво, но всё же приятно.

— Ты ведь в «Прибалтийской» собираешься жить всё это время?

— Не надо — злчное место. — Вершинин вздохнул, втянув и без того впалые щёки. — Уж я, поверьте, знаю. Надо было выбрать отель попроще.

— А мы ещё умнее сделаем, — успокоил его Саша. — Майкл, как ты посмотришь на то, если я приглашу тебя к себе?

— В каком смысле? — Саймон удивлённо выкатил зеленоватые глаза с золотистыми ресницами. — Я и так у тебя сижу.

— В смысле того, чтобы ты плюнул на гостиницу и остался у меня жить. Действительно, и Филипп прав, и Владислав тоже — там ты будешь

более уязвим для наших противников. Любой человек из персонала может быть подкуплен или являться прямым агентом. В твоё отсутствие можно, под видом уборки номера, постоянно производить обыски, ставить «жучки». Или ты, как Джеймс Бонд, будешь приклеивать волоски на ящик стола?

— Вообще-то, дельная мысль. Фил тоже так считает? — призадумался Саймон.

— Это он и предложил. Здесь, видишь, кругом бронированные двери. Квартира имеет кодовый замок, подключена к сигнализации. Все люди надёжные. Выделю тебе комнату — у меня их три. Только вот девочек водить сюда нельзя — Фил специально предупредил. Если ты здесь будешь жить, ходи гулять на сторону.

— Придумаем что-нибудь, — успокоил его Саймон.

Он откровенно взглянул на Клавдию, убирающую со стола. Та послала ему тягучий взгляд согласной на всё дамы полусвета, но Саша ничего не заметил. Вершинин тоже внимательно наблюдал за ловкими движениями Клавдии, за её руками с длинными алыми ногтями. Распущенные волосы Ундины закрывали всю спину и нежно пахли горьковатыми духами. Взгляд её волооких глаз буквально останавливал дыхание.

— Если ты согласен, я скажу Клаве, чтобы приготовила комнату. Влад. Может быть, тоже останешься? Жена с сыном на даче сейчас?

Саша говорил так, словно в семье Вершининых ничего не случилось, и жили они, как прежде. Но мысль о несчастье, случившемся в семье приятеля, постоянно преследовала его и не давала чувствовать себя свободно в его присутствии. Влад теперь занимал в отделе место Андрея Озирского, и привели его туда два жутких обстоятельства. Вершинин хотел отвлечься от тяжких дум, с головой погрузившись в новое, ответственное дело.

— Да, они уехали на два дня. Но сын готовится к экзаменам... Короче, если приглашаешь, останусь.

Влад расстегнул пиджак, потом снял его и повесил на спинку стула. Саймон сделал то же самое, давая понять, что официальная часть встречи подошла к окну, и сейчас не мешало бы развлечься. Саша привел на подоконник, глянул на ветки клёна, который рос около круглого балкона. По стёклам лупил сильный холодный ливень. Только что уложенный на Большом проспекте асфальт чернел и блестел, как лакированная крышка рояля.

Николаев знал, что здесь Вершинину будет лучше. Они с сыном, жестоко пострадав прошлым летом, теперь давили друг на друга мощным полем

тоски. Майя Вершинина недавно выписалась из нервной клиники на Пятнадцатой линии Васильевского острова. Пока она там лежала, Саша чуть ли не каждый день носил ей передачи.

Произошло то, что обычно. Когда Саша погружался в невесёлые воспоминания, его уже не могли отвлечь ни разговоры за спиной, ни звон посуды на кухне, ни шум дождя и тархтение автомобилей на вновь ожившем Большом проспекте. Майкл, утомившись от сугубо деловой беседы, поднялся, потянулся и пошёл к роялю. Прежде чем сесть за клавиатуру, он поддернул брюки так, чтобы показать шёлковые белые носки. Потом засучил рукава сорочки и стал игрывать на «Блютнере» джазовую мелодию. Такого уважаемый рояль за свою долгую жизнь ни разу не видывал.

Владислав тоже удивился. Он подошёл к Саймону, который, как заправский тапёр, колотил по клавишам.

— Ты, значит, тоже играешь?

— Только лёгкую музыку. Моя мать, когда ещё была мисс Кэролайн Холз, играла в дорогих ресторанах. Обосновалась в клубе для избранных, в Атланте, где её и заметил Джеймс Саймон. Ему тогда уже исполнилось сорок восемь. Папа успел овдоветь, но остался бездетным...

Майкл рассказывал, не переставая наигрывать буйный ресторанный мотив, в котором слышались

крики, звон разбитой посуды и лязганье ножей. Клавдия, услышав звуки рояля, ринулась переодеваться в вечерний туалет.

— Говорили, что твой отец уже тогда преуспел на поставках Пентагону? — спросил Вершинин, допив остатки водки.

— Да, и страстно хотел иметь наследников, чтобы знать, ради кого он вкалывал по двадцать четыре часа в сутки. Старший сын, то есть я, с детства бредил полицейскими и ворами. Остался верен любви и поныне, так что для отца был потерян. Но оба брата, Юджин и Линдон, получились как раз такими, какими их мечтал видеть Джеймс Саймон. Он умер со спокойной совестью, зная, что состояние нее будет пущено по ветру. А ведь я непременно тем бы и кончил. Мы с сестрой Эдит, самой младшей, рано ушли из дома. Я уехал в Майами, она — в Анкоридж, на Аляску...

— Всего вас было четверо? — спросил Вершинин.

— Да, четверо. Эй, Алекс! — Майкл оборвал игру. — Пока мы не позвали сюда нашу девочку... Фила мафия считает своим?

Саша посмотрел на него так, словно только что проснулся. Он даже немного поморгал, приходя в себя. После прошлогодних облав на рынках Питера, когда Вершинин командовал омовцами, на его дачу напали — без всяких предупреждений.

Там как раз находилась семья Влада — жена Майя, сын Ратмир, а также тёща и свояченица.

Поздно вечером, на джипе «Ниссан», приехали восемь мерзавцев в масках-чулках и устроили настоящий разгром, сопряжённый с насилием. Произошло это в конце августа, когда уже было темно и холодно, а потому многие дачники уехали в город. Во всяком случае, на крики о помощи никто не отреагировал — то ли не услышали, то ли побоялись связываться.

Против вооружённых молодцев трём женщинам и мальчишке во всех случаях было не устоять. Чтобы навсегда отучить Вершинина притеснять торговцев, на даче устроили короткий, но крутой спектакль. Ратмиру, считай, повезло, потому что его не тронули. Но заставили смотреть на то, как насилуют в очередь мать, тётю и даже шестидесятилетнюю бабушку. Причём проделывали они всё это, не снимая масок с лиц.

Больше всего Майя боялась, что про это узнает муж; потом ей стало всё равно. Далее она решила развестись с Владом. И не потому, что из-за его работы пришлось пережить её, сестре и матери. Просто Майя теперь испытывала патологическое отвращение ко всем мужчинам и к самой мысли о близости с ними.

Сестра Майи, Снежана Эльянова, тогда ночевала на даче прямо перед свадьбой. Она не

смогла утаить от жениха то, что там произошло, и надеялась на жалость и понимание. Но он не поверил, что дело обстояло именно так, и решил, что невеста сама спровоцировала насилие. Свадьба не состоялась, и Снежана попыталась наложить на себя руки. После этого обе сестры не вылезали из клиник. И если Майя прописалась в нервной, то Снежана плотно засела в психиатрической. До сих пор её не могли убедить, что после изнасилования не наступила беременность, хотя вышли уже все сроки.

Что же касается тёщи Влада, то ей удалось свести счёты с жизнью. Дама приехала на ту же дачу, натопила печь, и тотчас же закрыла выюшку. Потом она легла спать, чтобы утром уже не проснуться. И уже после, из предсмертного письма, выяснилось, что мать Майи и Снежаны заразилась от бандитов сифилисом...

— Алекс, ты оглох? — рявкнул Саймон над ухом Николаева. — Я непонятно спрашиваю? Фил там, у своих, вне подозрений?

— Надеюсь, что да. Лишь бы не сглазить! — Саша постучал по оконной раме.

— А вообще-то он кто? Наш или нет?

— Трудно сказать, — честно ответил Саша. — Сейчас уже, скорее, наш. Андрей Озирский ему очень доверял. И Петренко считает его практически в штате отдела. Он отзывается о Филе с большой

теплотой, чего от полковника добиться трудно. — Николаев разом вспомнил все свои злоключения. — Так вот, ребята...

Саша уселся на подоконник, спиной к Большому проспекту. Саймон вернулся за рояль, но играть не стал, а только трогал пальцем то одну, то другую клавишу. Вершинин догадался, о чём сейчас думал хозяин, и нахмурился.

— Филипп Готтхильф отныне будет решать, что нам делать дальше, — по-английски сказал Николаев. А потом добавил по-русски: — Он на этой реке все мели знает.

— Я буду молиться, чтобы его ни в коем случае не заподозрили, — торжественно пообещал Саймон. — По крайней мере, пусть ему сопутствует удача.

— Не только тебе, но и всем нам нужно за это молиться, — согласился Вершинин.

— Я вам дам несколько советов относительно общения с Филом...

Саша заговорил своим поставленным «прокурорским» голосом. Тёмно-синий костюм и белая рубашка создавали впечатление, что на нём опять надет мундир. Несмотря на то, что Саша сидел на подоконнике, его длинные ноги твёрдо упирались в паркет.

— С ним ни в коем случае нельзя вступать в пререкания. Запросто может пристрелить, между

прочим. Он давно уже сам устанавливает для себя законы.

— Ты что, серьёзно?

Саймон покрутился на скрипучей табуретке от рояля. Владислав тихо свистнул.

— Он — психопат, и за свои поступки отвечает не вполне. Никогда и нигде не лечился. Надеется лишь на свои травы, но они, похоже, мало помогают.

— Он наркоман? — сделал неожиданный вывод Саймон.

— Ты неправильно понял. Он — травник, причём выдающийся. Все наши подпольные яды и лекарства, которые крутятся в обороте, производит именно его фирма. В основном на этом Обер и сколотил состояние. Филипп происходит из семьи сосланных немцев. Все мужчины в их роду, по отцовской линии, занимались этим ремеслом. А когда у такой личности не складывается жизнь, последствия могут быть самыми плачевными. Ладно, мне начальством приказано о прошлом забыть, потому что именно на Обере сейчас и держится вся операция. Он работает на износ, и того же требует от других. Надеюсь, что Кемп попадётся в его силки. Ведь в течение последнего года Обер старался концентрировать вокруг себя всевозможных людей, в том числе и прибывающих из-за границы. Ценнее человека для нас в Питере

нет, и я скоро устрою ваше свидание.

— Когда примерно? — тут же спросил Вершинин.

— Петренко не советует торопиться. Связь в любом случае будет осуществляться через меня и через эту квартиру.

— Но сам-то он ведь сюда не пожалует? — Саймон заметно нервничал.

Он хотел как можно скорее закончить дела и позвать сюда Клавдию. Девушку американский гость воспринимал именно как снятую на троих проститутку, а не как дочь самого Озирского, на которой Саша в своё время даже хотел жениться.

— Нет, конечно. Сюда будут приходить его люди. Якобы в Сбербанк, который расположен у нас на первом этаже. Откроют там счёт и обеспечат себе алиби.

— Понял. Но когда-нибудь не мешало бы встретиться с этим гением.

Саймон вновь пробежался пальцами по клавиатуре, создавая в квартире непринуждённую атмосферу кабаре.

— Да, Алекс, сегодняшней вечер нам ещё принадлежит?

— Естественно. И ещё неизвестно, сколько вечеров мы будем сидеть и ждать появления Кемпа в городе, — сказал Саша и спрыгнул с подоконника.

Вершинин, закурив свой «Дорал», поднялся из-за стола.

— Так я позову Клаву? Сколько ещё можно держать хорошенькую женщину перед закрытой дверью?

— Да, Алекс, ты что-то позабыл о ней. — Саймон ударил по клавишам. — Надо нам немного развеяться, потанцевать. Не находишь?

— Наверное, надо, — грустно сказал Саша, подходя к тумбочке, на которой стояла двухкассетная магнитола «Шарп».

Он погасил свет, нажал «пуск». Тут же синие, красные, зелёные огни ритмично замигали по углам комнаты, отражаясь в оконных стёклах, в зеркалах, в полированной мебели. Из-за этого казалось, что огней намного больше. Под музыку, напоминающую дробь барабанов во время совершения казни, Вершинин тоже закатал рукава и толкнул дверь в коридор. В горке зазвенела посуда, и Саше показалось, что Софьины миниатюры сейчас упадут на пол.

— Клава! Клава, иди к нам! — позвал Владислав, упираясь ладонями в дверные косяки.

Саймон одной рукой регулировал громкость магнитолы, в другую протягивал к двери, приглашая вприхнувшую тут же Ундину.

Встряхивая волосами и почти не касаясь пола подошвами чёрных замшевых туфель на высоких

каблуках, Клава одарила всех ослепительной улыбкой. Потом она упала в объятия Саши, взметнув подол длинного чёрного платья без рукавов, с американским декольте и деревянными подвесками-бочонками. На руке Клавы сверкал лазуритами, рубинами и турмалинами икс-образный золотой браслет.

Майкл с сильным акцентом, но всё же разборчиво спросил:

— Надеюсь, крошка, ты нам составишь компанию?

— Составит! — успокоил Николаев, которого Клавдия увлекала на середину комнаты.

Сама она ничего не ответила, а только прикрыла свои русалочьи глаза, крепко прижимаясь к Саше.

* * *

Николаеву приснилось, что ему снова десять лет. И он спит в гостиной на диване, а за окном валит снег. По комнате ходит бледнолицая, но пышная, как сдобная булка, его мать — Кира Ивановна. Она останавливается около стола, накрытого белой крахмальной скатертью, и собирает с него посуду. Гости и Лев Бернардович уже скрылись в комнате хозяина. Оттуда слышатся звуки скрипки — Минц-старший иногда

музицировал по просьбам собравшихся.

Саша видел затылок матери со скрученной косой; её синее, с кружевным воротником, платье; широкую спину и покатые плечи, тесёмки фартука. Набрав целую стопку чашек и тарелок, Кира Ивановна шла к двери. Она оглянулась на свернувшегося калачиком Шурика, и он приподнялся на локте. Хотел сказать, чтобы она не уносила оставшиеся после чаепития пироги, оставила ему хоть один кусок — с капустой. Но язык не шевелился, как это часто бывает во сне, и Шурик молчал.

Потом открылась дверь, и кто-то из гостей заговорил шёпотом. Кира Ивановна, как всегда, ответила сварливо и громко.

— Нечего парня будить — ему в школу завтра. Будет он ещё вас потешать! Соньку попросите поиграть на рояле — тоже в музыкальной школе училась. Пусть они с отцом перед вами и выламываются. А Шурку будить не стану. Ему вставать рано, и поднимать его мне, а не вам...

И Кира Ивановна, вернувшись с кухни, взяла сына на руки и понесла в смежную комнату, смеясь почему-то мужским голосом.

Саша и во сне понимал, что это — всего лишь грёзы. Мать умерла семь лет назад, но острая тоска по ней пришла лишь сейчас — когда скончался и

Лев Бернардович. Когда-то большая семья окончательно распалась, и Саше стало тоскливо. Он захотел вернуться под абажур с кистями, за стол, покрытый хрустящей скатертью. И чтобы молодая жена вот так же, обходя стол со всех сторон, накрывала ему и детям ужин, а потом гремела посудой на кухне. И в любой момент можно было бы, ссадив с колен ребёнка, пойти к ней, обнять сзади, припасть губами к молочно-белой шейке под скрученной в узел золотой косой...

Эта женщина, явившаяся к нему во сне, совершенно не походила на Инессу Шейхтдинову. Да и вряд ли Инна стала бы со счастливым лицом прислуживать Александру Керимовичу. Девушку с ясными голубыми глазами Саша никогда не видел, но откуда-то знал. И сейчас подумал, что во сне к нему явилась несбыточная мечта.

А потом Саша перевернулся на другой бок, заражённый проникшей в сонный мозг тревогой. Он хотел нащупать рядом Клавдию, но рука больно ударилась о барьер кресла-кровати. Саша вскочил, протирая глаза — он точно помнил, что заснул на своей тахте. Теперь же сердце, востепенувшись, прыгнуло в горло. Кровь больно колотила в висках, и перехватывало дыхание. Николаеву показалось, что его со всего размаху ударили ногой в лицо — один раз, другой, третий...

Белая ночь просачивалась сквозь щели между

шторами. Тусклый свет выхватывал из полумрака Клавкину голую задницу, на которой покоилась рука Саймона с обручальным кольцом. Они так переплелись, превратившись в голого розового осьминога, что Саша не мог понять, где чьи конечности. Потом он, нагнувшись, зачем-то поднял Клавкин бюстгальтер «Карина» — чёрный с кружевом, и такие же трусики. Это белье она всегда надевала с вечерним платьем. Лица Майкла Саша не видел. Клавкины волосы засыпали его так же, как вчера вечером — лицо самого хозяина.

— Значит, меня действительно перенесли, — прошептал Саша.

Он завернулся в плед и тут же, не выходя, закурил «Мальборо», втайне надеясь, что спящие проснутся. Но они валялись по диагонали Сашиной тахты, как тёплые трупы, и ни на что не реагировали. А Николаев. В свою очередь, думал, каким придурком он был, когда собирался жениться на дочери Озирского. Потом ещё извинялся перед ней, пытаясь доказать, что не может отдать свой драгоценный рояль Стеличке и тем самым выкупить у него Клавдию. Знал ведь, что она шлюха, но самонадеянно думал, что такому мужчине, как он, изменить невозможно. Саша был заряжен любовной энергией, и вряд ли его партнёрше понадобится ещё кто-то. Выходит, понадобился...

На Майкла почему-то зла не было, хотя он, как ляльку, перетащил своего российского друга на кресло-кровать, заботливо расставленное Клавдией. Саша знал, что Саймон никогда не сделал бы этого против воли женщины. Но Клава, должно быть, захотела узнать ещё одного самца, а заодно заработать доллары. Да, Майкл не знал, кто она Саше. Но Клавдия-то должна была дать ему от ворот поворот! Сразу вспомнился людоед Шерешетский, какие-то «братки» из числа людей Паши Зарубина, который убивал одиноких стариков в квартирах. И ещё целая череда мальчиков и дяденек, связи с которыми Ундина особенно и не скрывала.

Но ведь только что шептала, обвиняясь вокруг Саши, как змея: «Кроме тебя — никого не хочу. Верить? Никого...» Да и Андрей всегда утверждал, что дочь его путается только по заданию, жертвует собой, ломает естество, мучается, ревет. Саша, привыкший слушаться Озирского безоговорочно, поверил и в это.

Раньше Николаев даже представить не мог, как трудно бывает удержаться от убийства. Сейчас он хотел буквально разорвать Клавдию надвое, казнить её так, как это делал Кемп-Самосолов. А прежде — растоптать её лицо, искрошить коваными каблуками берцев. И насладиться визгом, дикими воплями, мольбами о пощаде. Вот ты, оказывается,

какая — героиня, «кровь Озирского», пожалованная в прошлом году премией и ценным подарком за поимку «банды мясников»! Да лучше бы они тебя, стерву, тогда же и сожрали...

Саша, завёрнутый в плед, встал и споткнулся о туфлю на тонкой шпильке. Потом прошёл на кухню и долго сидел там. Он пил из откупоренной за ужином бутылки виски «Джек Дениелс», смотрел в колодец двора, на сырые жёлтые стены. В ночь на четвёртое июня много чего произошло впервые. В том числе первый раз Саша Николаев напился, как свинья.

Потом он вернулся на кресло-кровать, взбил подушку и улёгся снова. Часы пробили четыре, и немного погодя на деревьях зачирикали птички. Решив утром поговорить с Клавдией начистоту, Саша задремал. Надо будет, думал он, всё объяснить Андрею. Иметь дело с его доченькой уже невозможно. А потом, чего доброго, и Петренко потребует отчёта...

«Она тебя обожает, Сашок!» — вспомнил он снова Озирского и скрипнул зубами. Геннадий, конечно, опять взъестся. Получается, проверенного человека долой; да ещё неизвестно, что обиженной даме придёт в голову. Что бы ни пришло — утром она отсюда уйдёт навсегда. А они с Майклом будут искать себе девочек, которые никогда не заговорят о свадьбе.

Надо было думать, что этим кончится. Полночи Клавка танцевала в обнимку сначала с Саймоном, потом — с Вершининым. Майкл исполнял джазовые композиции, Влад пел под гитару свои собственные песни. Саша тоже исполнил кое-что из личного репертуара. Клава целовала всех троих и орала: «Ой, мальчики, вы — гении!» Но всё же то, что дочь Андрея изменит ему не где-нибудь, а в его же комнате, на его тахте, в его присутствии, Саша не мог себе представить...

Этот утренний сон получился тревожным, тошнотворным. Сильно билось сердце, голова съехала с подушки, стало тяжело дышать. Вершинин тоже под конец застолья хорошо набрался. На кокетливый Клавкин вопрос, почему он ушёл из ОМОНа, разразился длинной тирадой. Саймону в таком состоянии было трудно понимать русский язык, и Саше пришлось переводить — с набитым ртом. Он как раз уписывал под водку рыбу-гриль, чтобы не оставлять её в холодильнике.

— Я ту старушку в панамке до сих пор помню, — говорил Вершинин, сдёргивая с себя галстук и глядя бешеными глазами куда-то в окно. Это было уже ночью, перед тем, как пошли спать. — Она смотрела на меня с великим недоумением и ничего не понимала. После

первомайских событий в Москве⁶ пришёл приказ не пропускать девятого мая на Пискаревское кладбище лиц молодого и среднего и возраста. А потом велели и пожилых мужчин заворачивать, чтобы не допустить эксцессов. Пришли люди с гвоздиками на Пискаревку, а тут мы — в полной боевой готовности. Стоим, направив на них водомёты, и демонстрируем решительность. А кладбище, где в блокаду умерших горожан хоронили, в тот день было совсем пустое. Властям тут и там мерещились провокаторы. В итоге пустили только тех, кто еле шевелился. И вот они бредут по узенькой дорожке, еле ноги переставляют. Будто под конвоем... Майкл, ты можешь себе представить, чтобы у вас это было? Ведь на наших ветеранов День Победы вполне могли обрушиться дубинки. А они и плюнуть могли, что-то грубое сказать. Здесь их родные лежат, привезённые на саночках по морозу, а мы, получается, не пускаем к могилам...

Вершинин замолчал, жадно закурил. Саймон старался понять, о чём он говорит, но никак не мог,

---

⁶ ПЕРВОМАЙСКИЕ СОБЫТИЯ В МОСКВЕ — имеются в виду события 1 мая 1993 года, когда на Ленинском проспекте столицы произошли столкновения участников праздничной демонстрации с ОМОНОм.

и потому только кивал. А вот Саша слушал с интересом, потому что раньше Влад не делился с ним самым сокровенным.

— Я и так решил рвать из ОМОНа — после Первого мая, — продолжал Вершинин. — Чёрт с ними, с деньгами! Не научили меня собой торговать. Это ведь тоже, как ни крути, проституция. Я стоял на всеобщем обозрении, как оккупант, как каратель. Вдруг подходит ко мне ко мне очень близко та самая старушка. Очень похожа на бабушку, которая вырастила меня после гибели родителей. Качает головой и говорит: «Как вам не стыдно, молодой человек! Неужели вы меня, учительницу-пенсионерку, боитесь? Я маму, дедушку и братика отвезла сюда на саночках, а теперь и к плите не обойти. Меня, понимаете ли, не пускают. У вас лицо интеллигентное. Вы — не мордоворот какой-нибудь неразумный. До чего же дошло, если такие, как вы, оскотинились? Можете меня ударить, хоть убить, мне всё равно. Неужели у вас других врагов нет, и только мы остались?»

Вершинин опирался подбородком на гриф гитары. Его пальцы побелели, а к лицу прилила тёмная кровь.

— После праздников мы с пятью ребятами подали рапорта. Может быть, я не довёл своё дело до конца, но иначе поступить не мог. Но, к счастью, Петренко сразу всё понял и пригласил нас к себе.

Теперь хоть точно знаю, что против мирных граждан нас не бросят. И я хочу поскорее схлестнуться хоть с Кемпом, хоть с самим чёртом, лишь бы заочно смыть с себя позор. А если мне умереть суждено, буду только рад. Честно говоря, даже боюсь в живых остаться...

Потом Саша окончательно забыл и пришёл в себя лишь от страшной сухости во рту, какая обычно мучила его после обильных возлияний. Язык стал похож на наждачную бумагу и исцарапал, казалось, все дёсны до крови. Когда Саша открыл глаза, то обнаружил, что вновь лежит на своей тахте, сбив постель на пол; и приоткрытые губы жадно ловят воздух. Кресло-кровать было, как и раньше, сложено, и ничто не напоминало о ночной сцене. Моргая воспалёнными глазами, Саша думал, что, может, ему всё показалось с бодуна. Но вдруг у двери, ведущей из гостиной к нему в комнату, послышался Клавин голос.

— Ничего, Саша, наверное, ещё и не просыпался. Он после этого сознание теряет на всю ночь. Если повезёт, ничего и не узнает...

Николаев, до этого приподнявшийся на локте, лёг обратно. Теперь он твёрдо знал, что измена ему не приснилась. Но самое потрясающее открытие заключалось в том, что ответил ей по ту сторону двери не Саймон, а Вершинин. Смысл его фразы

заклучался в том, что поступили они мерзко и гадко, и теперь ему перед Александром век не оправдаться.

Клавдия ещё немного поугovarивала его, похихикала. А потом, чмокнув, видимо, в губы, скользнула в Сашину комнату. Дверь легонько скрипнула, и Саша, притворившись спящим, чуть приоткрыл глаза. Сквозь ресницы он увидел, как Клавка, абсолютно голая, знакомая ему до последней родинки, крадётся к тахте. Она уже хотела юркнуть Николаеву под бочок, но он сел в постели. От неожиданности Клава ойкнула и даже прикрылась руками.

— Значит, ты теперь у нас многостаночница? — Саша старался не смотреть на бывшую, точно бывшую свою любовницу.

Та, справившись с испугом, мило приоткрыла коралловые губки:

— Чего?...

— Давай не будем играть в дурочку. Я всё видел и слышал. То, что ты переспала с Майклом, меня не удивило. За доллары ты готова на всё, понятно. Странно только, что всё это было проделано так спешно, в моём присутствии, на моей тахте. Я ночью довольно долго на вас поневоле любовался. Но вот чего ради ты облагодетельствовал ещё и Влада, я не могу понять...

— Са-аша-а! — ещё более гнусаво, чем обычно, протянула Клава. Она, видимо, хотела, чтобы голос звучал игриво. — Ну, мы же все здесь, как родные... Я и тебя люблю, и ребят. Перестань дуться! Ты мне изменяешь, я — тебе. Мы с тобой не расписаны и не венчаны. Мне что ты, что они. Надо же людям помочь. Майкл тут без жены пока. А Владику Маечка, он говорит, и дотронуться до себя не позволяет. Мне жалко его стало. А ты — эгоист, миленький мой...

Клава, сложив губы трубочкой, хотела поцеловать Сашу в лоб. Тот, желая лишь отстранить её, не рассчитал силу. Толчок получился мощный, болезненный. Сверкнув всеми своими прелестями, Клава отлетела к креслу-кровати.

Сидя на полу, даже не пытаясь уже прикрыться, она протянула:

— Ну-у, козёл... Потише, понял, ты! Чего тебя заносит-то, в самом деле? Подумаешь, рога наставили невинному младенцу! — После этих слов она добавила ещё штук десять отборных матюгов.

Саша внимательно смотрел Клаву и думал, что для блондинки у неё слишком тёмные и большие соски. Он сел на тахте и спустил ноги на пол.

— Вот что, Клавдия Андреевна. Забирай-ка ты своё добро и вали отсюда!

Он надел халат, туго подпоясался. Потом

собрал по углам своей комнаты бельё «Карина», платье, туфли, золотые украшения и бросил всё это Клаве на колени. Она побледнела, но ничего не сказала.

— Я не знаю, согласятся ли считать тебя родной остальные двое. Но лично я не только не желаю видеть в тебе родню, но и теряю терпение...

Николаев говорил противным, тонким, вибрирующим голосом и думал, что таким бешеным не был уже давно.

— Может быть, они и согласятся дальше с тобой встречаться, но уж точно не в моей квартире и не в моей постели. Хотя бы просто потому, что ты сейчас же уберёшься отсюда вон и больше никогда моего порога не переступишь!

— Ты что, Саша? — прошептала Клавдия, прижимая к себе скомканные вещички. — Ты что такое говоришь? Мне же начальство приказало здесь квартиру обслуживать, и папка тоже... Ты не можешь приказ отменить, хоть лопни!

— Обслуживать, но не в этом смысле. Андрею я всё объясню, Петренко — тоже. У нас в Главке достаточно надёжных сотрудниц, одну из них мне выделяют. И доверять ей я смогу больше, чем тебе. Кто предаёт в любовных делах, предаст и в других.

— Много я тебя предавала?! Да я... Я жизнью сколько раз рисковала! К людоедам в плен попадалась, к другим бандитам... Меня чуть не

сожрали, кожу снять хотели, бутылкой с песком били — по грудям и по животу, ножом кололи. Изменницу нашёл... Я ведь люблю тебя, а ты на мне жениться не хочешь. Всю извёл, гад такой! Значит, ты меня просто собственностью считал, но не захотел помочь мне человеком-то стать!

— Человеком стать? А с чего ты перестала им быть, вот вопрос...

Саша старался не думать о том, как он встретится с Саймоном и с Вершининым. Зла на них он не держал, винил во всём Клавдию. Но напряжённость в отношениях, особенно с Владом, теперь неизбежна. Надо как можно скорее закончить объяснения с этой шлюхой, ставшей ему не только чужой, но и ненавистной. Она была цинична и бессовестна, старалась лишний раз услышать похвалы за прежние заслуги, о которых приличный человек постеснялся бы и вспоминать. К тому же, Саша видел, что Клавдия не верит в их разрыв. Наоборот, радуется, что её ревнуют — значит, любят. И ей, вроде, уже нравится выслушивать эти горькие слова.

— Почему ты перестала быть человеком? Трудное детство? Не было родителей? Но, извини, ты повторяешься. Один раз я попался на эту удочку — в прошлый Новый год. Искренне хотел помочь тебе обрести отца, семью, оттаять душой, перестать комплексовать. Да, может, когда-то у тебя и была

тяжёлая жизнь. Но сейчас, прямо скажем, купаешься в роскоши. Тебе платят и в Главке, и в «малине». Стеличек оплачивает тебе квартиру, а отец подарил машину. Ты живёшь, нигде не работая. Носишь шмотки из дорогих магазинов, золото. Каждый день бываешь в ресторанах. Ты жируешь, когда вся страна страдает. Может, именно потому ты с каждым днём развращаешься всё сильнее. На тебя излилось достаточно благ для того, чтобы стать человеком. Были все возможности — тебе доверяли, тебя ценили. Каюсь, я подумывал на тебе жениться. Очень жалел, что Стеличек поставил невыполнимые условия. Теперь, даже он мне и отрубит голову, буду ему благодарен за это. Ладно, что в моей постели мне изменила не законная жена.

Саша потёр ладонью отросшую щетину, и она заскрипела. Немного помолчав, он понял глаза.

— Что же ты сидишь? Я тебе сказал — ребята тебя недостаточно хорошо знают, но это их дело. У Майкла — номер в гостинице, у Влада — квартира и дача. Этого вполне достаточно для встречи. Но здесь я тебя больше не хочу видеть...

Клава вдруг вскочила с пола и принялась быстро одеваться, не попадая в лямки и рукава. Закусив губу, она отбрасывала со щёк волосы, сквозь зубы материлась и плевалась. Потом сунула ноги в туфли и вскочила.

— Нашёл себе кого-нибудь? Прицепиться захотел? Попробуй, найди себе такую, чтобы и спала с тобой, сколько надо, кормила бы, обстирывала! Да ещё имела такую внешность, как у меня! Скажи по-честному — я, мол, первый изменил... Найди сейчас верного человека! Фигу ты найдёшь. Я добрая, я прощу, я подожду... Уйду, но потом ты сам очухаешься и вернёшься, потому что твоя Инесса плевать на тебя хотела. И другие бабы тебя не любят — им только твоя квартира нужна. А люблю тебя только я. Друзьями своими брезгуешь — пусть они про это знают. Сама скажу!

— Ими я не брезгую, Клавдия. Я брезгую тобой. И давай, уходи, в темпе вальса. С этого дня мы с тобой не знакомы.

Саша вдруг ощутил лёгкую, пьянящую, как шампанское, радость. Оказывается, эта женщина тяготила его уже давно. Но понимание этого пришло только сейчас, когда разлука была уже близка.

— Меня оскорбила даже не твоя измена, а то, *как* ты это сделала. Словно римская матрона в присутствии раба, ты позволила себе при мне трахаться с двумя. Подчёркиваю, двумя другими мужиками. Кто они мне, это другой разговор. Ты сделала бы это даже в том случае, если бы мы поженились. Такова уж твоя натура. Убирайся отсюда и не звони мне больше! Жаловаться

можешь, сколько угодно. Но, надеюсь, Андрей и Геннадий Иванович меня поймут.

— Да пожалуйста! — с вызовом сказала Клавдия.

Она ушла в другую комнату, где похрапывал Саймон, и собрала пожитки. В белую сумку из мятой кожи запихала свои платья, кроссовки, гетры для аэробики, светильник-ромашку и гору косметики. Горсть серёг и кулонов Клавдия сгребла со стола, не глядя, запихнула под мышку японский зонтик и быстро пошла к двери. Вершинин, видимо, тоже спал, потому что никакого движения в гостиной Саша не уловил.

— Женщину голодную, невытую выгоняешь, забыв обо всём! Бог тебе судья. — Клавдия сделала вид, что глотает слёзы. — Не умру без тебя, другого найду. Много вас вокруг меня ошиваются. Это я раньше на всё согласная была, а теперь цену себе узнала. Звонить не буду — сам позвонишь. Чао!

Клавдия задержалась на пороге, и они с Сашей минуту смотрели друг другу в глаза. Потом Масленникова криво усмехнулась, и её сходство с Андреем взбесило Сашу окончательно. Он изо всех сил сдерживался, чтобы не влечь Клавдии оплеуху.

— Приятно было познакомиться! — крикнула она.

И, тряхнув одновременно волосами и

деревянными бочонками на декольте, сгибаясь под тяжестью сумки, выскочила на лестницу. Больше ни разу не оглянувшись, Клава без лифта скатилась вниз, выбежала во двор, открыла вишнёвую «пятёрку» и рухнула за руль, заливаясь слезами.

Когда «Лада» уде уехала к мосту Лейтенанта Шмидта ⁷, Саша вспомнил, что в своём крокодиловом ридикюле с позолоченным замочком Клавдия унесла ключи от трёх замков входной двери его квартиры...

Глава 5

Они шли по Большому проспекту Петроградской стороны — от ресторана «Приморский», в кулинарии которого пили кофе, к ресторану «Хэбэй». Там на девять часов вечера китайский коммерсант господин Ян Цин назначил встречу телезвезде Светлане Веровой. Нужно было обсудить с ней условие размещения рекламы на частном канале телевидения, все передачи которого они вели на пару с Андреем Озирским.

Господин Цин уже успел пообщаться с Денисом Сарбашем и предложил ему за хорошее

---

⁷ МОСТ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА — ныне БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ.

вознаграждение прорекламирровать купальники фирмы «Готтекс» из Израиля, а также пляжные принадлежности канадского производства. Партию товара господин Цин только что привёз на склады Санкт-Петербурга, о чём хотел известить как российскую, так и финскую аудиторию.

Обо всём, что могло заинтересовать Светлану в связи с предполагаемыми съёмками рекламного ролика, господин Цин обещал рассказать ей при встрече в китайском ресторанчике, который по приезду в Питер обязательно навестит. Но сил на посещение ещё одного заведения у Светы не оставалось — в её плотный график вклинилась встреча с бывшим мужем. Перед ним теледива до сих пор чувствовала себя виноватой, и потому не смогла отказать. Они развелись полгода назад, и оба жалели о таком шаге. До сих пор сомневались в том, правильно ли распорядились своей, в общем-то, счастливой семейной жизнью.

Инициатором развода была Светлана. Она считала, что не имеет права оставлять Валентина бездетным. После неудачного аборта Света не могла иметь детей, и Валентина это очень тяготило. Супруги Веровые прожили вместе десять лет, и всё надеялись, что врачебный приговор окажется ошибочным. К тому же, в начале совместной жизни, подобно многим молодожёнам, Светлана и Валентин хотели пожить для себя. И лишь потом,

когда обоими овладело желание стать родителями, начались первые размолвки, немые упрёки, вскользь брошенные слова обиды и горечи.

— Я не спрашивал, кто у тебя был до меня. И не предполагал, что твой роман оказался с продолжением, — как-то заметил Валентин.

— Жаль, что я тебе сразу всё не рассказала! — раздражённо ответила Светлана. — Может быть, нам не следовало регистрироваться. Впрочем, я тебя не стесню. Виновата — буду отвечать. Если ты найдёшь себе другую, и она забеременеет, я тут же подпишу все документы. Скандалов не бойся, тайных пакостей — тоже. Если только решишься — не скрывай, ставь меня в курс дела. Я ведь должна как-то планировать свою жизнь...

Света говорила мужу это, но сама втайне надеялась, что ничего подобного не случится. Они всё же любили друг друга и собирались жить вместе до гробовой доски.

— Подумаешь, живут же бездетные пары по тридцать-сорок лет вместе! — время от времени повторял Валентин.

— Нет, нет! Поступай, как сочтёшь нужным! — настаивала Светлана.

И однажды, вернувшись домой, Валентин Веровой усадил жену перел собой, за кухонный стол. Глядя на носки своих ботинок, впервые в жизни не снятых у порога, он признался в своей

измене. Мол, познакомился с девушкой из техникума общественного питания, где преподавал, и у них возникло чувство. И, может быть, хотя ещё точно неизвестно...

— Всё, устраивай свою судьбу, — перебила его Света. — Ты — сам себе хозяин, я — сама себе!

Теперь Валентин Веровой ждал ребёнка точно так же, как и его молодая жена Люба. Они даже не обращали внимания на то, что происходило в стране, не задумывались, как будут растить малыша. Оба имели «доступ к котлу» и надеялись, что смогут его вытянуть. Плетясь рядом с бывшей женой по заплёванному асфальту Большого проспекта, мимо коммерческих ларьков, куч мусора и перевёрнутых ящиков, Веровой искоса поглядывал на неё. И думал, что Свете, наверное, стыдно идти рядом со встрёпанным, зачуханным мужиком в дешёвеньком, застойных времён, костюме и в запylённых сандалетах. По лицу Валентина катился пот — разговаривать с бывшей супругой ему было и тяжело, и больно.

А Светлана, казалось, забыла о нанесённой ей обиде. Она шла рядом с Валентином, разметав на влажном ветру свои платиновые блестящие волосы. На губах её переливалась малиновая, под цвет лака, помада. Экс-супруг воспринимал её теперь как рекламную красотку. Белый, с чёрными полосами, пиджак, бархатные брюки, шёлковая блузка, серьги

с гелиотропами, сумочка-туесок из кожи крокодила — всё это Валентин видел впервые.

Цокая по асфальту каблуками-рюмочками, Света торопилась к «Хэбэю». Она даже сразу не поняла, что Валентин ошибся с родом её занятий. Он считал, что никакого рекламодателя в природе не существует, а красота бывшей жены вполне позволяет ей зарабатывать другим способом. Сама же Света даже не представляла, что Валя счёл её проституткой. Он шёл и думал, что теперь должно быть всё равно. Светлана свободна, и может распоряжаться душой и телом по своему усмотрению. И, если Света ступила на скользкую дорожку, виноват только он, и больше никто.

Пусть она разрешила ему найти другую, пусть даже настаивала на расторжении брака. Но получилось, что муженёк только того и ждал. Ринулся за первой же попавшейся юбкой, кровь с молоком, а потом цинично поставил в известность жену. Останься он со Светой, ничего подобного не произошло бы, никогда. Но теперь уже всё кончено, и остаётся только решить квартирный вопрос. У Любы в Питере нет жилплощади. Они проживают на улице Осипенко — в той квартире, что Валентин и Светлана получили восемь лет назад. И там же Света оставалась прописанной поныне. Веровой никак не мог перейти к жилищной теме, шурился, заикался, и голова его клонилась всё ниже. Света,

искоса поглядывая на него, улыбалась.

Они шли мимо витрин закрытых уже магазинов, перешагивали через трамвайные рельсы. По Большому проспекту проезжали редкие сейчас машины. Разговор клеился плохо и грозил не закончиться даже у «Хэбэя». Не доходя до кинотеатра «Свет», Веровой остановился, мотнул головой в сторону скамеек в скверике, где сейчас было пусто и сыро. Светлана, по-прежнему улыбаясь, согласно кивнула.

Бывшие супруги так и не присели, потому что заморосил дождь. Свете пришлось открыть зонт, и оба спрятались под перламутровым куполом.

— Светланка, я вот так всё и жалею, понимаешь? Вижу перед собой Любку, а думаю о тебе. Я поступил, конечно, как подлец. Ты презираешь меня, и правильно делаешь. Не погорячились ли мы с тобой?

— Этот вопрос, Валечка, я оставила на твоё усмотрение. Ты поступил так, как счёл нужным.

Света уже переболела этой проблемой. Она то и дело поглядывала на свои золочёные часики, боясь опоздать.

— Конечно, я жалею. Помнишь, как ты ухаживал за мной? Как в старинном романе! Сейчас мужчины так себя не ведут.

— Светик, вижу, ты хорошего друга себе нашла! Каюсь, но одеть тебя так я бы не смог, а при

твоей внешности надо носить наряды от Диора. Конечно, не моё это дело, и ты можешь послать меня подальше...

Веровой не мог поднять глаз от земли. Он говорил сбивчиво, невнятно, и чувствовал, что надоедает Светлане всё больше.

— До меня слухи дошли... Опять с тем самым мужчиной живёшь, который тогда... Он, вроде, на Литейном работал?

— Откуда только выкопал! — рассмеялась Светлана.

Она протянула душистую холёную руку и погладила влажные спутанные кудри жалкого человека, который когда-то бы её мужем.

— Да, живу, но замуж за него не собираюсь. Он женат на французской журналистке высокого происхождения. Ты не смотришь наши передачи?

— Нет. Телевизор у меня сдох, а починить не соберусь. К тому же, надо приставку покупать, чтобы вас увидеть. А денег нет.

— Понятно. — Светлана не знала, стоит ли откровенничать, но всё же сказала: — Мы с Андреем вместе ведём программу. Для того он и переехал в Выборг...

Она оглядела тёмные высокие дома, зажимающие ущелье Большого проспекта. Лепные украшения, крыши, двери парадных и забрызганные дождём стёкла витрин постепенно

пропадали во мраке.

— Я пригласила его в эту программу, — продолжала Света. — Помогла устроиться в жизни, найти себя после душевного кризиса. Кажется, Андрей немного успокоился, и доволен сейчас... Как и ты, Валечка. Теперь мы с тобой только друзья, и я рада этому. Что ни делается, всё к лучшему. Возможно, ты был рождён для Любы. А я там, в Выборге, найду своё счастье. Если честно, работать на частной студии здорово. Дело новое, увлекательное, так что я не жалею. У меня всё о'кей, не переживай. Ты хотел поговорить насчёт квартиры?

— Да, Светик. Спасибо, что начала первая. — Веровой мялся, стягивая на груди лацканы промокшего пиджака. — Мне и неловко, да Любе нужно прописываться. А это — наша с тобой жилплощадь. Давай уж сейчас решать. Ей родить через два месяца, а всё на нервах, понимаешь. Сейчас она в общежитии числится.

— Да что ты мне объясняешь, Валечка? — Светлана тепло взглянула на него. — У меня сейчас служебная площадь в Выборге. Отличная однокомнатная квартира. Так что пока я там работаю, меня не выгонят.

— А если уволишься?

— Там видно будет. Я получаю достаточно, частью в валюте. Кроме того, через нашу передачу

приобретаю нужные связи. Мне обещали помочь с жильём и в случае ухода из программы. Правда, я сейчас совсем этого не хочу. Наоборот... Я всегда мечтала работать на телевидении. Но о том, чтобы получить в распоряжение пусть частный, но целый канал, даже не думала...

— Спонсоры у вас богатые? — уныло спросил Веровой.

При всём своём добром отношении к Свете он, как многие мужчины, переживал, что оставленная жена устроилась лучше него.

— Безусловно, организовать такое дело могут только богачи. Таковые нашлись: один — у нас, другой — в Финляндии. Теперь мы понемногу осваиваемся в эфире. Извини, Валечка, уже без десяти девять. Мне нужно идти к «Хэбэю».

— Дождик, вроде, перестал.

Валентин несмело взял Светлану под руку. Они побрели в сторону Большого проспекта.

— Ты делаешь, конечно, широкий жест. Оставляешь нам квартиру... Я всё понимаю. Но сейчас ты счастлива — нашла своё дело, встретила первую любовь. Не пожалеешь ли потом?

— Нет, живите. Твои родители выбивали для нас эту квартиру, пусть она за тобой и остаётся. — Света махнула тонкой рукой, и её браслет звякнул. — Две комнатки-живопырки, кухня шесть метров, окна все на запад — для Питера это плохо.

Вам с Любой и ребёнком ещё мало будет. Короче, обо мне не беспокойся. Свой выборгский телефон я тебе оставила. Нужна буду — звони. Из квартиры я скоро выпишусь.

— Светка, ты необыкновенная женщина!

Веровой схватил её за вторую руку, поднёс обе ладони к губам и принялся быстро целовать. Света сделала попытку освободиться, оглядываясь в сторону «Хэбэя». Потом всё-таки вырвала руки.

— Валя, у меня время выходит... Не надо нервничать. Приди в себя и езжай домой. Я не хочу изображать из себя благодетельницу, но мне действительно не нужна твоя квартира. А сейчас, извини, у меня деловая встреча. Опаздывать в этих кругах не принято.

— Понял. — Веровой переступил с ноги на ногу, сглотнул слюну, а потом робко улыбнулся, сгребая влагу с волос и бровей. — Ну, иди, жёнка... А-а! — Он закашлялся, прикрыв ладонью рот. Потом поднял указательный палец. — Самое главное! Любке сказали, что у неё будет девочка. Светой назовём, обещаю.

— Спасибо. Спасибо, дорогой!

Светлана серьёзно, даже взволнованно смотрела на бывшего мужа. Хотела было поцеловать его в щёку, но передумала и просто пожала руку.

— Холодно, Валечка, а ты весь мокрый. Иди

на метро, а то простудишься.

Она поправила бывшему супругу воротничок-апаш — тоже мокрый и мятый. Редкие прохожие смотрели на них с интересом, гадая, что у этой пары может быть общего.

— Всё, дружок, пока. Счастливо тебе!

Света указала в сторону площади Льва Толстого, откуда двигался фиолетовый сверкающий лимузин с тонированными пуленепробиваемыми стёклами.

— Это — автомобиль господина Цина, — пояснила Светлана Валентину. — Держи хвост пистолетом! Надеюсь, ещё увидимся...

Она побежала через Большой проспект, к резному крылечку ресторана. Надеялась успеть до тех пор, когда «Тойота» остановится, и господин Цин выйдет на улицу. Забыв обо всём, вытирая ладонью мокрое лицо, Веровой щурил свои близорукие глаза, переживал и грустил. Светлана, как видно, уже позабыла о нём. Она ещё раз взглянула на часы и пошла медленнее.

«Тойота» встала точно перед крыльцом. Из ресторана тотчас же выбежали два невысоких черноволосых паренька в синих однобортных костюмах. Поклонившись Светлане, они почтительно открыли двери. Веровой даже приподнялся на цыпочки, стараясь разглядеть того,

с кем собиралась встретиться бывшая жена. Но когда сумел это сделать, разочарованно вздохнул. Маленький, уже старый человечек с глазками-червячками, в светло-сером костюме из льна с вискозой, коричневых туфлях на шнурках и безукоризненной белой сорочке с расшитым диковинными растениями галстуком преувеличенно-вежливо поздоровался со Светланой. Они вместе прошли под покатуую крышу, за разрисованные иероглифами стёкла.

Веровой же свернул в ближайшую подворотню, стал поспешно искать в карманах пачку сигарет «Опал» и коробок спичек. Он остался в прежнем их мире, а Света ушла в другой — сверкающий и таинственный, притягательный и опасный. Но Валентин не был одинок — он имел новую семью, мог в свои тридцать шесть лет надеяться на лучшее. Пусть у него всё скромно, зато надёжно.

Вдыхая дым, Веровой согревался и не спешил уходить. Зная, что снова окликнуть Светлану не решится, всё-таки хотел дождаться её. И это несмотря на то, что из клубящихся чёрных туч над Петроградской стороной сеялся холодный дождик. Чувствуя, что в сандалетах хлюпает, и одежда прилипла к телу, Веровой поправил на носу очки, вышел из подворотни и остановился за углом. Так, как сейчас, он не любил Светлану ещё никогда.

Он вспоминал, как в погожий день, летом восемьдесят второго года, в их техникум приехала молодая выпускница факультета журналистики. Она осуществляла своё первое расследование, касающееся воровства продуктов в учебном заведении. Воровой как раз и был автором обращения в газету. Светлана сначала говорила с ним о хищении продуктов, а потом — вообще о жизни.

Немного погодя, узнав, что Света любит оперу, Валентин по огромному благу достал билет в Кировский ⁸ театр. Потом они часто ходили в филармонию, в Малый зал консерватории. Не вылезали из Эрмитажа, где посещали чуть ли не все выставки подряд. И, в конце концов, решили, что им надо быть вместе. Расписались в ЗАГСе Фрунзенского района, на Фонтанке, пригласив на церемонию только самых близких. А перед тем Валентин купил невесте платье цвета чайной розы в фату в блёстках.

Незадолго до свадьбы Света призналась, что в ранней юности у неё была опрометчивая и неудачная любовь. Но с этим давно покончено, и пусть Валя не беспокоится.

— Да она, эта любовь, у всех была! Глупые

---

⁸ КИРОВСКИЙ ТЕАТР — ныне МАРИИНСКИЙ.

девчонки кидаются первому встречному на шею, а потом локти кусают. Хочется перед подружками повоображать... Бери Свету, сынок. Миловидная она, и характер неплохой. Будет тебе вместе меня, — сказала на это мать Валентина.

Тёщу, Виталину Анатольевну, Валентин пленил своей интеллигентностью, культурным обращением, начитанностью. Жили сначала у неё, на Аэродромной улице. Семья получилась на удивление дружная. Ни тёща, ни свекровь молодым не мешали, а про мужчин и говорить нечего. Отец Светланы уже тяжело болел и вскоре умер. Старик Веровой в невестке души не чаял, несмотря на то, что та не торопилась рожать ему внуков. Когда Валентин женился на Любе, отца уже не было в живых. Матери всё это не понравилось, но она учла печальные обстоятельства. Ей очень хотелось стать бабушкой, и потому пришлось благословить сына.

Веровой ходил по чётной стороне Большого проспекта, напротив «Хэбэя». Он рассматривал товары, выставленные в витринах магазина «Олимпиаец», но делал это совершенно бездумно. Прошёлся до кинотеатра «Свет», пошарил по карманам, но денег на билет не нашёл. Кроме того, не хотелось смотреть очередной американский триллер. Экспресс-кафе при «Хэбее» уже было закрыто. Да Валентин и не пошёл бы туда из-за проблем с финансами. Плюс ко всему, он терпеть

не мог такие кабаки.

Перейдя Большой проспект, ёжась от вечернего холода, он побрёл по Бармалеевой улице к Большой Пушкарской. Завернул за изгородь в мокрый, темный сквер и подумал, что надо дождаться Свету, проводить её до дома. Но сначала позвонить на Охту Любе, предупредить, что задержится. Вон, и таксофон прилепился к стене дома, неподалёку от входа в ресторан. А то ведь в Любином положении нервничать нельзя. Если с женой что-то случится, он себе этого не простит.

Круто повернувшись, Веровой снова заспешил к углу Большого и Бармалеевой. Он отыскал в кармане припасённый жетон и обрадовался тому, что оба аппарата свободны, и кругом — никого. Они ещё не договорили со Светой. И свинство это — принимать её жертву как должное. Надо обязательно предложить обмен. Если Света разбогатела, то доплатит и найдёт лучший вариант.

Валентину показалось, что с крыши дома, углом выходящего на Большой проспект, свалился кирпич. Или камень. Или кастрюля. А, может быть, какой-то другой тяжёлый предмет ударил его по темечку и разбил череп. Веровой остановился, сделал шаг назад. Он уже понял, что погиб, как хотел когда-то — быстро и неожиданно.

«Нелепый несчастный случай. Жаль, что не

успел позвонить. Люба будет ждать и нервничать...»

Страшная боль, пронзившая Валентина от макушки до пяток, внезапно стихла. Горлом хлынула горячая кровь, но и это ощущение не успело причинить Веровому страданий. Ему показалось, что серые тяжёлые тучи, которые сыпали над городом ледяным дождём, несут его на восток, к Охте. А облака, оказывается, тёплые и мягкие, как пух. И так весело плыть над Питером — над Петроградкой, над Невами и Невками, проспектами и переулками, над островами и мостами. Валентин захохотал, впервые за долгое время, перестав переживать из-за развода со Светланой. Бывшая жена осталась далеко внизу, и больше его не интересовала.

А его труп, пока ещё никто с проспекта и из окон не увидел, затащили в сквер. Два рослых парня в спортивных костюмах, раскачав тело, бросили его в кусты. Потом вытерли руки и ноги, закурили «Мальборо» и направились к «Хэбью», чтобы доложить о случившемся господину Цину. Они обшарили карманы убитого, но ничего подозрительного не нашли. Поживиться тоже оказалось нечем — покойник употреблял сплошное барахло, о которое было жаль мараться. Что-то звякнуло под ногами убийц. Один из них, не взглянув, отбросил ногой под водосточную трубу

блестящий латуною небольшой предмет размером со спичечный коробок.

В ту же самую минуту, когда оба оказались под крышей у входа в ресторан, черноволосый юноша открыл дверь. Светлана Веровая и Ян Цин, отужинав среди зелёных гирлянд, китайских масок и вееров, покинули «Хэбэй». Перед глазами Светы ещё стояло прекрасное, зелено-голубое панно с горами, лугами и речушками; и настроение у неё было расслабленное, умиротворённое.

Сегодня Света впервые в жизни попробовала рыбу-виноград, огурец-змею, жареную свинину в томатном соусе и экзотический десерт-салат из ананасов, вишни и лечеса. Впуск посетителей, как всегда, прекратили в десять часов вечера, а сейчас было почти одиннадцать. Светлана с Яном Цином остались в зале одни. Гость удивлялся, как светло ночью в городе. Он признавался, что видел белые ночи на Огненной земле, но там они совершенно какие-то другие.

— Да, несмотря на успех у аудитории, наш канал ещё испытывает материальные затруднения, — очаровательно улыбаясь, говорила Света. Цин, великолепно знавший русский язык, часто кивал, глядя ей в глаза. — И наш администратор, господин Сарбаш, и я очень вам благодарны. Мы постараемся создать замечательный клип — я обещаю вам это. Мы